Ч. Диккенс

НЕТ ПРОХОДА

У. Коллинз

Нет прохода

Уилки Коллинз, Чарльз Диккенс

Аннотация
Уилки Коллинз,. Чарльз Диккенс. НЂТ ПРОХОДА
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
ПЕРЕД ПОДНЯТИЕМ ЗАНАВЕСА
ДЕЙСТВИЕ I
  Занавес поднимается
  Является экономка
  Экономка говорит
  На сцене новые действующие лица
  Уайльдинг уходит
ДЕЙСТВИЕ II
  Вендэль ухаживает
  Вендэль получает дурные известия
ДЕЙСТВИЕ III
  В долине
  В горах
ДЕЙСТВИЕ IV
  Часы-замок
  Победа Обенрейцера
ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Аннотация

Два подкидыша из лондонского Воспитательного дома получили одно и то же имя, что спустя годы привело к катастрофическим последствиям.

Два юриста занимаются поисками пропавшего наследника, дабы исправить несправедливость. Розыски ведут их от заплесневелых винных погребов лондонского Сити к солнцу Средиземноморья через зимние швейцарские Альпы.

Ложь и коварство одержали бы верх, если б не мужество юной женщины…

Отъ редакціи: Повѣсть «Нѣт прохода» была написана в 1867 г. Уильки Коллинзом совмѣстно с Ч. Диккенсомъ; при этомъ исключительно Диккенсом были написаны только «Передъ поднятіем занавѣса» и «Третье дѣйствіе», Коллинзъ же писалъ первое и четвертое дѣйствія совмѣстно съ Диккенсом и цѣликомъ — второе.

Уилки Коллинз, Чарльз Диккенс
НЁТ ПРОХОДА

ОТ РЕДАКЦИИ

Повесть «Нет прохода» была написана в 1867 г. Уилки Коллинзом совместно с Ч. Диккенсом; при этом исключительно Диккенсом были написаны только «Перед поднятием занавеса» и «Третье действие», Коллинз же писал первое и четвертое действия совместно с Диккенсом и целиком — второе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мистер **Бинтрей**, поверенный в делах мистера Вальтера Уайльдинга.

Госпожа **Дор**, пожилая компаньонка Маргариты.

Миссис **Сара Гольдстроо** («Салли»), экономка мистера Уайльдинга.

Мистер **Джэрвис**, клерк.

Джоэ Лэдль, главный надсмотрщик над погребами у Уайльдинга и К°.

Г. **Жюль Обенрейцер**, лондонский агент одной швейцарской фирмы.

Мисс **Маргарита Обенрейцер**, его племянница.

Мистер **Джордж Вендэль**, компаньон фирмы Уайльдинг и К°.

Maître **Фохт**, симпатичный старичок, главный нотариус Невшателя.

Мистер **Вальтер Уайльдинг**, виноторговец.

ПЕРЕД ПОДНЯТИЕМ ЗАНАВЕСА

День месяца и года — 30-ое ноября 1835 г. Лондонское время на больших часах собора Св. Павла десять часов вечера. Все меньшие лондонские церкви прочищают свои металлические глотки. Некоторые торопятся начать немного раньше тяжелого колокола большого собора, другие отстают на три, четыре, полдюжины ударов; все они дают довольно согласный аккорд и оставляют в воздухе отзвук, словно крылатый отец, пожирающий своих детей, звонко взмахнул своей гигантской косой, пролетая над городом.

Что это за часы, ниже большей части других и ближе к уху, которые сегодня вечером так сильно отстали от других, что одиноко отбивают свои удары? Это часы Воспитательного Дома для подкидышей. Было время, когда подкидышей принимали без всяких расспросов в колыбельку у ворот. Но теперь о них расспрашивают и их принимают точно из милости от матерей, которые отказываются от своего вполне естественного желания получать о них сведения и навсегда лишаются всех прав на своих детей.

Полный месяц сияет и ночь прекрасна со своими легкими облачками. Но день вовсе не был прекрасен, так как слякоть и грязь, увеличившиеся еще от осевших капель тяжелого тумана, лежат черным покровом на улицах. Той даме под вуалем, которая ходит в волнении взад и вперед около задних ворот Воспитательного Дома, нужно было бы сегодня хорошенько обуть свои ноги.

Она ходит в волнении взад и вперед, избегая проходить мимо стоянки наемных карет и часто останавливается в тени западного угла большой четыреугольной стены, повернувшись лицом к воротам. Над ее головой непорочное небо, залитое лунным сиянием, а под ее ногами грязь мостовой; не мог ли также, подобно этому, ее ум разделиться между двумя заключениями, на которые наводит размышление или опыт? Подобно тому, как ее следы, пересекаясь и перекрещиваясь друг с другом, образовали на грязи целый лабиринт, так не сбился ли, быть может, и ее жизненный путь в запутанный и беспорядочный клубок?

Задние ворота Воспитательного Дома отворяются, и из них выходит молодая женщина. Дама стоит в стороне, следит за всем, видит, что ворота снова тихо затворяются извнутри и идет следом

за молодой женщиной.

Две или три улицы были пройдены в полном молчании, пока, наконец, она, следуя очень близко за предметом своего внимания, не протягивает руки и не касается молодой женщины. Тогда та останавливается и, вздрогнув, оборачивается.

— Вы дотрагивались до меня и вчера вечером, но когда я обернулась, то вы не хотели говорить. Зачем вы ходите за мной, как безмолвный дух?

— Я не говорила не потому, что не хотела, — ответила дама тихим голосом, — а потому, что не могла, хотя и пыталась.

— Что вам надо от меня? Может быть, я когда-нибудь сделала вам что-нибудь дурное?

— Нет, никогда.

— Знаю я вас?

— Нет.

— Тогда что же вам надо от меня?

— Вот в этой бумажке две гинеи. Возьмите от меня этот ничтожный маленький подарок, и тогда я расскажу вам.

Честное и пригожее лицо молодой женщины покрывается краской, когда она произносит:

— Во всем громадном здании, где я служу, нет ни одного человека, ни взрослого, ни ребенка, у которого не нашлось бы доброго слова для Салли.

Салли — это я. Разве обо мне стали бы хорошо думать, если бы меня можно было подкупить?

— Я не намереваюсь подкупать вас; я только хотела вознаградить вас, предложив вам очень немного денег.

Салли твердо, но не грубо, закрывает и отводит от себя протянутую руку.

— Если я что-нибудь и могу сделать для вас, мадам, и если бы я и могла сделать этого ради вас самих, то вы очень ошибаетесь во мне, думая, что я сделаю это за деньги. Чего же вы хотите?

— Вы одна из нянек или служанок в Воспитательном Доме; я видела, как вы выходили оттуда сегодня вечером, да и вчера вечером.

— Да. Я Салли.

— На вашем лице лежит отпечаток ласкового терпения, и это заставляет меня думать, что очень маленькие дети быстро привыкают к вам.

— Благослови их Боже. Да, они привыкают.

Дама приподнимает свой вуаль и открывает лицо, которое кажется не старше лица Салли, лицо гораздо более изящное и интеллигентное, чем у той, но истомленное и удрученное горем.

— Я несчастная мать одного недавно принятого на ваше попечение ребенка. Я обращаюсь к вам с мольбой.

Инстинктивно уважая то доверие, с которым был поднят вуаль, Салли, пути которой — всегда пути простоты и сердечности, снова опускает его и начинает плакать.

— Вы выслушаете мою мольбу? — настаивает дама. — Вы не будете глухи к отчаянной просьбе такой просительницы с разбитым сердцем, как я?

— Боже, Боже, Боже мой! — плачет Салли. — Что я скажу, что я могу сказать! Не говорите о мольбах. Мольбы возносятся ко Благому Отцу всего земного, а не к няням, вроде меня. И постойте! Я еще пробуду на своем месте только полгода, пока другая молодая женщина не сможет подучиться. Я собираюсь выйти замуж. Я не должна была бы уходить со двора вчера вечером и не должна была бы уходить и сегодня, но мой Дик (это тот молодой человек, за которого я выхожу замуж) лежит больной, и я помогаю его матери и сестре ухаживать за ним. Не хватайтесь за меня так, не хватайтесь за меня!

— О добрая, милая Салли, — стонет дама, цепляясь с мольбой за ее платье. — Вы полны надежд, а я в отчаянии; пред вами лежит прекрасный жизненный путь, который уже никогда, никогда не сможет открыться передо мною; вы можете

питать надежду стать уважаемой женой и матерью. Вы полная жизни, влюбленная женщина, но и вы должны умереть. Ради Бога, выслушайте мою горестную просьбу!

— О, Боже, Боже, Боже мой! — плачет Салли, причем ее отчаяние доходит до величайших пределов при произнесении местоимения, — но что же я должна сделать? И потом! Смотрите, как вы обратили против меня мои же собственные слова. Я сказала вам, что собираюсь выходить замуж, чтобы сделать для вас понятнее, отчего я оставляю свое место и почему не могу помочь вам, бедняжка, если бы даже хотела; а вы говорите так, словно я сама настолько жестока, что выхожу замуж и не помогаю вам. Это нехорошо. Ну, разве это хорошо, моя бедняжка?

— Салли! Выслушайте меня, моя дорогая. Моя мольба не о будущей помощи. Она касается того, что уже прошло. Ее можно передать в двух словах.

— Ну, вот! Это еще того хуже, — восклицает Салли, — вы думаете, что я понимаю, что вы подразумеваете под этими двумя словами.

— Вы понимаете. Какое имя дали они моему бедному ребенку? Я ни о чем больше не спрошу, кроме этого. Я читала о правилах Воспитатель-

ного Дома. Он был окрещен в часовне и занесен в списки под каким-нибудь именем. Он был принят в прошлый понедельник вечером. Как они его назвали? — И в своей страстной мольбе дама опустилась бы на колени в вонючую грязь улицы, по которой они бродили — пустынной улицы без прохода, выходящей на темный сад Воспитательного Дома — но Салли удерживает ее.

— Нет, нет! Вы заставляете меня чувствовать, словно я хвалилась своей добротой. Дайте мне еще раз взглянуть в ваше милое лицо. Положите свои обе руки в мои. Теперь, обещайте. Вы никогда не спросите меня ни о чем больше, кроме этих двух слов?

— Никогда, никогда!

— Вы никогда не станете употреблять их во вред, если я скажу их?

— Никогда, никогда!

— Вальтер Уайльдинг.

Дама опускает свою голову на грудь няни, крепко сжимает ее в своих объятиях, шепчет благословение, произносит слова: «Поцелуйте его за меня», и уходит.

* * *

День месяца — первое октябрьское воскресенье 1847 года. Лондонское время на больших часах собора Св. Павла — половина второго пополудни. Часы Воспитательного Дома для подкидышей сегодня в полном согласии с соборными. Служба в часовне окончена и подкидыши обедают.

Как обыкновенно, за обедом присутствует много зрителей. Здесь два или три попечителя, целые семейства прихожан, меньшие группы лиц обоего пола, отдельные посетители разного положения. Яркое осеннее солнце бодро проникает в палаты Воспитательного Дома; и окна в тяжелых рамах, через которые оно светит и обшитые панелями стены, на которые оно надает, словно с картин Гогарта. Столовая девочек (в которой также обедают самые маленькие дети) привлекает всеобщее внимание. Опрятные служанки молча скользят около тихих и молчаливых столов; зрители ходят или останавливаются, где им заблагорассудится; нередко делаются замечания шепотом о наружности такого-то номера от такого-то окна; есть много таких лиц, которые способны привлечь к себе внимание. Некоторые из посетителей — обычные посетители. Они

завязали мимолетное знакомство с некоторыми из девочек, сидящих в определенных местах за столами и останавливаются около них, чтобы нагнуться и сказать одно-два слова. Их доброту ничуть нельзя уменьшить тем, что эти места заняты наиболее привлекательными девочками. Монотонность длинных просторных комнат и двойных линий лиц приятно нарушается этими инцидентами, как бы они ни были незначительны.

Какая-то дама под вуалем ходит без спутника посреди толпы. Заметно, что никогда еще ее не приводило сюда ни любопытство, ни случай. У нее такой вид, словно она немного смущена зрелищем, и когда она проходит вдоль столов, то походка выдает ее нерешительность и неловкость в манерах. Наконец, она подходит к столовой мальчиков. Они настолько менее популярны девочек, что в этой столовой совершенно нет посетителей, когда дама заглядывает в двери.

Но как раз в дверях случайно стоит наблюдающая за столовой пожилая служанка: нечто в роде сиделки или экономки. Дама обращается к ней с обычным вопросом: сколько здесь мальчиков? В каком возрасте они обыкновенно начинают самостоятельную жизнь? Часто ли они имеют

влечение к морю? Так продолжает она все тише и тише, пока не задает вопроса: «Который из них Вальтер Уайльдинг?»

Служанка качает головой. Это против правил.

— Вы знаете, который Вальтер Уайльдинг?

Служанка чувствует на себе так ясно пристальный взгляд дамы, изучающей ее лицо, что опускает свои глаза вниз, боясь, чтобы они не выдали ее взглядом в том направлении, где сидит мальчик.

— Я знаю, который Вальтер Уайльдинг, мадам, но я здесь вовсе не за тем, чтобы говорить посетителям имена детей.

— Но вы можете показать мне его, не называя.

Рука дамы тихонько приближается к руке служанки. Пауза и молчание.

— Я буду сейчас обходить столы, — говорит собеседница дамы, по-видимому не обращаясь к ней. — Следите за мной вашим взором. Мальчик, около которого я остановлюсь и с которым заговорю, не имеет к вам никакого отношения. Но мальчик, до которого я дотронусь, и есть Вальтер Уайльдинг. Но говорите больше со мной и отойдите немного в сторону.

Быстро следуя совету, дама проходит в комнату и смотрит по сторонам. Спустя несколько

минут, служанка идет степенной официальной походкой вглубь столовой вдоль линии столов, начиная с левой руки. Она проходит по всей линии, поворачивает назад и возвращается с другой стороны. Бросив очень беглый взгляд в том направлении, где стоит дама, она останавливается, наклоняется вперед и говорит. Мальчик, к которому она обращается, поднимает свою голову и отвечает ей. Очень добродушно и спокойно слушая, что он ей говорит, она кладет свою руку на плечо следующего мальчика справа.

Чтобы ее движение было лучше замечено, она держит свою руку на его плече все время, пока разговаривает вполоборота, и похлопывает его по плечу два или три раза, прежде чем уйти. Она кончает свой обход столов, не прикасаясь больше ни к кому, и выходит в дверь в противоположном конце длинной комнаты. Обед окончен, и дама, в свою очередь, идет вглубь линии столов, начиная с левой стороны, проходит вдоль всех столов, поворачивает и возвращается назад с другой стороны. На ее счастье, в столовую забрели другие посетители и стоят кругом, разбившись на кучки. Она поднимает свой вуаль и, остановившись около того мальчика, до которого дотронулась служанка, спрашивает, сколько ему лет.

— Двенадцать, мадам, — отвечает он, смотря своими ясными глазами в ее глаза.

— Вы здоровы и счастливы?

— Да, мадам.

— Можете вы взять от меня эти сласти?

— Если вам угодно дать их мне.

Низко нагнувшись, чтобы передать их, дама касается лица мальчика своими лбом и волосами. Затем, снова опустив свой вуаль, она проходит дальше и, не оборачиваясь, уходит.

ДЕЙСТВИЕ I

Занавес поднимается

В Лондонском Сити, во дворе через который не было прохода ни для экипажей, ни для пешеходов, во дворе, выходящем на крутую, скользкую и извилистую улицу, соединяющую Тауэрстрит с Миддльсекским берегом Темзы, находилось местопребывание торгового дома «Уайльдинг и К°, Виноторговцы». Вероятно как шутливое признание всевозможных препятствий на этом главном пути, место, ближайшее к тому пункту, от которого можно было бы пройти к реке (если только кто не боится за свое обоняние) носило название Лестницы-Головоломки. Точно также и самый двор в старое время носил выразительное название Угла Увечных.

За несколько лет до 1861 года, жители перестали нанимать лодки у Лестницы-Головоломки, а лодочник стоять здесь. Маленькая плотина, покрытая тиной, погрузилась в реку в медленном самоубийственном процессе и две или три старых сваи, да ржавое железное кольцо для причала — вот все, что осталось от былой славы Лестницы-Головоломки. Впрочем, иногда здесь ударяется о берег тяжелая барка с углем и появ-

ляется несколько трудолюбивых угольщиков, по-видимому, созданных из грязи; они выгружают по соседству свой груз, отталкиваются от набережной и исчезают; но по большей части сношение с Лестницей-Головоломкой возникает только при перевозке бочек и бутылок, как полных, так и пустых, как в погреба, так и из погребов Уайльдинга и К°, Винторговцев. Но даже и это сношение бывает только случайным, и во время трех четвертей своих приливов, грязная, безобразная муть реки одиноко поднимается, тихо проскальзывает сквозь ржавое кольцо и покрывает его, словно она слышала о Доже и Адриатике и хотела бы быть обвенчанной с великим хранителем своей нечистоты, высокочтимым лорд-мэром.

В каких-нибудь двухстах пятидесяти ярдах направо на противоположном холме, (если приближаться к нему снизу от Лестницы-Головоломки) находился Угол Увечных. В Углу Увечных был насос, в Углу Увечных росло дерево. Весь Угол Увечных принадлежал Уайльдингу и К°, Виноторговцам. Их погреба были прорыты под ним, а их замок возвышался над ним.

Это в самом деле был замок в те дни, когда купцы обитали в Сити и имели парадный навес над

входною дверью, висевший без всяких видимых подпорок, вроде того, который делался для резонанса над старинными церковными кафедрами. Он имел также множество длинных узких окон, словно полоски, которые были так расположены по его тяжелому кирпичному фасаду, что делали его симметричным до безобразия. На его крыше был также купол, а в нем колокол.

— Когда человек 25 лет может надеть свою шляпу и сказать: «Эта шляпа покрывает голову владельца этой собственности и дел, которые ведутся с этой собственностью», то я считаю, мистер Бинтрей, что, не будучи хвастливым, такой человек может иметь право чувствовать себя глубоко благодарным. Я не знаю, как это вам может показаться, но так это кажется мне.

Так говорил мистер Вальтер Уайльдинг своему поверенному в делах в своей собственной конторе, сняв свою шляпу с крючка для иллюстрации слов на деле и повесив ее опять по окончании своей речи, чтобы не выйти за пределы врожденной ему скромности.

Простодушный, откровенный человек, имеющий немножко странный вид — таков мистер Вальтер Уайльдинг с его замечательным розово-белым цветом лица и с фигурой очень уж

большой для такого молодого человека, хотя хорошего сложения. У него вьющиеся каштановые волосы и приятные ясные голубые глаза. Это чрезвычайно сообщительный человек; человек, у которого болтливость была неудержимым излиянием выражений довольства и благодарности. По другую сторону — мистер Бинтрей, осторожный человек, с двумя подмигивающими бусами вместо глаз на огромной лысой голове, который внутренно очень сильно потешался над комичностью откровенной речи, жестов и чувств Уайльдинга.

— Да, — сказал мистер Бинтрей. — Ха, ха-ха!

На конторке стояли графин, два винных стакана и тарелка с бисквитами.

— Вам нравится этот сорокапятилетний портвейн? — спросил мистер Уайльдинг.

— Нравится? — повторил мистер Бинтрей. — Очень, сэр!

— Он из лучшего угла нашего лучшего сорокапятилетнего отделения, — сказал мистер Уайльдинг.

— Благодарю вас, сэр, — ответил мистер Бинтрей, — он прямо превосходен. — Он снова засмеялся, подняв свой стакан и посмотрев на него украдкой, над очень забавной мыслью по-

дать на стол такое вино.

— И теперь, — сказал Уайльдинг, с детским удовольствием, наслаждаясь деловыми разговорами, — я думаю, что мы прямо всего добились, мистер Бинтрей!

— Прямо всего, — сказал Бинтрей.

— Компаньон гарантирован.

— Компаньон гарантирован, — сказал Бинтрей.

— Об экономке сделана публикация.

— Об экономке сделана публикация, — сказал Бинтрей, — «Обращаться лично в Угол Увечных, Тауэр-Стрит, от десяти до двенадцати» — значит, завтра, кстати.

— Дела моей дорогой покойной матери приведены в порядок…

— Приведены в порядок, — подтвердил Бинтрей.

— И все долги уплачены.

— И все долги уплачены, — сказал Бинтрей и фыркнул; вероятно, его рассмешило то забавное обстоятельство, что они были уплачены без недоразумений.

— Упоминание о моей дорогой покойной матери, — продолжал Уайльдинг с глазами полными слез, которые он осушал своим носовым плат-

ком, — все еще приводит меня в уныние, мистер Бинтрей. Вы знаете, как я любил ее; вы (ее поверенный в делах) знаете, как она меня любила. В наших сердцах хранилась самая сильная любовь матери и сына, и мы никогда не испытывали ни одного момента несогласия или несчастья с того времени, как она взяла меня под свое попечение. Тринадцать лет всего! Тринадцать лет под попечением моей дорогой покойной матери, мистер Бинтреей, и восемь из них ее признанным конфиденциально сыном! Вы знаете, мистер Бинтрей, эту историю, кто может знать ее лучше вас, сэр! — мистер Уайльдниг всхлипывал и вытирал свои глаза во время этой речи, не пытаясь скрыть этого.

Мистер Бинтрей потешался над своим забавным портвейном и сказал, опрокинув его в свой рот:

— Да, я знаю эту историю.

— Моя дорогая покойная мать, мистер Бинтрей, — продолжал виноторговец, — была глубоко обманута и жестоко страдала. Но, что касается этого, уста моей дорогой покойной матери были всегда под печатью молчания. Кем она была обманута и при каких обстоятельствах, — это ведомо только одному Небу. Моя дорогая покойная

мать никогда не изменяла своему изменнику.

— Она пришла к определенному выводу, — сказал мистер Бинтрей, снова смакуя вино, — и могла успокоиться. — Забавное подмигивание его глаз довольно откровенно добавило: «Это хоть и дьявольская участь, но все же она лучше той, которая когда либо выпадет на твою долю!»

— Чти, — сказал мистер Уайльдинг, всхлипывая во время ссылки на эту заповедь, — отца твоего и матерь твою, да долголетен будеши на земли. Когда я был в Воспитательном Доме, мистер Бинтрей, то я ломал себе голову над тем, как мне выполнить эту заповедь, и боялся, что не буду долголетен на земли. Но после этого я стал глубоко, всей душой, чтить свою мать. И я чту и благоговею перед ее памятью. Ведь, в течение семи счастливых лет, мистер Бинтрей, — продолжал Уайльдинг, все еще с тем же самым детским всхлипываньем и с теми же самыми откровенными слезами, — я был благодаря моей дорогой матери, компаньоном у моих предшественников в этом деле, Пеббльсон Племянник. Кроме того, нежная предупредительность заставила ее отдать меня в учение к Компании Виноторговцев, и в свое время сделала из меня самостоятельного виноторговца, и… и… сделала все другое, что мог-

ла бы только пожелать лучшая из матерей. Когда я стал совершеннолетним, она вложила свою наследственную долю в это предприятие на мое имя; это на ее средства была впоследствии выкуплена фирма Пеббльсона Племянника и изменена в фирму Уайльдинга и К°; это она оставила мне все, что имела, кроме траурного кольца, которое вы носите. И вот, мистер Бинтрей, — новый взрыв честной печали, — ее нет более! Немного больше полгода прошло с тех пор, как она приходила в Угол, чтобы своими собственными глазами прочесть на дверном косяке: «Уайльдинг и К°, Виноторговцы». И вот ее уже нет более!

— Печально, но это общий жребий, мистер Уайльдинг, — заметил Бинтрей. — Рано или поздно мы все должны будем прекратить свое существование. — В это всеобщее правило он включил и сорокапятилетний портвейн и с наслаждением вздохнул.

— И вот теперь, мистер Бинтрей, — продолжал Уайльдинг, отложив в сторону свой носовой платок и осушая пальцами свои веки, — теперь, когда я не могу уже больше выказывать своей любви и уважения моей дорогой родительнице, к которой мое сердце было таинственно расположено силою Рока с той самой минуты, когда она,

незнакомая дама, впервые заговорила со мной за нашим воскресным обеденным столом в Воспитательном Доме, я могу, по крайней мере, доказать, что вовсе не стыжусь того, что был подкидышем и что я, никогда не знавший своего собственного отца, хочу стать отцом для всех моих служащих. Поэтому, — продолжал Уайльдинг, приходя в восторг от своей заботливости, — поэтому мне нужна очень хорошая экономка, которая взяла бы на себя все заботы об этом жилище Уайльдинга и К°, Виноторговцев, Угол Увечных, так, чтобы я мог восстановить в нем некоторые из прежних отношений, существовавших между нанимателем и нанимаемым! Так, чтобы я мог ежедневно сидеть во главе стола, за которым едят мои служащие, все вместе, и мог есть то же самое жаркое и горячее и пить то же самое пиво! Так, чтобы мои служащие могли жить под одной и той же крышей со мной! Так, чтобы мы могли, каждый в отдельности и все вместе… Я прошу извинить меня, мистер Бинтрей, но у меня внезапно начался этот прежний шум в голове, и я буду вам очень обязан, если вы отведете меня к насосу.

Обеспокоенный чрезвычайной краснотой лица своего собеседника, мистер Бинтрей, не теряя ни одной минуты, вывел его на двор.

Это было нетрудно сделать, так как контора, в которой они оба беседовали, выходила прямо во двор, находясь в боковой части здания. Там стряпчий охотно стал качать насос, повинуясь знаку клиента, а клиент начал мочить себе голову и лицо обеими руками и выпил порядочный глоток холодной воды.

После этих средств он объявил, что чувствует себя много лучше.

— Не позволяйте вашим добрым чувствам волновать вас, — сказал Бинтрей, когда они вернулись в контору, и мистер Уайльдинг стал вытирать лицо длинным полотенцем стоя позади двери, идущей из конторы во внутренние комнаты помещения.

— Нет, нет, не буду, — отвечал тот, выглядывая из-за полотенца. — Я не буду. Я не путался, в словах, а?

— Ничуть не бывало. Все было совершенно ясно.

— На чем я остановился, мистер Бинтрей?

— Да вы остановились, — но я не стал бы волновать себя, будь я на вашем месте, начиная сейчас же снова говорить об этом.

— Я буду осторожен. Я буду осторожен. На каком месте, мистер Бинтрей, начался у меня шум

в голове?

— На жарком, горячем и пиве, — отвечал поверенный, подсказывая, — жизнь под одной и той же крышей — и каждый в отдельности и все вместе…

— Ага! И каждый в отдельности и все вместе шумели бы в голове…

— Знаете, я в самом деле не стал бы позволять своим добрым чувствам волновать себя, будь я на вашем месте, — снова боязливо намекнул поверенный. — Попробуйте-ка еще немного пройтись к насосу.

— Не надо, не надо. Все в порядке, мистер Бинтрей. И каждый в отдельности и все вместе образовали бы как бы одно семейство! Вы понимаете, мистер Бинтрей, мне в детстве не пришлось испытать того вида индивидуального существования, которое так или иначе испытала большая часть людей во время своего детства. После этого времени я был всецело поглощен своей дорогой покойной матерью. Потеряв ее, я прихожу к такому выводу, что я более пригоден, чтобы быть частью какого-нибудь целого, чем существовать сам по себе. Быть этой частью и в то же время исполнять свой долг по отношению к тем людям, которые зависят от меня и привязать

их к себе — в этом есть что-то патриархальное и прекрасное. Я не знаю, как это может вам показаться, мистер Бинтрей, но так это кажется мне.

— Но в этом случае не мне должно принадлежат решение, а вам, — возразил Бинтрей. — Следовательно, как это может мне показаться, имеет очень ничтожное значение.

— Мне это кажется, — сказал с жаром мистер Уайльдинг, — подающим большие надежды, полезным, восхитительным!

— Знаете, — снова намекнул поверенный, — я в самом деле не стал бы вол…

— Я и не волнуюсь. Затем, вот Гендель…

— Затем, кто? — спросил Бинтрей.

— Гендель, Моцарт, Гайдн, Кент, Пэрселль, доктор Эрн, Грин, Мендельсон. Я знаю наизусть хоры этих антифонов. Сборник Часовни Воспитательного Дома. Почему бы нам не разучить их совместно?

— Кому это нам? — спросил поверенный довольно резко.

— Нанимателю и нанимаемому.

— Ага! — воскликнул успокоенный Бинтрей, словно он почти ожидал, что последует ответ: «Стряпчему и его клиенту». — Это другое дело.

— Вовсе не другое дело, мистер Бинтрей! То

же самое. Это одна из тех связей, которые будут существовать между нами. Мы составим хор в какой-нибудь тихонькой церкви, здесь около Угла и, пропев с удовольствием совместно воскресную службу, будем возвращаться домой, где с удовольствием сядем вместе за ранний обед. Я питаю теперь в глубине души надежду привести эту систему без отсрочки в надлежащее действие с тем, чтобы мой новый компаньон мог найти ее уже утвердившейся, когда он вступит в нашу фирму.

— Пожелаем ей всего хорошего! — воскликнул Бинтрей, вставая. — Пусть она процветает! А Джоэ Лэдль будет принимать участие в Гнеделе, Моцарте, Гайдне, Кенте, Пэрселле, докторе Эрне, Грине и Мендельсоне?

— Я надеюсь.

— Желаю им всем не пострадать от этого, — заметил Бинтрей с большой сердечностью. — Прощайте, сэр!

Они пожали друг другу руки и расстались. Затем, (постучавши сперва в дверь согнутым пальцем, чтобы получить разрешение) вошел к м-ру Уайльдингу через дверь, соединявшую его собственную контору, с той, в которой сидели клерки, главный погребщик погребов Уайльдин-

га и К°, Виноторговцев, а до этих пор главный погребщик погребов «Пеббльсон Племянникъ», т. е. тот самый Джоэ Лэдль, о котором только что говорили. Это неповоротливый и тяжелый человек, которого человеческая архитектура сопричислила к порядку ломовых, одетый в измятый костюм и в переднике с нагрудником, вероятно, сделанном из дверного мата и кожи носорога.

— Я насчет этого самого содержания и квартиры, молодой мастер Уайльдинг, — сказал он.

— Что же, Джоэ?

— Если говорить за самого себя, молодой мастер Уайльдинг — а я никогда не говорил и не говорю ни за кого другого — то я не нуждаюсь, ни в содержании, ни даже в квартире. Но, если вам хочется содержать меня и дать мне квартиру, будь по вашему. Я могу клевать не хуже других. Где я клюю, это для меня не так уж важно, как что я клюю. Да и это даже для меня не так уж важно, как сколько я клюю. Это все будут жить в доме, молодой мистер Уайльдинг? Два других погребщика, три носильщика, два ученика и еще кое-кто?

— Да. Я надеюсь, что мы составим единую семью, Джоэ.

— А! — сказал Джоэ. — Я надеюсь, что они, пожалуй, составят.

— Они? Скажите лучше мы, Джоэ.

Джоэ Лэдль покачал головой.

— Не обращайтесь ко мне с этим «мы» в таком деле, молодой мастер Уайльдинг, в мои годы и при тех обстоятельствах, которые повлияли на образование моего характера. Я не раз говаривал Пеббльсону Племяннику, когда они повторяли мне: «Гляди на это веселей, Джоэ!» — я говорил им: «Джентльмэны, вам хорошо говорить: «Гляди веселей», когда вы привыкли вводить вино в свой организм веселым путем через свои глотки, но, говорю я, — я привык вводить *свое* вино через поры кожи, а, принятое таким путем, оно оказывает совершенно другое действие. Оно действует угнетающим образом». «Одно дело, джентльмэны, — говорил я Пеббльсону Племяннику, — наполнять свои стаканы в столовой с криками «гип! ура!» и с веселыми собутыльниками, — и другое дело наполняться через поры в темном, низком погребе и в воздухе, пахнущем плесенью. Большая разница между пенящейся жидкостью и испарениями», — вот что говорил я Пеббльсону Племяннику. Это я и теперь повторяю. Я был всю свою жизнь погребщиком

и с головой отдавался своему делу. И что же в результате? Я пьян, как может только быть пьян живой человек — вы не найдете человека пьянее меня — и тем не менее, вы не найдете человека, равного мне по меланхолии. Есть песня о том, что надо наливать стаканы полнее, так как каждая капля вина прогоняет морщины с чела, хмурого от забот. Да, может быть это и верно. Но попробуйте-ка наполняться вином через поры, под землей, когда вы сами не хотите этого!

— Мне грустно слушать это, Джоэ. Я даже думал, что вы могли бы присоединиться к урокам пения в нашем доме.

— Я, сэр? Нет, нет, молодой мастер Уайльдинг, вы не увидите Джоэ Лэдля упивающимся гармониею. Плевательная машина, сэр, вот все, на чем я могу себя проявить вне своих погребов; но я к вашим услугам, если вы думаете, что стоит труда заниматься такими вещами в вашем помещении.

— Да, я думаю так, Джоэ.

— Ну, и не будем больше говорить об этом, сэр. Распоряжение фирмы — закон для меня. А вы собираетесь принять Компаньоном в прежнюю фирму молодого мастера Вендэля?

— Да, Джоэ.

— Ну, вот видите еще перемены! Но не изменяйте опять названия фирмы. Не делайте этого, молодой мастер Уайльдинг. Уж и то плохо, что вы изменили ее в Уайльдинг и К°. Гораздо было бы лучше оставить прежнее «Пеббльсон Племянник», тогда фирме всегда сопутствовало бы счастье. Никогда не следует изменять счастья, когда оно хорошо, сэр.

— Во всяком случае я не имею никакого намерения изменять снова имя дома, Джоэ.

— Рад слышать это и честь имею вам кланяться, молодой мастер Уайльдинг. Но вы сделали бы гораздо лучше, — пробормотал неслышно Джоэ Лэдль, закрывая за собой дверь и покачав головой, — если бы оставили одно прежнее имя. Вы сделали бы гораздо лучше, если бы следовали за счастьем, вместо того, чтобы мешать ему.

Является экономка

На следующее утро виноторговец сидел в своей столовой, чтобы принять просительниц, желающих занять свободное место в его заведении. Это была старомодная комната, обшитая панелями, которые были украшены деревянной резьбой, изображавшей фестоны из цветов; в комнате был дубовый пол, очень потертый турецкий ковер и темная мебель из красного дерева; все это служило здесь и потерлось еще во времена Пеббльсона Племянника. Большой буфет присутствовал при многих деловых обедах, дававшихся Пеббльсоном Племянником людям с большими связями, по правилу кидания за борт сардинок, чтобы поймать кита; а обширная трехсторонняя грелка для тарелок Пебльсона Племянника, которая занимала всю переднюю часть громадного камина, стояла на страже над помещавшимся под ней погребом, похожим на саркофаг, в котором в свое время перебывали многие дюжины бутылок с вином Пеббельсона Племянника. Но маленький краснолицый старый холостяк с косичкой, портрет которого висел над буфетом (и в котором можно было легко признать Пеббльсона,

но решительно нельзя было признать Племянника), удалялся уже в иной саркофаг, и грелка для тарелок стала так же холодна, как и он. И золотые с черным грифы, поддерживавшие канделябры, держа черные шары в своих пастях на концах позолоченных цепей, смотрели так, словно на старости лет они утратили всякую охоту к игре в мяч и грустно выставляли напоказ свои цепи, спрашивая, точно миссионеры, разве они еще не заслужили за это время освобождения и не перестали быть грифами, как те братьями.

Это летнее утро было своего рода Колумбом, потому что открыло Угол Увечных. Свет и тепло проникали в открытые окна, и солнечные лучи озаряли портрет дамы, висевший над камином, единственное стенное украшение, о котором еще не было упомянуто.

— Моя мать двадцати пяти лет, — сказал про себя м-р Уайльдинг, когда его глаза с восторгом последовали за лучами солнца, падавшими на лицо портрета. — Я повесил его здесь, чтобы все посетители могли любоваться моей матерью в расцвете ее юности и красоты. Портрет моей матери, когда ей было 50 лет, я повесил в своей комнате, не желая показывать его никому, как воспоминание, священное для меня. О, это вы,

Джэрвис!

Эти последние слова были обращены к клерку, который тихонько постучал в дверь, а теперь заглядывал в комнату.

— Да, сэр. Я только хотел напомнить вам, сэр, что уже пробило десять часов, и что в конторе собралось несколько женщин.

— Боже мой, — воскликнул виноторговец, причем его румянец еще более усилился, а белизна лица стала еще бледнее, — их уже несколько? Неужели так много? Я лучше начну, пока их не набралось еще больше. Я буду принимать их, Джэрвис, по очереди, в порядке их прихода.

Быстро ретировавшись в свое вольтеровское кресло за столом позади большой чернильницы и поставив сначала стул с другой стороны стола против себя, м-р Уайльдинг приступил к своей задаче со значительным страхом.

Он прошел сквозь строй, который всегда приходится проходить в подобных случаях. Тут были обычные экземпляры чрезвычайно несимпатичных женщин и обычные экземпляры слишком уж симпатичных женщин. Тут были вдовы морских разбойников, которые пришли, чтобы захватить его и сжимали под мышкой зонтики с таким видом, как будто бы он был зонтиком,

а каждое новое притеснение, которое испытывал зонтик, доставалось на его долю. Тут были возвышенные девы, видавшие лучшие дни и явившиеся, вооружившись свидетельствами от духовника о своих успехах в богословии, словно бы Уайльдинг был Св. Петром с его ключами. Тут были миленькие девушки, которые проходили, чтобы женить его на себе. Тут были экономки по профессии, вроде нештатных офицеров, которые сами экзаменовали его, знает ли он домашнее хозяйство, вместо того, чтобы предоставить самих себя в его распоряжение. Тут были немощные инвалиды, которые не столько думали о жалованьи, сколько об удобствах частного госпиталя. Тут были чувствительные создания, которые разражались рыданиями при обращении к ним и которых приходилось приводить в чувство стаканами холодной воды. Тут были некоторые просительницы, которые приходили вдвоем, одна очень многообещающая особа, другая ровно ничего не обещающая: из них многообещающая очаровательно отвечала на все вопросы, пока в конце концов не оказывалось, что она совершенно не выставляет своей кандидатуры, но является только подругой ничего не обещающей особы, которая вся красная сидит в абсолютном

молчании и в очевидной обиде.

Наконец, когда у добродушного виноторговца стало не хватать духу продолжать, в комнату вошла претендентка, совершенно непохожая на всех остальных. Это была женщина примерно лет пятидесяти, но казавшаяся моложе своих лет; лицо ее было замечательно по мягкой веселости, а манеры ее были не менее замечательны тем, что на них лежал спокойный отпечаток ровного характера. В ее одежде нельзя было бы ничего изменить к лучшему. В ее тихом самообладании над своими манерами ничего нельзя было бы изменить к ее выгоде. Ничто не могло бы быть в лучшем согласии с тем и с другим, чем ее голос, когда она ответила на заданный ей вопрос: «Какое имя буду я иметь удовольствие записать здесь?» — такими словами:

— Меня зовут Сара Гольстроо. Миссис Гольстроо. Мой муж умер много лет тому назад, и у нас не было детей.

Едва ли можно было бы извлечь у кого-нибудь другого полдюжиной вопросов так много относящегося к делу. Ее голос так приятно прозвучал для слуха м-ра Уайльдинга, когда тот делал свои заметки, что он, пожалуй, довольно долго возился с ними. Когда он снова поднял голову, то

вполне понятно, что взор миссис Гольдстроо уже пробежал по всей комнате и теперь обратился к нему от камина. Этот взгляд выражал искреннюю готовность быть справедливой и немедленно отвечать.

— Вы извините меня, если я предложу вам несколько вопросов? — произнес скромный виноторговец.

— О, конечно, сэр. Иначе у меня здесь не было бы никакого дела.

— Исполняли ли вы раньше должность экономки?

— Только один раз. Я жила у одной вдовы в течение двенадцати лет. Это после того, как я потеряла своего мужа. Она была очень слаба и недавно скончалась. Вот почему я и ношу теперь траур.

— Я не сомневаюсь, что она оставила вам наилучшие рекомендации? — сказал м-р Уайльдниг.

— Я надеюсь, что могу даже сказать — самые наилучшие. Я подумала, что во избежание хлопот, сэр, не мешает записать имена и адреса ее представителей и принесла эту записку с собой, — ответила она, кладя на стол карточку.

— Вы замечательно напоминаете мне, миссис Гольдстроо, — сказал Уайльдинг, положив кар-

точку около себя, — манеры и тон голоса, которые я когда-то знал. Не какого-нибудь отдельного лица — я уверен в этом, хотя я и не могу представить себе ясно, что такое мне припоминается — но что-то такое общее. Я должен прибавить, что это было что-то милое и приятное.

Она заметила, улыбаясь:

— Это меня по крайней мере радует, сэр.

— Да, — произнес виноторговец, задумчиво повторяя свои последние слова и, бросив быстрый взгляд на свою будущую экономку, — это было что-то милое и приятное. Но это все, что я могу припомнить. Воспоминание часто походит на полузабытый сон. Я не знаю, как это вам может показаться, миссис Гольдстроо, но так это кажется мне.

Вероятно, это представлялось миссис Гольдстроо в том же самом свете, так как она спокойно согласилась с подобным предположением. Мистер Уайльдинг предложил затем, что он сам сейчас же снесется с джентльменами, названными на карточке: фирма юрисконсультов в Лондонском обществе докторов прав. Миссис Гольдстроо с благодарностью согласилась на это. Так как лондонское общество докторов прав было неподалеку, то м-р Уайльдинг поинтересовался

узнать, угодно ли будет миссис Гольдстроо снова заглянуть к нему, так часика через три. Миссис Гольдстроо с готовностью согласилась на это.

Наконец, так как результат расспросов Уайльдинга был в высшей степени удовлетворительным, миссис Гольдстроо была нанята в этот же день еще до вечера (на предложенных ею вполне благоприятных условиях) и должна была придти на завтрашний день в Угол Увечных, чтобы начать там исправлять обязанность экономки.

Экономка говорит

На следующий день миссис Гольдстроо явилась вступить в свои обязанности по хозяйству.

Устроившись в своей комнате не тревожа слуг и не тратя даром времени, новая экономка доложила затем о себе, что она ожидает, не будет ли она польщена какими либо указаниями, которые может пожелать дать ей ее хозяин. Виноторговец принял миссис Гольдстроо в столовой, в которой он видел ее накануне. После обмена с обеих сторон обычными предварительными вежливостями, они оба сели, чтобы посоветоваться друг с другом относительно домашних дел.

— Как насчет стола, сэр? — спросила миссис Гольдстроо. — Нужно ли будет заготовить провизию для большого или незначительного числа лиц?

— Если я смогу привести в исполнении один свой план, касающийся старинного обычая, — ответил м-р Уайльдинг, — то вам придется заготовлять провизию для большого числа лиц. Я — одинокий холостяк, миссис Гольдстроо, но я надеюсь жить так со всеми служащими, как если бы они были членами моей семьи. Ну, а до тех пор

вы будете готовить только для меня и для нашего нового компаньона, которого я жду безотлагательно. Я не могу еще сказать, каковы могут быть привычки моего компаниона. Но относительно себя могу сказать, что я человек, точно распределивший свое время и обладающий неизменным аппетитом, так что вы можете рассчитывать на меня, не боясь ошибиться ни на одну унцию.

— Относительно завтрака, сэр? — спросила миссис Гольдстроо. — Есть что-нибудь такое…

Она запнулась и оставила свою фразу недоконченной. Медленно отвела она свой взор от хозяина и стала смотреть по направлению к камину. Если бы она была менее превосходной и опытной экономкой, то м-р Уайльдинг мог бы вообразить, что ее внимание начало отвлекаться от истинного предмета разговора.

— Час моего завтрака — восемь часов утра, — возобновил он разговор. — Одна из моих добродетелей заключается в том, что мне никогда не надоедает жареная свинина, а один из моих пороков тот, что я привык относиться с подозрением к свежести яиц.

Миссис Гольдстроо оглянулась на него, все еще немного разделившись между камином своего хозяина и самим хозяином.

— Я пью чай, — продолжал м-р Уайльдинг, — и, поэтому, несколько нервно и беспокойно отношусь к тому, чтобы пить его спустя некоторое время после того, как он приготовлен. Если мой чай стоит слишком долго… — Он запнулся, в свою очередь, и оставил фразу недоконченной. Если бы он не был увлечен рассуждением о предмете такой высокой для него важности, как его завтрак, то миссис Гольдстроо могла бы вообразить, что его внимание начало отвлекаться от истинного предмета разговора.

— Если ваш чай стоит слишком долго, сэр?.. — сказала экономка, вежливо поднимая нить разговора, упущенную ее хозяином.

— Если мой чай стоит слишком долго, — повторил механически виноторговец, так как мысли его были все дальше и дальше от завтрака, а глаза его все с большей и большей пытливостью устремлялись на лицо его экономки. — Если мои чай… Боже, Боже мой, миссис Гольдстроо! Чьи это манеры и тон голоса вы мне напоминаете? Это производит на меня сегодня более сильное впечатление, чем, когда я видел вас вчера. Что это может быть?

— Что это может быть? — повторила миссис Гольдстроо.

Она произнесла эти слова, думая, очевидно, в то время, как их произносила, о чем то другом. Виноторговец, продолжавший пытливо глядеть на нее, заметил, что ее глаза еще раз обратились к камину. Они остановились на портрете его матери, который висел там, и глядели на него с тем легким нахмуриваньем бровей, которое всегда сопутствует трудному усилию памяти.

— Моя дорогая покойная мать, когда ей было двадцать пять лет, — заметил м-р Уайльдинг.

Миссис Гольдстроо поблагодарила его движением головы за то, что он потрудился объяснить ей картину, и сказала с прояснившимся челом, что это портрет очень красивой дамы.

М-р Уайльдинг, снова очутившийся в своем прежнем недоумении, попытался еще раз воскресить в памяти то потерянное воспоминание, которое было так тесно, но все еще так неуловимо связано с голосом и манерами его новой экономки.

— Извините меня, если я предложу вам один вопрос, который не имеет ничего общего ни со мной, ни с моим завтраком, — сказал он. — Могу я спросить, занимали ли вы когда-нибудь другое место, кроме места экономки?

— О, да, сэр. Я вступила в самостоятельную

жизнь в качестве няньки в Воспитательном Доме для подкидышей.

— Так вот это что! — воскликнул виноторговец, отталкивая назад свое кресло. — Клянусь Небом, вот их-то манеры вы мне и напоминаете!

Бросив на него изумленный взгляд, миссис Гольдстроо изменилась в лице, но сдержалась, опустила глаза и продолжала сидеть неподвижно и молча.

— В чем дело? — спросил м-р Уайльдинг.

— Понимать ли мне, что вы были, сэр, в Воспитательном Доме для подкидышей?

— Конечно. Я не стыжусь признавать это.

— Под тем именем, которое вы и теперь носите?

— Под именем Вальтера Уайльдинга.

— И эта дама?.. — Миссис Гольдстроо быстро остановилась, взглянув на портрет, и в этом взгляде можно было теперь безошибочно заметить тревогу.

— Вы хотите сказать, моя мать, — перебил м-р Уайльдинг.

— Ваша… мать, — повторила экономка с некоторым стеснением, — увезла вас из Воспитательного Дома. Сколько вам было тогда лет, сэр?

— Мне было лет одиннадцать, двенадцать. Это

совершенно романическое происшествие, миссис Гольдстроо.

Он рассказал ей со своей простодушной сообщительностью о том, как какая то дама заговорила с ним, когда он сидел в приюте за обедом вместе с другими мальчиками и обо всем, что потом за этим последовало.

— Моя бедная мать никогда не смогла бы отыскать меня, — добавил он, — если бы она не встретилась с одной из надзирательниц, которая сжалилась над ней. Надзирательница согласилась дотронуться во время своего обхода обеденных столов до мальчика, которого звали Вальтером Уайльдингом, и вот так то и отыскала меня снова моя мать после того, как рассталась со мной, еще младенцем, у дверей Воспитательного Дома.

При этих словах рука миссис Гольдстроо, покоившаяся до сих пор на столе, беспомощно опустилась на ее колени. Она сидела со смертельно побледневшим лицом и глазами, полными невыразимого ужаса, устремив взор на своего нового хозяина.

— Что это значит? — спросил виноторговец. — Постойте, — воскликнул он. — Нет ли в прошедшем какого-нибудь другого события, которое я

должен связать с вами? Я припоминаю, что моя мать рассказывала мне о другом лице, служившем в Воспитательном Доме, чьей доброте она была обязана величайшей благодарностью. Когда она впервые рассталась со мной, еще младенцем, то одна из нянь сообщила ей, какое имя было дано мне в приюте. Вы были этой няней?

— Прости меня, Боже, — да, сэр, этой няней была я!

— Прости вас, Боже?

— Нам лучше было бы вернуться назад, сэр, (если я могу взять на себя смелость говорить так) к моим обязанностям в вашем доме, — сказала миссис Гольдстроо. — Вы завтракаете в восемь утра. В полдень вы плотно закусываете или же обедаете?

На лице Уайльдинга начал появляться чрезвычайно густой румянец, который м-р Бинтрей видел уже раньше на лице своего клиента. М-р Уайльдинг поднес свою руку к голове и, только, поборов таким образом некоторое минутное расстройство в мыслях, начал говорить снова.

— Миссис Гольдстроо, — произнес он, — вы что то от меня скрываете!

Экономка настойчиво повторила:

— Пожалуйста, сэр, соблаговолите сказать

мне, плотно ли вы закусываете или обедаете в полдень?

— Я не знаю, что я делаю в полдень. Я не в силах приступить к своим домашним делам, миссис Гольдстроо, пока не узнаю, отчего вы сожалеете о том, что так хорошо поступили по отношению к моей матери, которая всегда говорила о вас с благодарностью до конца своих дней. Вы не оказываете мне услугу своим молчанием, вы волнуете меня, вы тревожите меня, вы доводите меня до шума в голове.

Его рука снова поднялась к голове, и румянец на его щеках еще усилился на одну или две степени.

— Очень горько, сэр, сейчас же по поступлении к вам на службу, — произнесла экономка, — сказать вам нечто такое, что может мне стоить потери вашего хорошего расположения. Помните, пожалуйста, какие бы последствия от этого не произошли, что я буду говорить только потому, что вы настаиваете на этом, и потому, что я вижу, как тревожит вас мое молчание. Когда я передала этой несчастной даме, портрет которой вы видите здесь, имя данное ее ребенку при крещении его в Воспитательном Доме, я позволила себе позабыть свой долг и, боюсь, что от этого произошли

ужасные последствия. Я расскажу вам всю правду со всей откровенностью, на которую я способна. Несколько месяцев спустя после того, как я сообщила даме имя ее ребенка, в наше отделение в деревне явилась другая дама (иностранка) с целью усыновить одного из наших питомцев. Она принесла с собой необходимое разрешение и, осмотрев очень многих детей, но, не будучи в состоянии решиться выбрать того или иного, вдруг почувствовала склонность к одному из грудных ребят — мальчику — находившихся под моим присмотром. Постарайтесь, прошу вас, сэр, постарайтесь успокоиться! Бесполезно скрывать это долее. Ребенок, которого увезла с собой иностранка, был сыном той дамы, портрет которой висит здесь!

М-р Уайльдинг вскочил на ноги.

— Этого не может быть! — воскликнул он запальчиво. — О чем вы болтаете? Что за дурацкую историю вы мне тут рассказываете? Вот ее портрет! Разве я уже не говорил вам об этом? Это портрет моей матери!

— Когда через несколько лет эта несчастная дама взяла вас из Воспитательного Дома, — сказала тихо миссис Гольдстроо, — она была жертвой и вы, сэр, были жертвой ужасной ошибки.

Он опустился назад в свое кресло.

— Комната ходит кругом перед моими глазами, — сказал он. — Моя голова, моя голова!

Встревоженная экономка поднялась со стула и открыла окна. Прежде чем она успела дойти до двери, чтобы позвать на помощь, он внезапно разразился рыданиями, облегчившими то душевное напряжение, которое чуть было не стало угрожать его жизни. Он сделал знак, умоляя миссис Гольдстроо не оставлять его одного. Она подождала, пока не прошел этот пароксизм слез. Придя в себя, он поднял голову и взглянул на нее с сердитым, несправедливым подозрением человека, не поборовшего своей слабости.

— Ошибки? — сказал он, растерянно, повторяя ее последнее слово. — А как, я могу знать, что вы сами не ошибаетесь?

— Здесь не может быть надежды, что я ошибаюсь, сэр. Я расскажу вам почему, когда вы оправитесь настолько, что сможете выслушать меня.

— Нет, сейчас, сейчас!

Тон, которым он произнес эти слова, показал миссис Гольдстроо, что было бы жестокой любезностью позволить ему утешить себя, хотя бы еще на один момент, той тщетной надеждой, что она

может быть и неправа. Еще несколько слов, и все это будет кончено, и она решилась произнести эти несколько слов.

— Я передала вам, — сказала она, — что ребенок той дамы, портрет которой висит здесь, был усыновлен еще младенцем и увезен одной иностранкой. Я так же уверена в том, о чем говорю, как и в том, что я сейчас сижу здесь, вынужденная огорчать вас, сэр, совершенно против своей воли. Теперь, перенеситесь, пожалуйста, мысленно к тому, что произошло приблизительно через три месяца после этого события. Я была тогда в Воспитательном Доме в Лондоне, ожидая, когда можно будет взять нескольких детей в наше заведение, находящееся в деревне. В этот самый день обсуждался вопрос о том, какое дать имя младенцу мужского пола, который был только что принят. Мы обыкновенно называли их без всякого участия дирекции. На нашу оказию, один из джентльмэнов, управлявших делами Воспитательного Дома случайно просматривал списки. Он обратил внимание, что имя того малютки, который был усыновлен («Вальтер Уайльдинг») было зачеркнуто — конечно, по той простой причине, что этот ребенок был навсегда взят из-под нашего попечения. «Вот имя, которым можно

воспользоваться, — сказал он. — Дайте его тому новому подкидышу, который был принят сегодня». Имя было дано, и дитя было окрещено. Вы, сэр, были этим ребенком.

Голова виноторговца опустилась на грудь.

— Я был этим ребенком! — сказал он про себя, беспомощно пытаясь освоиться с этой мыслью. — Я был этим ребенком!

— Немного спустя после того, как вы были приняты в заведение, сэр, — продолжала миссис Гольдстроо, — я оставила там свою должность, чтобы выйти замуж. Если вы припомните это обстоятельство и если вы сможете обратить на него внимание, то увидите сами, как произошла ошибка. Прошло одиннадцать или двенадцать лет прежде, чем дама, которую вы считали своей матерью, вернулась в Воспитательный Дом, чтобы отыскать своего сына и увезти его в свой родной дом. Эта дама знала лишь, что ее ребенок был назван Вальтером Уайльдингом. Надзирательница, которая сжалилась над ней, могла указать ей только на одного Вальтера Уайльдинга, известного в заведении. Я, которая могла бы разъяснить истину, была далеко от Воспитательного Дома и всего, что относилось к нему. Не было ничего — положительно, не было ничего, — что

могло бы помешать свершиться этой ужасной ошибке. Я сочувствую вам — в самом деле я вам сочувствую, сэр. Вы должны думать — и у вас есть на это основание — что я пришла сюда в дурной час (уверяю вас, без всякого злого умысла) предлагать вам свои услуги в качестве экономки. Я чувствую, что я достойна всяческого порицания — я чувствую, что я должна была бы иметь больше самообладания. Если бы только я могла скрыть от вас на своем лице, какие мысли пробудились в моем уме при взгляде на этот портрет, и что я чувствовала, слушая ваши собственные слова, то вы никогда бы, до самого смертного часа, не узнали того, что вы теперь знаете.

М-р Уайльдинг быстро поднял свой взор. Врожденная честность этого человека протестовали против последних слов экономки. Казалось, его ум стал на момент тверже под тяжестью того удара, который обрушился на него.

— Не хотите ли вы сказать, что вы скрывали бы это от меня, если б могли? — воскликнул он.

— Надеюсь, что я всегда сказала бы правду, сэр, если бы меня спросили, — сказала миссис Гольдстроо. — И я знаю, что для меня лучше не чувствовать уже больше на своей совести тайны, которая тяготит меня. Но лучше ли это для вас? К

чему это может теперь послужить?..

— К чему? Как, Боже мой, если ваш рассказ правдив…

— Разве стала бы я передавать его вам, сэр, занимая такое положение, как сейчас, если бы он не был правдивым?

— Извините меня, — сказал виноторговец. — Вы должны иметь ко мне снисхождение. Я до сих пор еще не могу прийти в себя от этого ужасного открытия. Мы так нежно любили друг друга — я чувствовал так глубоко, что я ее сын. Она умерла, миссис Гольдстроо, на моих руках… Она умерла, благословляя меня так, как только могла бы сделать это родная мать. А теперь, после всех этих лет, мне говорят, что она не была моей матерью. О, я несчастный, несчастный! Я не знаю, что я говорю! — вскричал он, когда порыв самообладания, под влиянием которого он говорил минуту тому назад, начал ослабевать и исчез совершенно. — Но не об этом ужасном горе я хотел говорить… нет, о чем-то другом. Да, да! Вы поразили меня… вы оскорбили меня только что. Вы сказали, что постарались бы скрыть все это от меня, если бы могли. Не говорите так больше. Было бы преступлением скрывать это. Вы думали, что так будет лучше, я знаю. Я не желаю огорчать

вас… вы добрая женщина. Но вы забываете о том, в какое положение это меня ставит. Она оставила мне все, чем я владею, в твердой уверенности в том, что я ее сын. Я — не ее сын. Я занял место, я неумышленно завладел наследством другого. Его необходимо найти. Как могу я знать, что он в эту самую минуту не терпит нужды, не сидит без куска хлеба? Его необходимо найти! Моя единственная надежда выдержать удар, который обрушился на меня, покоится на том, чтобы сделать что-нибудь такое, что *она* могла бы одобрить. Вы должны знать, миссис Гольдстроо, больше того, что вы уже мне рассказали. Кто была та иностранка, которая усыновила ребенка? Вы должны были слышать имя этой дамы?

— Я никогда не слыхала его, сэр. Я никогда не видала ее и не слышала о ней с тех самых пор.

— Разве она ничего не говорила, когда увозила ребенка? Постарайтесь вспомнить. Она должна была сказать что-нибудь.

— Я могу вспомнить, сэр, только одно. Тот год стояла отчаянно скверная погода, и много ребят болело от этого. Когда дама увозила ребенка, то она сказала мне, со смехом: «Не тревожьтесь об его здоровье! Он вырастет в лучшем климате, чем здешний… Я собираюсь везти его в Швейцарию».

— В Швейцарию? В какую часть Швейцарии?

— Она не сказала этого, сэр.

— Только это ничтожное указание! — воскликнул м-р Уайльдинг. — И четверть века прошло с тех пор, как ребенок был увезен! Что же мне делать?

— Смею надеяться, что вы не обидитесь на меня за мою смелость, сэр, — сказала миссис Гольдстроо, — но отчего вы так печалитесь о том, что произошло? Может быть, его уже нет больше в живых, почем вы знаете? А если он жив, то совершенно невероятно, чтобы он мог терпеть какую-нибудь нужду. Дама, которая его усыновила, была настоящей и прирожденной леди — это было сразу видно. И она должна была представить начальству Воспитательного Дома удовлетворительные доказательства того, что она может обеспечить ребенка, иначе ей никогда не позволили бы увезти его с собой. Если бы я была на вашем месте, сэр — пожалуйста, извините меня, что я так говорю, — то я стала бы утешать себя, вспоминая всегда о том что я любила эту бедную даму, портрет которой вы повесили тут — искренно любила ее, как родную мать, и что она в свою очередь искренно любила меня, как родного сына. Все, что она дала вам, она дала ради

этой любви. Эта любовь никогда не уменьшалась, пока *она* жила, и, я уверена, вы не разлюбите этой дамы до конца своей жизни. Разве же для вас может быть какое-нибудь лучшее право, сэр, чтобы сохранить за собой все то, что вы получили?

Непоколебимая честность мистера Уайльдинга сразу указала ему на тот ложный вывод, который делала его экономка, стоя на подобной точке зрения.

— Вы не понимаете меня, — возразил он. — Вот потому-то, что я любил ее, я и чувствую обязанность, священную обязанность — поступить справедливо по отношению к ее сыну. Если он жив, то я должен найти его, столько же ради себя самого, сколько и ради него. Я не вынесу этого ужасного испытания, если не займусь — не займусь деятельно и непрестанно — тем, что подсказывает мне сделать, во что бы то ни стало, моя совесть. Я должен переговорить со своим поверенным; я должен просить его приняться за дело раньше, чем пойду сегодня спать. — Он подошел к переговорной трубе в стене комнаты и сказал несколько слов в нижнюю контору.

— Оставьте меня пока, миссис Гольдстроо, — снова начал он, — я немного успокоюсь, я буду более способен беседовать с вами сегодня несколько

позднее. Нами дела пойдут хорошо… я надеюсь, наши дела с вами пойдут хорошо… несмотря на все происшедшее. Это не ваша вина; я знаю, что это не ваша вина. Ну, вот. Дайте вашу руку, и… и устраивайте все в доме, как можно лучше… я не могу говорить теперь об этом.

Дверь отворилась в то время, как миссис Гольдстроо подходила к ней, и появился м-р Джэрвис.

— Пошлите за мистером Бинтрем, — сказал виноторговец. — Скажите, что мне необходимо его видеть сию минуту.

Клерк бессознательно приостановил приведение приказания в исполнение, возвестив: «Мистер Вендэль», и пропустил вперед нового компаньона фирмы Уайльдинг и К°.

— Прошу извинить меня, Джордж Вендэль, — сказал Уайльдинг. — Одну минуту! Мне надо сказать два слова Джервису. Пошлите за мистером Бинтреем, — повторил он, — пошлите немедленно.

Раньше, чем оставить комнату, м-р Джарвис положить на стол письмо.

— Я думаю, сэр, это от наших корреспондентов в Невшателе. На письме швейцарская марка.

На сцене новые действующие лица

Слова «Швейцарская марка», последовавшие столь быстро за упоминанием экономки о Швейцарии, взволновали м-ра Уайльдинга до такой степени, что его новый компаньон никак не мог сделать вид, будто он не замечает этого волнения.

— Уайльдинг, — спросил он поспешно и даже вдруг остановился и поглядел вокруг себя, как будто стараясь найти видимую причину подобного состояния духа своего компаньона, — в чем дело?

— Мой добрый Джордж Вендэль, — ответил виноторговец, подавая ему руку с таким молящим взглядом, как если бы он нуждался в помощи для того, чтобы перебраться через какое-то препятствие, а не для того, чтобы приветствовать или оказать радушный прием, — мой добрый Джордж Вендэль, дело в том, что я никогда уже не буду самим собой. Невозможно, чтобы я был в состоянии когда-либо стать снова самим собой. Потому что, на самом деле, я — не я.

Новый компаньон, красивый смуглолицый юноша, приблизительно такого же возраста, с

быстрым решительным взглядом и порывистыми манерами, произнес с вполне естественным удивлением:

— Вы не вы?

— Не тот, за кого я сам себя принимал, — сказал Уайльдинг.

— Но, скажите, ради Бога, за кого же вы себя принимали, что теперь уже вы не тот?

Это выражение было произнесено с такой веселой откровенностью, которая вызвала бы на доверие и более скрытного человека.

— Я могу задать вам этот вопрос, который теперь вполне уместен, так как мы компаньоны.

— Вот опять! — воскликнул Уайльдинг, откидываясь на спинку кресла и растерянно глядя на собеседника. — Компаньоны! Я не имел права вступать в это дело. Оно никогда не предназначалось для меня. Моя мать никогда не предполагала, что оно станет моим. Я хочу сказать, его мать предполагала, что оно станет его… если только я что-нибудь понимаю… или если я кто-нибудь.

— Ничего, ничего, — стал успокаивать его компаньон после минутного молчания, подчиняя его себе и внушая ему то спокойное доверие, которое всегда испытывает слабая натура по отношении к сильной, честно желающей оказать этой слабой

свою помощь. — Какая бы ошибка ни произошла, я твердо уверен, что она произошла не по вашей вине. Я не за тем служил здесь вместе с вами в этой конторе три года при старой фирме, чтобы сомневаться в вас, Уайльдинг. Ведь мы оба и тогда уже достаточно знали друг друга. Позвольте для начала нашей совместной деятельности оказать вам услугу; может быть, мне удастся исправить ошибку, какова бы она ни была. Имеет ли это письмо что-нибудь общее с ней?

— Ах, — произнес Уайдьдинг, прикладывая свою руку к виску. — Опять это! Моя голова!

— Взглянув на него вторично, я вижу, что письмо еще не распечатано; так что не очень возможно, чтобы оно могло быть в связи с тем, что случилось, — сказал Вендэль с ободряющим спокойствием. — Оно адресовано вам или нам?

— Нам, — сказал Уайльдинг.

— А что, если я его вскрою и прочту вслух, чтобы покончить с ним?

— Благодарю, благодарю вас.

— Это всего только письмо от фирмы наших поставщиков шампанского, от торгового дома в Невшателе. «Дорогой сэр! Мы получили ваше письмо от 28 числа прошедшего месяца, извещавшее нас о том, что вы приняли в компа-

ньоны мистера Вендэля; мы просим в ответ на него принять уверение в наших поздравлениях. Позвольте нам воспользоваться случаем, чтобы особенно рекомендовать г. Жюля Обенрейцера». Чорт знает что?…

— Чорт знает что?…

Уайльдинг взглянул на него с внезапным опасением и воскликнул:

— А?!

— Чорт знает, что за имя, — ответил небрежно его компаниoн: — Обенрейцер… да… «особенно рекомендовать вам г. Жюля Обенрейцера, Сого-сквэр, Лондон (северная сторона), с этого времени вполне аккредитованного в качестве нашего агента, который уже имел честь познакомиться с вашим компаньоном мистером Вендэлем на его (т. е. г-на Обенрейцера) родине, в Швейцарии». Ну, несомненно! Фу, ты, о чем это я думал! Я припоминаю теперь… когда он путешествовал со своей племянницей.

— Со своей?… — Вендэль так произнес последнее слово, что Уайльдинг не расслышал его.

— Когда он путешествовал со своей племянницей. Племянница Обенрейцера, — отчетливо, даже с излишним усердием проговорил Вендэль. — Обенрейцера племянница. Я повстречался

с ними во время своего первого турнэ по Швейцарии, пространствовал немного с ними и потерял их из виду на два года; снова встретился с ними во время своего предпоследнего турнэ там же и потерял их с тех пор снова. Обенрейцер. Племянница Обенрейцера. Ну, несомненно! В сущности вполне возможное имя. «Г. Обенрейцер пользуется полным нашим доверием, и мы не сомневаемся, что вы оцените его по достоинству». Подписано все, как следует, торговым домом «Дефренье и К°». Очень хорошо. Я беру на себя обязанность повидаться теперь же с г. Обенрейцером и устроить с ним все, что нужно. Таким образом с швейцарской почтовой маркой покончено. Ну, а теперь, мой дорогой Уайльдинг, скажите мне, что я могу для вас сделать, и я найду средство исполнить это.

Более чем с готовностью и признательностью за такое облегчение бремени, честный виноторговец пожал руку компаньону и, начав свой рассказ прежде всего с того, что патетически назвал себя самозванцем, рассказал ему обо всем.

— Без сомнения, вы посылали за Бинтрем по поводу этого дела, когда я вошел? — спросил его компаньон, после некоторого размышления.

— Да, по поводу него.

— Он опытный человек и с головой на плечах; мне очень хочется узнать его мнение. Хотя с моей стороны дерзко и смело высказывать свое мнение раньше, чем я узнаю все дело, но я не в состоянии не высказать своих мыслей. По правде сказать, я не вижу всего вами сказанного в том свете, в каком видите его вы. Я не вижу, чтобы ваше положение было таково, как это вам кажется. Что касается того, что вы самозванец, то это милейший Уайльдинг, чистейший абсурд, так как никто не может стать самозванцем, не принимая сознательно участия в обмане. Ясно, что вы никогда и не были им. Что же касается вашего обогащения на счет той дамы, которая считала вас за своего сына и которую вы были вынуждены считать своей матерью, на основании ее же собственного заявления, то, посудите сами, не произошло ли все это вследствие личных отношений между вами обоими. Вы постепенно все больше привязывались к ней, а она постепенно все более привязывалась к вам. И это вам, лично вам, как я понимаю данный случай, она завещала все эти мирские блага; и это от нее, от нее лично, вы получили их.

— Она предполагала, — возразил Уайльдинг, качая головой, — что у меня были естественные

права на нее, которых у меня не было.

— Я должен согласиться, — ответил его компаньон, — что тут вы правы. Но если бы она за шесть месяцев до своей смерти сделала то же самое открытие, которое сделали вы, то разве вы думаете, что от этого из вашей памяти изгладились бы те годы, которые вы провели вместе и та нежность, которую каждый из вас питал к другому, узнавая его все лучше и лучше?

— Что бы я ни думал, — сказал Уайльдинг, просто, но мужественно относясь к голому факту, — это не сможет изменить истины, как не сможет и свалить неба на землю. Истина же заключается в том, что я владею тем, что было предназначено для другого.

— Быть может, он умер, — возразил Вендэль.

— Быть может, он жив, — сказал Уайльдипг. — А если он жив, то не ограбил ли я его — ненамеренно, я согласен с вами, что ненамеренно, — но все же разве я не ограбил его довольно таки чувствительно? Разве я не похитил у него всего того счастливого времени, которым я наслаждался вместо него? Разве я не похитил у него той неизъяснимой радости, которая преисполнила мою душу, когда эта дорогая женщина, — он указал на портрет, — сказала мне, что она моя мать?

Разве я не похитил у него всех тех забот, которые она расточала мне? Разве я не похитил у него даже того сыновнего долга и того благоговения, которое я так долго питал по отношению к ней? Поэтому-то я и спрашиваю себя самого и вас, Джордж Вендэль: «Где он? Что с ним сталось?»

— Кто может сказать это?

— Я должен постараться найти того, кто может сказать это. Я должен приняться за поиски. Я никогда не должен отказываться от продолжения поисков. Я буду жить на проценты со своей доли — мне нужно было бы сказать: с его доли — в этом деле, и буду откладывать для него все остальное. Когда я отыщу его, то, может быть, обращусь к его великодушию; но я передам ему все имущество. Передам все, клянусь в этом, так как я любил и почитал ее, — сказал Уайльдинг, почтительно целуя свою руку по направлению к портрету и потом закрыв ею свои глаза. — Так как я любил и почитал ее и имею бесчисленное множество причин быть ей признательным.

И тут он снова разрыдался.

Его компаньон поднялся с кресла, которое он занимал, и встал около Уайльдинга, положив ему нежно руку на плечо.

— Вальтер, я знал вас и раньше за прямого

человека с чистой совестью и хорошим сердцем. Я очень счастлив, что на мою долю выпал жребий идти в жизни бок о бок с таким достойным доверия человеком. Я благодарю судьбу за это. Пользуйтесь мною, как своей правой рукой, и рассчитывайте на меня до гроба. Не думайте обо мне ничего дурного, если я скажу вам, что сейчас мною овладело наисильнейшим образом какое-то смутное чувство, которое, хотите, вы можете назвать даже безрассудным. Я чувствую гораздо больше сожаления к этой даме и к вам, потому что вы не остались в своих предполагаемых отношениях, чем могу чувствовать к тому неизвестному человеку (если он вообще стал человеком) только из-за того, что он был невольно лишен своего положения. Вы хорошо сделали, послав за м-ром Бинтреем. То, что я думаю, будет составлять только часть его совета, я знаю, но это составляет весь мой. Не делайте ни одного опрометчивого шага в этом серьезном деле. Тайна должна сохраняться среди нас с величайшей осмотрительностью, потому что стоит только легкомысленно отнестись к ней, как тотчас же возникнут мошеннические притязания. Все это вдохновит целую кучу плутов и вызовет поток ложных свидетельств и козней. Мне пока ничего

не остается прибавить вам больше, Вальтер, кроме лишь напоминания вам о том, что вы продали мне часть в своем деле именно для того, чтобы освободить себя от большей работы, чем вы можете вынести при вашем теперешнем состоянии здоровья; а я купил эту часть именно для того, чтобы работать, и хочу приступить к делу.

С этими словами Джордж Вендэль, пожав на прощанье плечо своего компаньона, что было наилучшим выражением тех чувств, которыми они были преисполнены, направился немедленно в контору, а оттуда прямо по адресу г. Жюля Обенрейца.

Когда он повернул в Сого-сквэр и направил свои шаги по направлению к его северной стороне, на его смуглом от загара лице выступила густая краска. Точно такую же краску мог бы заметить Уайльдинг, если бы он был лучшим наблюдателем или был бы меньше занят своим горем, когда его компаньон читал вслух одно место в письме их швейцарского корреспондента, которое он прочел не так ясно, как все остальное письмо.

Уже издавна довольно курьезная колония горцев помещается в Сого, в этом маленьком плоском лондонском квартале. Швейцарцы-часовщики, швейцарцы-чеканщики по серебру, швейцарцы-

ювелиры, швейцарцы-импортеры швейцарских музыкальных ящиков и всевозможных швейцарских игрушек тесно жмутся здесь друг к другу. Швейцарцы-профессора музыки, живописи и языков; швейцарские ремесленники на постоянных местах; швейцарские курьеры и другие швейцарские слуги, хронически находящиеся без места; искусные швейцарские прачки и крахмальщицы тонкого белья; швейцарцы обоего пола, существующие на какие-то таинственные средства; швейцарцы почтенные и швейцарцы непочтенные; швейцарцы, достойные всякого доверия, и швейцарцы, не заслуживающие ни малейшего доверия; все эти различные представители Швейцарии стягиваются к одному центру в квартале Сого. Жалкие швейцарские харчевни, кофейни и меблированные комнаты; швейцарские напитки и кушанья; швейцарские службы по воскресеньям и швейцарские школы в будни — все это можно здесь встретить. Даже чистокровные английский таверны ведут нечто вроде не совсем английской торговли, выставляя в своих окнах швейцарские возбуждающие напитки и большую часть ночей года скрывая за своими стопками швейцарские схватки из-за вражды и любви.

Когда новый компаньон фирмы Уайльдинг и К° позвонил у двери, на которой красовалась медная доска, носящая топорную надпись «Обенрейцеръ» — у внутренней двери зажиточного дома, в котором нижний этаж был посвящен торговле швейцарскими часами, — он сразу попал в домашнюю швейцарскую обстановку. В той комнате, куда он был проведен, высилась вместо камина белая изразцовая печь для зимнего времени; непокрытый пол был выложен опрятным паркетом; комната выглядела бедной, но очень тщательно вычищенной. И маленький четырехугольный ковер перед софой, и бархатная доска на печке, на которой стояли огромные часы и вазы с искусственными цветами, — все это согласовалось с тем общим тоном, который делал эту комнату похожей на молочную, приспособленную для жилья каким-нибудь парижанином по вынесении из нее всех хозяйственных предметов.

Искусственная вода падала с мельничного колеса под часами. Посетитель не простоял и минуты перед ними, как вдруг г. Обенрейцер заставил его вздрогнуть, проговорив у его уха на очень хорошем английском языке с очень легким проглатыванием слов:

— Как поживаете? Очень рад!

— Извините, пожалуйста. Я не слыхал, как вы вошли.

— Какие пустяки! Садитесь, пожалуйста. — Отпустив обе руки своего визитера, которые он слегка сжимал у локтей, в виде приветствия, г. Обенрейцер также сел, заметив с улыбкой: — Как ваше здоровье? Очень рад! — и снова коснулся его локтей.

— Я не знаю, — сказал Вендэль, после обмена приветствий, — может быть, вы уже слышали обо мне от вашего Торгового Дома в Невшателе?

— О, да!

— В связи с Уайльдингом и К°?

— О, конечно!

— Поэтому вам не кажется странным, что я являюсь к вам здесь, в Лондоне, в качестве одного из компаньонов фирмы Уайльдинг и К°, чтобы засвидетельствовать почтение нашей фирмы?

— Нисколько. Что я всегда говорил, когда мы путешествовали по горам? Мы называем их огромными; но мир так мал. Так мал мир, что один человек не может держаться в стороне от других. Так мало людей в мире, что они постоянно наталкиваются и сталкиваются друг с другом. Мир так ничтожно мал, что один человек не

может отделаться от другого. Это не значит, — он снова дотронулся до локтей Вендэля с заискивающей улыбкой, — что кто-нибудь хотел бы отделаться от вас.

— Я надеюсь, что нет, monsieur Обенрейцер.

— Пожалуйста, называйте меня в своей стране мистером. Я сам называю себя так, потому что я люблю вашу страну. Если бы я мог быть англичанином! Но я уже рожден на свет! А вы? Происходя из такой хорошей семьи, вы все же снизошли к занятию торговлей? Но погодите. Вина? Это считается в Англии торговлей и профессией? А не изящным искусством?

— Мистер Обенрейцер, — возразил Вендэль, немного приведенный в замешательство, — я был еще глупым юнцом, едва совершеннолетним, когда впервые имел удовольствие путешествовать с вами, и когда вы, я и мадемуазель ваша племянница… она здорова?

— Благодарю вас. Здорова.

— …делили вместе маленькие опасности ледников. Если я и хвастался-таки своей семьей из мальчишеского тщеславия, то, надеюсь, я поступал так просто, чтобы отрекомендовать себя, правда, довольно своеобразно. Это вышло очень слабо и оказалось манерой очень дурного тона;

но, быть может, вы знаете нашу английскую пословицу: «Век живи, век учись!»

— Вы очень близко принимаете это к сердцу, — возразил швейцарец. — Но, чорт возьми! Ведь в конце концов ваша семья была действительно хорошего рода.

В смехе Джорджа Вендэля слегка прозвучала нотка досады, когда он продолжал:

— Ну, вот! А я был чрезвычайно привязан к своим родителям, и в то время, когда мы впервые путешествовали вместе с вами, мистер Обенрейцер, я был в первом порыве радости, вступив во владение тем, что мне оставили мои отец и мать. Поэтому я надеюсь, что в конце концов во всем этом могло быть больше юношеской откровенности и сердечной простоты, чем хвастовства.

— Все это было лишь откровенностью и сердечной простотой! Ни малейшего хвастовства! — воскликнул Обенрейцер. — Вы слишком строго осуждаете себя. Вы судите себя, даю вам слово как если бы вы были вашим правительством! Но кроме того, всему дал толчок я. Я помню, как вечером в лодке, плывшей по озеру, среди отражений гор и долин, скал и сосновых лесов, которые были моими самыми ранними воспоминаниями, я начал рассказывать о картине своего несчастного дет-

ства. О нашей бедной лачуге у водопада, который моя мать показывала путешественникам; о коровьем сарае, в котором я ночевал вместе с коровой; о своем идиоте единоутробном брате, который всегда сидел у дверей или ковылял вниз к дороге за подаянием; о своей единоутробной сестре, сидевшей всегда за прялкой, положив свой громадный зоб на большой камень; о том, как я был маленьким, умиравшим с голода оборванцем двух или трех лет, когда они были уже мужчиной и женщиной и угощали меня колотушками, так как я был единственным ребенком от второго брака моего отца, если это был вообще брак. Что же тут мудреного, если вы стали сравнивать свои воспоминания с моими и сказали: «Мы почти одинакового возраста; в это самое время я сидел на коленях у матери, в карете своего отца, катаясь по богатым английским улицам; меня окружала всякая роскошь и всякая нечистая бедность была далеко от меня. Таковы *мои самые* ранние воспоминания по сравнению с вашими!»

М-р Обенрейцер был смуглым молодым черноволосым человеком, на загорелом лице которого никогда не показывался румянец. Когда краска показалась бы на щеках другого, на его щеках появлялось едва различимое биение, как если

бы там был скрыт механизм, служащий для поднятия горячей крови, но механизм совсем сухой. Он был сильного и вполне пропорционального сложения и имел красивые черты лица. Многие заметили бы, что некоторое изменение в его наружности заставило бы их чувствовать себя с ним менее стесненно, но они не смогли бы определить точнее, какое понадобилось бы для этого произвести изменение. Если бы его губы могли сделаться более толстыми, а его шея более тонкой, то они нашли бы, что этот недостаток исправлен.

Но величайшей особенностью Обенрейцера было то, что какая-то пелена, которой трудно подыскать название, застилала его глаза — по-видимому, повинуясь его собственной воле, и непроницаемо скрывала не только в них, зеркале души, но и вообще во всем его лице всякое иное выражение, кроме внимания. Из этого ни в коем случае не следует, что его внимание было всецело приковано к тому лицу, с кем он говорил или даже всецело поглощено окружающими его звуками или предметами. Скорее это было многозначительное наблюдение за всеми своими мыслями и за теми, какие он знал в головах других.

В этой фразе разговора пелена застлала глаза м-ра Обенрейцера.

— Целью моего настоящего визита, — сказал Вендэль, — является, едва ли мне нужно упоминать об этом, уверение вас в дружеских отношениях к вам со стороны Уайльдинга и К°, в открытии нами вам кредита и в нашем желании быть вам полезными. Мы надеемся оказать вам в самом кратчайшем времени свое гостеприимство. Дела у нас еще не совсем вошли в свою колею, так как мой компаньон м-р Уайльдинг реорганизует домашнюю часть нашего учреждения и отвлечен пока некоторыми частными делами. Вы, я думаю, не знаете м-ра Уайльдинга?

М-р Обенрейцер не знал его.

— Вы должны поскорее сойтись. Он будет рад познакомиться с вами, и мне кажется, что я могу предсказать, что и вы будете рады познакомиться с ним. Вы, я полагаю, не очень давно устроились в Лондоне, м-р Обенрейцер?

— Я только теперь принял на себя это агентство.

— Mademoiselle ваша племянница… еще… не замужем?

— Не замужем.

Джордж Вендэль посмотрел по сторонам, как

будто выискивая каких-нибудь ее признаков.

— Она была в Лондоне?

— Она живет в Лондоне.

— Когда и где я мог бы иметь честь напомнить ей о себе?

М-р Обенрейцер стряхнул со своих глаз пелену и, прикоснувшись, как раньше, к локтям своего посетителя, сказал весело:

— Пойдемте наверх.

Немного смущенный, благодаря неожиданности, с которой, наконец, выпала на его долю та встреча, которой он так искал, Джордж Вендэль последовал за Обенрейцером наверх. В комнате, расположенной над той, которую он только что покинул — в комнате тоже с швейцарской обстановкой — сидела около одного из трех окон молодая особа, работая над пяльцами; другая особа, постарше, сидела, обернувшись лицом прямо к белой изразцовой печке (хотя стояло лето и печь не топилась) и чистила перчатки. У молодой особы было необыкновенное количество прекрасных светлых волос, которые очень мило обрамляло ее белый лоб, немного более выпуклый, чем у других среднего английского типа; и, следовательно, ее лицо было чуть — или, скажем, немного — круглее, чем лицо у сред-

него английского тина, да и вся фигура ее была несколько округлее, чем у средней английской девятнадцатилетней девушки. Ее спокойная поза не скрывала замечательной грации ее тела и свободы движений, а удивительная чистота и свежесть цвета ее лица с ямочками на щеках и ее светлые серые глаза, казалось, распространяли благоухание горного воздуха. Хотя общий фасон ее платья был английский, но все же Швейцария проглядывала в причудливом корсаже, который она носила, и скрывалась в художественной вышивке ее красных чулок и в маленьких башмаках с серебряными пряжками. Что же касается пожилой особы, сидевшей, расставив ноги, на нижнем медном карнизе печки, с целой кучей перчаток на коленях и чистившей одну из них, натянув ее на левую руку, то это было настоящее олицетворение Швейцарии, но только в другом роде, начиная с ширины ее подушкообразной спины и тяжести ее почтенных ног (если только можно так сказать) и кончая ее черной бархатной ленточкой, туго обвязанной вокруг шеи, чтобы помешать начинающемуся расположению к зобу или, еще выше, кончая ее большими золотыми серьгами цвета меди, или, еще выше, кончая ее наколкой из черного газа, натянутого на про-

волоку.

— Мисс Маргарита, — сказал Обенрейцер молодой особе, — припоминаете ли вы этого джентльмена?

— Я думаю, — отвечала она, поднявшись со своего стула, удивленная и чуть-чуть смущенная, — что это м-р Вендэль?

— Я думаю, что это он, — сказал сухо Обенрейцер. — Позвольте представить, м-р Вендэль: мадам Дор.

Пожилая особа у печки с перчаткой, натянутой на левую руку, что делало ее похожей на вывеску — знак перчаточника, слегка приподнялась, слегка взглянула через свое широкое плечо и грузно шлепнулась в кресло, продолжая снова тереть.

— Мадам Дор, — сказал Обенрейцер с улыбкой, — так любезна, что охраняет меня от пятен и прорех. Мадам Дор потакает моей слабости быть всегда опрятным и посвящает свое время на удаление пятен и жира.

Мадам Дор с простертой в воздухе перчаткой внимательно разглядывала ладонь, но, открыв в этот момент липкое пятно на платье м-ра Обенрейцера, стала с усердием тереть его. Джордж Вендэль сел около пялец, пожав сперва прекрасную правую руку, которую его приход оторвал от

работы, и взглянув на золотой крест, видневшийся из-за корсажа, с некоторой долей благоговения пилигрима, который достиг, наконец, раки святого. Обенрейцер стоял посреди комнаты, заложив большие пальцы рук в жилетные кармашки, и его глаза снова стали заволакиваться пеленой.

— Он говорил внизу, мисс Обенрейцер, — заметил Вендэль, — что мир такое небольшое место, где один человек не может ускользнуть от другого. Я находил его для себя слишком уж обширным с тех пор, как видел вас в последний раз.

— Значит, вы так далеко уезжали? — спросила она.

— Не так далеко, потому что я только ежегодно ездил в Швейцарию; но я мог желать — и, конечно, я очень часто желал, — чтобы маленький мир не представлял таких случаев к долгим разлукам, как это бывает. Если бы мир был поменьше, я мог бы найти своих товарищей по путешествию скорее, не правда ли?

Хорошенькая Маргарита покраснела и очень быстро взглянула по направлению к мадам Дор.

— В конце концов вы нас нашли, м-р Вендэль. Может быть, вы нас снова потеряете.

— Я уверен, что нет. Любопытное совпадение, которое помогло мне найти вас, позволяет мне

надеяться, что этого не будет.

— Какое это совпадение, сэр, пожалуйста?

Милая небольшая национальная особенность в этом обороте речи и в произношении сделала эти слова обворожительными, — подумал Джордж Вендэль, и в то же время он снова заметил мгновенный взгляд, брошенный на мадам Дор. Казалось, им посылалось предостережение, хотя этот взгляд был быстр, как молния; поэтому Вендэль стал с этого момента незаметно наблюдать за мадам Дор.

— Случилось так, что я сделался компаньоном в одном торговом доме в Лондоне, которому м-р Обенрейцер был как раз сегодня особенно рекомендован и тоже одним торговым домом в Швейцарии, с которым (так сложились обстоятельства) мы оба связаны деловыми интересами. Он не рассказывал вам об этом?

— Ах, нет! — воскликнул м-р Обенрейцер, вступая в разговор уже без пелены на глазах. — Я не рассказывал об этом мисс Маргарите. Мир так мал и так монотонен, что сюрприз бывает очень ценен в нем, таком маленьком и пошлом. Все обстояло так, как он вам рассказывает, мисс Маргарита. Он, отпрыск такой хорошей фамилии и так благородно воспитанный, снизошел до

торговли. До торговли! Подобно, нам, бедным крестьянам, поднявшимся из нищеты!

По ее прекрасному челу проползло облачко, и она опустила свои глаза вниз.

— Но, ведь это хорошо для торговли! — продолжал с энтузиазмом Обенрейцер. — Это облагораживает торговлю. Все счастье торговли, ее низменность, заключается в том, что всякий человек низкого происхождения — например, мы, бедные крестьяне, — может приняться за торговлю и подыматься при помощи ее. Вот посмотрите, мой дорогой Вендэль, — он заговорил с большой выразительностью, — отец мисс Маргариты, мой старший единоутробный брат, который был бы больше, чем вдвое старше вас или меня, будь он жив, ушел без сапог, почти без лохмотьев из этого нашего злополучного горного прохода… скитался, скитался, достиг того, что его стали кормить вместе с мулами и собаками в каком-то трактире в большой долине, очень далеко от нас, — сделался там мальчиком, потом стал конюхом, стал половым, стал поваром, стал хозяином. Сделавшись хозяином, он взял меня к себе (не мог же он взять своего идиота-попрошайку брата или свою сестру — чудовище за прялкой?) и поместил в ученики к известному часовщику,

своему соседу и приятелю. Его жена умирает, когда родилась мисс Маргарита. Какова же была его воля и каковы были его последние слова, с которыми он обратился ко мне, умирая? А она была в том возрасте, когда делаются женщиной, оставаясь еще девочкой. Он сказал: «Все оставляю Маргарите, кроме такой-то суммы в год для тебя. Ты молод, но я назначаю тебя ее опекуном, так как ты по происхождению из самого темного и бедного крестьянства, и я сам происхожу из него, и из него же происходила и ее мать; все мы были простыми крестьянами, и ты помни это». Все это совершенно верно и по отношению к большей части моих земляков, торгующих теперь в этом вашем Лондоне, в квартале Сого. Все это бывшие крестьяне; швейцарские крестьяне, низкого происхождения, трудившиеся над тяжелой и грязной работой. Поэтому как хорошо и ценно для торговли, — здесь его пыл иссяк, и он заговорил шутливо ликующим тоном, коснувшись снова молодого виноторговца и слегка пожимая его локти, — что ее возвышают джентльмэны.

— Я не думаю так, — сказала Маргарита с загоревшимися щеками и отведя взор от посетителя, что было почти вызовом. — Я думаю, что ее точно также возвышаем и мы, крестьяне.

— Фи, мисс Маргарита, — сказал Обенрейцер. — Вы говорите в гордой Англии.

— Я говорю гордо и серьезно, — отвечала она, снова спокойно принимаясь за свою работу, — и я дочь не английского, а швейцарского крестьянина.

В ее словах прозвучало желание переменить тему разговора, против чего Вендэль не мог возражать. Он только серьезно сказал:

— Я самым усердным образом соглашаюсь с вами, мисс Обенрейцер, и я уже высказывал свое мнение в вашем доме, как это может подтвердить м-р Обенрейцер, — который, однако, отнюдь не подтвердил этого.

Теперь Вендэль заметил нечто в широкой спине мадам Дор, так как глаза у него были быстрые и он время от времени зорко следил за этой дамой. В том, как она чистила перчатки, было порядочно-таки мимической выразительности. Чистка производилась очень медленно, когда он говорил с Маргаритой, или совершенно прекращалась, словно она прислушивалась. Когда Обенрейцер закончил свою речь о крестьянах, мадам Дор стала тереть, что есть силы, словно она аплодировала. Один или два раза, когда перчатка (которую она все время держала перед собой

немного выше лица) переворачивалась в воздухе или когда один палец был опущен вниз, а другой поднят кверху, он даже думал, не установлено ли тут какого-нибудь телеграфного сообщения с Обенрейцером: его спина ни разу не поворачивалась к мадам Дор, хотя, казалось, он совершенно не обращает на нее внимания.

Вендэль также заметил, что в том, как Маргарита переменила тему разговора, дважды направленного к тому, чтобы выставит его в дурном свете, проскользнуло гневное раздражение на своего опекуна, раздражение, которое она попыталась скрыть: она как будто хотела разразиться гневом против Обенрейцера, но побоялась. Он также заметил — хотя это было не так уж важно — что Обенрейцер ни разу не подходил к ней ближе того расстояния, которое он установил с самого начала, — как будто бы между ними были резко проведены границы. Ни разу он не говорил о ней без приставки «мисс», хотя всякий раз произносил ее с легчайшим оттенком насмешки в голосе. И теперь Вендэлю в первый раз пришло в голову, что то странное в этом человеке, что он никогда раньше не мог определить, можно было определить, как какую-то тонкую струю насмешки, которая ускользала от оценки.

Он убедился, что Маргарита была в некотором роде пленницей и не могла располагать своей свободной волей, и хотя она и противопоставляла ее силой своего характера соединенной воле этих двух лиц, но тем не менее ее характер был неспособен освободить ее. Убедиться в этом — значило почувствовать себя расположенным полюбить ее более, чем он когда-нибудь любил. Короче сказать, он отчаянно влюбился в нее и решил безусловно не упускать из рук того случая, который, наконец, представился ему.

Поэтому, пока он только упомянул о том удовольствии, которое будут скоро иметь Уайльдинг и К°, обратившись с просьбой к мисс Обенрейцер почтить своим присутствием их учреждение — любопытный старый дом, хотя, впрочем, дом холостяков — и не продлил своего визита долее обычного. Спускаясь вниз в сопровождении хозяина, он увидал контору Обенрейцера позади сеней и нескольких оборванных людей в иностранных одеждах, которые были тут и которых Обенрейцер заставил посторониться, чтобы они дали пройти, сказав им несколько слов на их языке.

— Земляки, — объяснил он, дожидаясь Вендэля у дверей. — Бедные соотечественники. Благодар-

ные и чувствующие привязанность, как собаки! Прощайте. До новой встречи. Так рад!

Еще два легких прикосновения к его локтям, и он на улице.

Нежная Маргарита за своими пяльцами и широкая спина мадам Дор за своим телеграфом витали перед ним до Угла Увечных. Когда он пришел туда, Уайльдинг совещался наедине с Бинтреем. Двери погреба были случайно открыты; Вендэль зажег свечу, прикрепленную к расщепу палки, и спустился вниз, чтобы пройтись по погребу. Грациозная Маргарита витала перед ним неизменно, но широкая спина мадам Дор осталась за дверями.

Погреба были очень обширны и очень стары. В них был какой-то каменный склеп еще с тех пор, когда прошедшее не было прошедшим; некоторые говорили, что это остатки монашеской трапезной, иные — часовни; другие — языческого храма. Все это было теперь одинаково правдоподобно. Пусть всякий, кто хочет, делает, что ему нравится, из раскрошившейся колонны и разрушившейся арки или тому подобного. Седое время сделало то, что ему хотелось, и было совершенно равнодушно к противоречию.

Спертый воздух, запах плесени и громовой гро-

хот над головой на улицах — все это выходило из рамок повседневной жизни и довольно хорошо согласовалось с образом хорошенькой Маргариты, защищающей себя от тех двоих. Так Вендэль продолжал свой путь, пока не увидал, при одном из поворотов в погребах, света от такой же свечи, какую нес сам.

— О! Вы здесь? Это вы, Джоэ?

— Разве не следовало бы скорее спросить: «О, вы здесь, это вы, мастер Джордж?» Потому что мое дело быть здесь, но не ваше.

— Не ворчите, Джоэ.

— О, я не ворчу, — возразил погребщик. — Если кто и ворчит, то это то, что я принимаю через поры, а не я. Постарайтесь, чтобы что-нибудь не начало ворчать в вас, мастер Джордж. Побудьте здесь подольше, чтобы испарения начали действовать, и они окажут на вас свое влияние.

Его текущее занятие состояло в том, что он совал голову в лари, делая какие-то измерения и умственные вычисления, и заносил все это в записную книжку, сделанную как будто из кожи носорога и словно составлявшую часть самого Джоэ Лэдля.

— Они окажут на вас свое влияние, — начал он снова, положив деревянную рейку, которой он

производил измерения поперек двух бочек; тут он занес свое последнее вычисление в книжку и выпрямил спину, — верьте им! Итак, вы уже совершенно вошли в дело, мастер Джордж?

— Совершенно. Я надеюсь, вы не встречаете к этому препятствий, Джоэ?

— Я не встречаю, Бог с вами. Но испарения встречают то препятствие, что вы слишком молоды. Вы оба слишком молоды.

— Мы будем уменьшать это препятствие день за днем, Джоэ.

— Ах, мастер Джордж; но я буду день за днем увеличивать то препятствие, что я слишком стар и поэтому не буду в состоянии увидеть в вас большого улучшения.

Этот удачный ответ так понравился Джоэ Лэдлю, что он крякнул от удовольствия, повторил его снова и крякнул вторично, после второго издания «большого улучшения».

— Но вот уж совсем не до смеха, мастер Джордж, — снова начал он, еще раз выпрямляя свою спину, — что молодой мастер Уайльдинг пришел и переменил счастье. Обратите внимание на мои слова. Он переменил счастье, и оно уйдет от него. Не даром провел я всю жизнь здесь внизу. По тем признакам, которые я замечаю

здесь внизу, я знаю, когда идет дождь, когда, он перестает, когда ветрено, когда стоит тихая погода. Точно также хорошо я знаю по тем признакам, которые вижу здесь внизу, когда счастье изменяется.

— А эти наросты на сводах имеют что-нибудь общее с вашими предсказаниями? — спросил Вендэль, поднимая свою свечу к мрачным лохматым наростам темных грибов, свешивавшихся со сводов самым неприятным и отталкивающим образом. — Мы славимся этими наростами в наших погребах, не так ли?

— Это верно, мастер Джордж, — отвесил Джоэ Лэдд, делая один-два шага в сторону, — но если вы позволите мне дать вам совет, то, пожалуйста, оставьте их в покое.

Подняв рейку, все еще до сих пор лежавшую поперек двух бочек, и тихонько трогая ею вялый нарост, Вендэль спросил: почему же?

— Почему? Не столько потому, что они происходят от бочек с вином и могут предоставить вам возможность судить о том, что за вещество принимает в себя погребщик, прогуливаясь здесь всю свою жизнь, и даже не столько потому, что в этом периоде их роста в них водятся черви, которых вы можете сшибить на себя, — отвечал

Джоэ Лэдд, все еще держась в стороне, — сколько по другой причине, мастер Джордж.

— По какой другой причине?

— (Я не стал бы продолжать трогать его, будь я на вашем месте, сэр). Я расскажу вам, если вы отойдете отсюда. Прежде всего посмотрите на его цвет, мастер Джордж.

— Я и смотрю.

— Уже посмотрели, сэр. Теперь, пойдемте отсюда.

Он пошел со своей свечей к выходу, и Вендэль последовал за ним, неся свою. Догнав его и возвращаясь вместе с ним назад, Вендэль взглянул на него, когда они проходили под сводами и сказал:

— Что же, Джоэ? Цвет…

— Не похож ли он на запекшуюся кровь, мастер Джордж?

— Ну, положим, довольно похож.

— Мне кажется больше, чем похож, — пробормотал Джоэ Лэдль, важно покачивая головой.

— Ну, ладно! Скажем, что он похож; скажем, что он очень похож. Что же дальше?

— Мастер Джордж, говорят…

— Кто говорит?

— Как я могу знать, кто? — возразил погребщик, по-видимому, очень раздраженный нелепостью

вопроса. — Все! Те, которые довольно-таки хорошо говорят обо всем, вы знаете это. Как я могу знать, кто такие говорят, если вы сами этого не знаете?

— Правильно. Продолжайте.

— Говорят, что тот человек, которому как-нибудь упадет прямо на грудь кусок такого темного нароста, будет наверняка и несомненно убит.

Когда Вендэль остановился со смехом, чтобы заглянуть погребщику в глаза, которые тот устремил на свою свечу, медленно произнося эти слова, то внезапно он почувствовал удар, нанесенный ему в грудь сильной рукой. Мгновенно проследив глазами движение, нанесшей ему удар, руки — руки его спутника — он увидел, что она сбила с его груди обрывок или комок гриба, еще летевший на землю.

На мгновение он повернулся к погребщику почти с таким же испуганным взглядом, с каким тот обернулся к нему. Но в следующую минуту они увидели дневной свет у подножия лестницы, ведущей из погреба, и прежде, чем весело взбежать вверх по ступеням, Вендэль задул свою свечу и вместе с нею свое суеверие.

Уайльдинг уходит

На следующий день утром Уайльдинг вышел из дому один, оставив поручение своему клерку: «Если м-р Вендэль спросит обо мне, — сказал он, — или если зайдет м-р Бинтрей, то скажите им, что я пошел в Воспитательный Дом». Все, что говорил ему его компаньон, все, в чем старался убедить его поверенный, высказывавший то же самое мнение, не могло поколебать его, и он продолжал настаивать на свой собственной точке зрения. Найти потерянного человека, местом которого он незаконно завладел, — вот в чем заключался сейчас высший интерес его жизни, и справка в Воспитательном Доме была, очевидно, первым шагом в этом направлении. Вот почему виноторговец и шел теперь туда.

Когда-то знакомый вид здания не представлялся ему теперь таким, как и не представлялся ему теперь прежним портрет над камином. Прервалась самая дорогая и единственная связь с тем местом, в котором прошло его детство, прервалась навсегда. Какое-то странное отвращение овладело им, когда он сообщил привратнику, что пришел по делу. Сердце его ныло, когда он сидел в

одиночестве в приемной, ожидая, пока не придет казначей заведения, за которым послали и с которым ему нужно было повидаться. Когда начался разговор, то он мог только болезненным усилием воли заставить себя успокоиться настолько, чтобы объяснить причину своего посещения.

Казначей слушал его с лицом, на котором выражалось все необходимое внимание и ничего больше.

— Мы обязаны быть осмотрительными, — сказал он, когда настала его очередь говорить, — относительно всех вопросов, с которыми обращаются к нам посторонние лица.

— Вы едва ли станете считать меня посторонним лицом, — ответил просто Уайльдинг. — Когда-то и я был здесь одним из ваших бедных покинутых детей.

Казначей вежливо заметил, что это обстоятельство внушает ему чрезвычайный интерес к особе посетителя. Но тем не менее он настаивал на том, чтобы посетитель изложил те мотивы, которые заставляют его наводить справки. Без всяких предисловий Уайльдинг изложил ему свои мотивы, не умолчав ни о чем. Казначей встал и указал ему дорогу в комнату, где хранились все журналы заведения.

— Все сведения, которые вы можете почерпнуть из наших книг, вполне к вашим услугам, — сказал он. — Я только боюсь, что после такого большого промежутка времени это — единственное указание, которое мы можем предложить вам.

Справились по книгам и нашли запись, составленную в таких выражениях:

> «3-го марта 1836 г. Усыновлен и взят из Воспитательного Дома младенец мужеского пола, по имени Вальтер Уайльдинг. Имя и состояние лица, усыновившего ребенка: миссис Джэн Анна Миллер, вдова. Адрес — Домик под Липами, Грумбриджские Колодцы. Поручители: Преподобный Джон Харкер, Грумбриджские Колодцы, и г-да Джайлс, Джерем и Джайльс, банкиры, Ломбардстрит».

— Это все? — спросил виноторговец. — Больше вы ничего не слышали о миссис Миллер?

— Ничего — в противном случае в этой книге должна была бы быть сделана какая-нибудь ссылка на это.

— Могу ли я снять копию с этой записки?

— Конечно! Вы немного взволнованы. Позвольте мне снять для вас копию.

— Я думаю, мне остается только попытать счастья, — сказал Уайльдинг, смотря печально на копию, — наведя справки в местопребывании миссис Миллер, и попробовать, не смогут ли они помочь чем-нибудь.

— Я думаю, что это вам только и остается сделать, так по крайней мере мне сейчас кажется, — ответил казначей. — От души желаю, чтобы мне в будущем представилась возможность помочь вам чем-нибудь.

Утешенный на прощанье такими словами, Уайльдинг отправился на поиски, которые начинались от дверей Воспитательного Дома. Первым шагом в этом направлении был, очевидно, банкирский дом на Ломбардстрите. Двое компаньонов фирмы, о которых он спросил, были недоступны для случайных посетителей. Третий сначала указал на ряд некоторых неизбежных затруднений, но затем согласился разрешить клерку просмотреть счетную книгу, помеченную заглавной буквой «М». Счет миссис Миллер, вдовы, из Грумбриджских Колодцев, был найден. Он был перекрещен двумя длинными линиями, сделанными выцветшими чернилами, а внизу страницы была сделана такая отметка: «Счет закрыт, 30-го сентября 1837 г.».

Итак, первый путь, избранный им, закончился и закончился тупиком: прохода не было! Отправив записку в Угол Увечных, чтобы уведомить своего компаньона о том, что его отсутствие может продлиться еще несколько часов, Уайльдинг занял место в поезде и направился по второму пути — в местопребывание миссис Миллер в Грумбриджских Колодцах.

Вместе с ним ехали матери и дети; матери и дети встречали друг друга на станциях; матери и дети были в лавках, куда он заходил расспросить о Домике под Липами. Повсюду проявлялось в счастливом свете дня самое близкое, самое дорогое и счастливое из всех человеческих отношений. Повсюду ему припоминалось то драгоценное заблуждение, из которого он был так жестоко выведен, то утраченное воспоминание, которое скользнуло по нему, как отражение от зеркала.

Расспрашивая то здесь, то там, он не мог ничего услышать о таком месте, как Домик под Липами. Проходя мимо конторы агента по приисканию квартир, он устало зашел в нее и в последний раз обратился со своим вопросом. Квартирный агент указал ему на мрачный многооконный дом, стоявший на другой стороне улицы, который мог

быть фабрикой, но оказался гостиницей.

— Вот то место, — сэр, — сказал он, — где стоял Домик под Липами десять лет тому назад.

Второй путь окончился, и снова нет прохода!

Но оставалась еще одна надежда. Ведь можно было еще найти поручителя-священника, м-ра Харкера. Так как в это время вошли обычные посетители и овладели вниманием квартирного агента, то Уайльдинг вышел на улицу и, войдя в книжную лавку, спросил, не могут ли ему сообщить теперешний адрес преподобного Джона Харкера.

Книгопродавец был, казалось, совершенно поражен и удивлен и ничего не ответил.

Уайльдинг повторил свой вопрос.

Книгопродавец взял с прилавка изящный маленький томик в скромном сером переплете. Он открыл книжку на заглавной странице и подал ее посетителю. Уайльдинг прочел: «Мученическая смерть преподобного Джона Харкера в Новой Зеландии. Рассказано бывшим членом его паствы».

Уайльдинг положил книгу обратно на прилавок.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, отчасти думая, вероятно, при этих словах о своем собственном мученичестве.

Молчаливый книгопродавец принял с поклоном его извинение.

Уайльдинг вышел.

Третий и последний путь — и снова нет прохода в третий и последний раз.

Больше ничего не оставалось делать; не оставалось совершенно никакого выбора, как только вернуться в Лондон, потерпев поражение на голову. На обратном пути виноторговец посматривал время от времени на копию, снятую с записи в журнале Воспитательного Дома. Среди многих видов отчаяния есть один, быть может, самый болезненный — это тот, где отчаяние скрывается за надеждой. Уайльдинг едва удержался, чтобы не выбросить из окна вагона бесполезный клочок бумаги. «Быть может он приведет еще к чему-нибудь, — подумал он. — Пока я жив, я не расстанусь с ним. Когда я умру, мои душеприказчики найдут его запечатанным вместе с моей последней волей».

Тут мысль о последней воле заставила доброго виноторговца направить свои думы по новому пути, не отклоняясь, впрочем, от того предмета, на котором сосредоточилось его внимание. Он должен немедленно составить свое завещание.

Слова «нет прохода» в применении к данному

случаю были обязаны своим происхождением м-ру Бинтрею. Во время их первого совместного продолжительного совещания, которое последовало за открытием тайны, этот здравомыслящий человек сотни раз повторял, покачивая отрицательно головой:

— Нет прохода, сэр! Нет прохода. Я уверен в том, что тут нет никакого выхода из создавшегося ныне положения, поэтому я советую вам утешиться и примириться со всем происшедшим.

Во время затянувшегося совещания приносилось большое количество старого сорокапятилетнего портвейна, чтобы промочить юридическое горло м-ра Бинтрея; но чем яснее представлялась ему борьба с вином, тем ярче видел он невозможность побороть создавшееся затруднение и всякий раз, ставя на стол пустой стакан, повторял: «М-р Уайльдинг, нет прохода. Успокойтесь и благодарите судьбу».

Заботливость честного виноторговца о составлении духовного завещания несомненно возникла благодаря его чрезвычайной добросовестности; хотя возможно (и это совершенно соответствовало его прямоте), что он мог бемсознательно получить некоторое чувство облегчения, питая надежду передать свои собственные

затруднения двум другим людям, которые ему наследовали. Но как бы то ни было, он следовал с величайшим жаром за новым направлением своих мыслей и, не теряя времени, попросил Джорджа Вендэля и м-ра Бинтрея прийти к нему в Угол Увечных, где он сделает им некоторое сообщение.

— Мы собрались все трое и двери заперты, — сказал м-р Бинтрей, обращаясь по этому случаю к новому компаньону. — И я хочу прежде, чем наш друг (и мой клиент) доверит нам свои дальнейшие виды, заметить, что я всецело расписываюсь под теми словами, в которых, м-р Вендэль, заключался ваш совет, как я понял из его слов, и в которых заключался бы совет каждого разумного человека. Я уже говорил ему, что он безусловно должен хранить свой секрет. Я беседовал с м-с Гольдстроо, как в его присутствии, так и без него, и мне кажется, что если можно кому-нибудь доверять (и это очень большое *если*), так это ей, разумеется, в пределах этого *если.* Я указывал нашему другу (и моему клиенту), что начать бесцельные розыски — это значит не только поднять на ноги дьявола во образе всех мошенников Королевства, но и истощить свое состояние. Вы же, м-р Вендэль, знаете, что наш

друг (и мой клиент) не желает вовсе истощать своего состояния, но, напротив, хочет оставить его в неприкосновенности для того лица, которое он считает — но я не могу сказать этого про себя — полноправным собственником, если только когда-нибудь будет найден этот полноправный собственник. Я очень сильно ошибаюсь, если он когда-нибудь найдется, но не обращайте на это внимания. М-р Уайльдинг и я, мы оба все таки согласны в том, что состояние не следует истощать. Затем я согласился на желание м-ра Уайльдинга печатать через некоторые промежутки времени в газетах объявления, в которых осторожно приглашать тех лиц, которые знают что-либо относительно такого-то усыновленного ребенка, взятого из Воспитательного Дома, приходить в мою контору; и я поручился, что такие объявления будут появляться регулярно. Из слов нашего друга (а моего клиента) я вывел заключение, что встречусь здесь с вами сегодня, чтобы выслушать его указание, но не давать ему советов. И готов принять его указания и уважить его желания; но вы будете любезны заметить, что этим я не хочу выразить одобрения как тем, так и другим, если высказывать свое профессиональное мнение.

Так говорил м-р Бинтрей, предназначая свои

слова постольку же для Уайльдинга, поскольку обращался с ними к Вендэлю. И даже, несмотря на всю свою заботливость по отношению к своему клиенту, он настолько забавлялся его донкихотским поведением, что время от времени поглядывал на него своими подмигивающими глазками с видом в высшей степени забавного любопытства.

— Ничего не может быть яснее, — заметил Уайльдинг. — Я только хотел бы, чтобы моя голова была так же ясна, как ваша, м-р Бинтрей.

— Если вы чувствуете, что у вас начинается в голове шум, — намекнул юрист, бросив испуганный взгляд на Уайльдинга, — то отложим ее… я говорю о нашей беседе.

— Совершенно нет, благодарю вас, — сказал Уайльдинг. — Что я собирался…

— Не волнуйтесь, м-р Уайльдинг, — настаивал юрист.

— Нет, этого я не собирался делать, — сказал виноторговец. — М-р Бинтрей и Джордж Вендэль, колеблетесь ли вы или же имеете какое-нибудь препятствие, чтобы стать моими соповеренными и душеприказчиками или же вы можете согласиться сразу?

— Я согласен, — ответил с готовностью Джордж

Вендэль.

— Я согласен, — сказал не с такой готовностью Бинтрей.

— Благодарю вас обоих. М-р Бинтрей, указания мои относительно моей последней воли и завещания будут коротки и просты. Быть может, вы будете добры теперь же составить акт. Я оставляю все свое недвижимое и движимое имущество, без какого бы то ни было исключении или изъятия, вам обоим, моим соповеренным и душеприказчикам, с поручением выплатить все истинному Вальтеру Уайльдингу, если он будет найден и подлинность его установлена в течение двух лет со дня моей смерти. Если это не удастся сделать, то поручаю вам обоим выплатить ее Воспитательному Дому, как пожертвование и наследство.

— Таковы все ваши инструкции, не так ли, м-р Уайльдинг? — спросил Бинтрей после смущенного молчания, во время которого никто не глядел друг на друга.

— Да, это все.

— И вы совершенно определенно решились на подобные распоряжения, м-р Уайльдинг?

— Совершенно, положительно, окончательно.

— Тогда остается только, — сказал юрист, по-

жимая плечами, — придать им техническую и связную форму, совершить акт и засвидетельствовать его. Но, это спешно? Нужно ли торопиться с этим делом? Вы еще не собираетесь умирать, сэр.

— М-р Бинтрей, — ответил серьезно Уайльдинг, — когда я буду собираться умирать, это неведомо ни мне, ни вам, а ведомо кому-то другому. Я буду рад, когда это дело свалится с моих плеч, если вы не встречаете никаких препятствий.

— Мы снова поверенный и клиент, — отвечал Бинтрей, который при этих словах сделал почти сочувственную физиономию. — Если для м-ра Вендэля и для вас удобно будет собраться здесь ровно через неделю и в это же время, то я занесу в свой дневник, что буду соответственно с этим занят.

Как условились, так и сделали.

Завещание было подписано по форме, припечатано, передано свидетелям, засвидетельствовано ими и унесено м-ром Бинтреем для безопасного хранения среди бумаг его клиентов; эти бумаги были распределены в его кабинете по соответственным железным ящикам на железных полках с соответственными именами владельцев на наружной стороне, так что это юридическое

святилище походило на тесный фамильный склеп клиентов.

Теперь с большим, чем раньше, рвением Уайльдинг принялся за то, что так интересовало его прежде и стал выполнять свои замыслы относительно патриархального устройства своего заведения; в этом ему усиленно помогали не только миссис Гольдстроо, но также и Вендэль, который, вероятно, заботился о том, чтобы дать как можно скорее обед Обенрейцеру. Как бы то ни было, заведение было скоро открыто в надлежащем деловом порядке, Обенрейцеры, опекун и состоящая под опекой, были приглашены к обеду; мадам Дор была также включена в приглашение. Если Вендэль еще прежде был влюблен по уши и с головой — фраза, не заключающая в себе ни малейшего сомнения в ее правдивости — то после этого обеда он влюбился совершенно и ушел в свое чувство на глубину шестидесяти тысяч футов. Но тем не менее он не мог добиться даже ценою своей жизни ни одного слова наедине с очаровательной Маргаритой. Когда, казалось, приближалась блаженная минута, то тут уж, конечно, вырастал у локтя Вендэля Обенрейцер с глазами, затянутыми пеленой, или же перед его носом появлялась широкая спина мадам

Дор. Эту бессловесную матрону ни разу нельзя было увидеть спереди с момента ее прибытия и до ее отъезда, — за исключением обеда. И с того момента, как она удалилась в гостиную, оказав надлежащую честь этому обеду, она снова повернулась лицом к стене.

И все же в продолжение четырех или пяти восхитительных, хотя и нарушаемых, часов, можно было видеть Маргариту, можно было слышать Маргариту, можно было случайно коснуться Маргариты. Когда они обходили старые темные погреба, Вендэль вел ее под руку; когда потом вечером она пела ему в освещенной комнате, Вендэль стоял около нее, держа сброшенные ею перчатки и променял бы на них весь сорокапятилетний портвейн до капли, хотя бы он был сорок пять раз сорокапятилетним, и его чистая цена была сорок пять раз сорок пять фунтов за дюжину. И когда она ушла, а тушильщик огней прошел по Углу Увечных со своей тушилкой, Вендэль все еще томился и задавал себе вопросы, думала ли она о том, что он восхищается ею! Думала ли она о том, что он ее обожает! Подозревает ли, что она завладела им, его сердцем и душой! Приходило ли ей в голову думать обо всем этом! И так далее все в том же роде: как она относится к этому и как

к тому, на тон выше и на тон ниже, в мажорном тоне и в минорном! Дорогая, дорогая! Бедное неугомонное сердце людское! Только подумать, что то же самое чувствовали люди, которые были мумиями еще тысячи лет тому назад, и все же нашли секрет оставаться после этого спокойными!

— Что вы думаете, Джордж, — спросил его на следующий день Уайльдинг, — о м-ре Обенрейцере (я не буду вас спрашивать, что вы думаете о мисс Обенрейцер).

— Не знаю, — сказал Вендэль, — и никогда не знал, что думать о нем.

— Он с большими познаниями и умен, — сказал Уайльдинг.

— Несомненно, умен.

— Хороший музыкант. (Он накануне очень хорошо играл и пел).

— Бесспорно хороший музыкант.

— И хорошо говорит.

— Да, — сказал Джордж Вендэль задумчиво, — и хорошо говорит. Знаете, Уайльдинг, мне приходит в голову чудная мысль, когда я о нем думаю, что он не хорошо молчит.

— Что вы под этим разумеете? Он не навязчивый болтун.

— Нет, я не то хотел сказать. Когда он молчит,

то вы с трудом можете удержаться от какого-то смутного, хотя, быть может, и в высшей степени несправедливого, недоверия к нему. Возьмите какого-нибудь человека, которого вы знаете и который вам нравится.

— Готово, мой милый друг, — сказал Уайльдинг. — Я беру вас.

— Я не для того заговорил об этом и не предвидел этого, — возразил, смеясь, Вендэль. — Ну, ладно, возьмем меня. Вспомните на минуту следующее. Не основывается ли главным образом ваше одобрительное отношение к моему интересному лицу на том его выражении, какое оно принимает, когда я молчу (как бы ни были разнообразны те мгновенные выражения, которые оно может принимать)?

— Я думаю, что это так, — сказал Уайдьдинг.

— Я тоже думаю. Теперь обратите внимание, когда Обенрейцер говорит, другими словами, когда он имеет возможность излагать свои взгляды — то это у него выходит довольно хорошо; но когда ему не представляется возможности изложить свои взгляды, то это у него выходит довольно плохо. Вот почему я говорю, что он молчит не хорошо. И припоминая наскоро таких людей, которых я знаю и которым не доверяю, я

склонен думать и даже уверен в том, что все они молчат не хорошо.

Так как это положение физиогномики было совершено новым для Уайльдинга, то он сперва был в нерешительности, принимать ли его ему или нет, но задав себе вопрос, хорошо ли молчит м-с Гольдстроо и вспомнив, что ее лицо во время молчания положительно вызывает доверие, он так обрадовался, как радуются люди, которые большей частью верят в то, во что они хотят верить.

Его здоровье и душевное настроение восстановлялись очень медленно, поэтому его компаньон напомнил ему в качестве других средств поправления здоровья — а, быть может, также он имел некоторые виды на Обенрейцера — о тех его музыкальных планах, которые находились в связи с новым планом его домоустройства, о намерении составить класс пения в доме и хор в соседней церкви. Класс был быстро сорганизован, а так как двое или трое из служащих уже имели некоторые музыкальные познания и пели довольно сносно, то вскоре за ним последовал и хор. Последний был руководим и обучаем преимущественно самим Уайльдингом, который возымел надежду обратить своих подчиненных в настоящих вос-

питанников приюта, принимая во внимание их способности к пению духовных хоров.

Так как Обенрейцеры были искусными музыкантами, то легко осуществилось, что они были приглашены присоединиться к этим музыкальным собраниям. Опекун и находящаяся под опекой согласились, или, вернее, опекун дал свое согласие за обоих, неизбежным последствием чего было превращение жизни Вендэля в жизнь, полную рабства и очарования. Не ее ли голос раздавался по воскресеньям в старой и закоптелой церкви Св. Христофора, когда собирались возлюбленные братья во Христе (их сходилось самое большее двадцать пять человек), и словно освещал самые темные уголки, приводя в трепет стены и колонны, как будто бы они составляли одно целое с его сердцем! И в это время мадам Дор, сидевшая в углу высокой скамьи, повернувшись спиной ко всему и ко всем, не могла не показаться в некоторые моменты службы знатоком церковных обрядов, подобно тому человеку, которому доктор порекомендовал выпивать раз в месяц и который напивался ежедневно, чтобы не пропустить этого раза.

Но даже и эти райские воскресенья стушевывались по средам перед теми концертами, которые

устраивались для патриархального семейства. На этих концертах она садилась за пианино и пела им на своем родном языке песни своей родной страны, песни, призывавшие Вендэля с горных вершин: «Поднимись над суетными земными равнинами; удались подальше от толпы; следуй за мной, поднимающейся все выше, выше, выше и тающей в лазурной дали; поднимись к моей самой высочайшей вершине и полюби меня там!» И пока не оканчивалась мелодия, хорошенький корсаж и вышитые чулки и башмачки с серебряной пряжкой, так же, как и высокий лоб, и серые глаза, напоминали настоящую серну.

Но даже на самого Вендэля ее песни не производили более сильного и чарующего впечатления, чем на Джоэ Лэдля, хотя это выходило довольно своеобразно. Решительно отказываясь смущать гармонию, приняв какое бы то ни было участие в служении ей и выказывая величайшее презрение к гаммам и вообще к другим подобным же основным музыкальным упражнениям — которые, действительно, редко прельщают простых слушателей — Джоэ сперва принимал все предприятие за неудачную шутку и всех исполнителей считал компанией воющих дервишей. Но, усмотрев однажды следы ненарушаемой гармонии в одной

части хора, он подал своим двум помощникам по надзору за погребами слабую надежду, что с течением времени придет кое к чему. Один антифон Генделя привел к дальнейшему поощрению с его стороны, хотя он и заметил, что такой великий музыкант должен был пробыть подольше в каком-нибудь из их иностранных погребов, чтобы выходить и повторять по стольку раз одну и ту же его вещь, на которую, как вы там ни смотрите, а он будет все же смотреть по своему. В третий раз публичное появление м-ра Джэрвиса с флейтой и какого-то чудного субъекта со скрипкой и исполнение ими обоими дуэта так поразили его, что он, повинуясь исключительно своему собственному побуждению и воле, вдохновился словами «Анн Кор!», которые он повторял, произнося их так, как будто фамильярно взывал к какой-то даме, отличившейся в оркестре. Но это было его последним одобрением заслуг сотоварищей, так как за этим инструментальным дуэтом, исполненным в первую же среду, немедленно последовало пение Маргариты Обенрейцер, во время которого он сидел разинув рот и вне себя от восторга, пока она не кончила. Тут он поднялся со своего места с большой торжественностью и, предпослав своей речи предисловие в виде поклона, обращенного,

главным образом, к м-ру Уайльдингу, выразил свое чувство полнейшего удовлетворения такими словами: «После этого вы все можете идти спать!» И впоследствии он всегда отказывался воздать должное музыкальным дарованиям общества в каких-нибудь других выражениях.

Так началось особенное личное знакомство между Маргаритой Обенрейцер и Джоэ Лэдлем. Она так от души засмеялась на его комплимент и все же так была смущена им, что Джоэ возымел смелость заговорить с ней по окончании концерта и выразил надежду, что у него уж не настолько спуталось все в голове, что он позволил себе какую-нибудь вольность? Она мило ответила ему, и Джоэ отвесил ей на это поклон.

— Вы измените счастье, мисс, — сказал Джоэ, снова отвесив поклон, — такие, как вы, могут принести с собой повсюду счастье.

— Я могу? Принести повсюду счастье? — спросила она на своем милом английском языке с милым удивлением. — Я боюсь, что не понимаю. Я так непонятлива.

— Молодой мастер Уайльдинг, мисс, — объяснил по секрету Джоэ, хотя и не очень помог ей уразуметь его слова, — изменил счастье, прежде чем принять в компанию молодого мастера

Джорджа. Так я говорю, так это и будет, они увидят. Господи! Только приходите сюда и спойте несколько раз на счастье, мисс, и оно не будет в состоянии сопротивляться!

С этими словами Джоэ вышел задом, отвесив целую кучу поклонов. Но так как Джоэ был привилегированным лицом, а кроме того юности и красоте приятна даже невольная победа, то Маргарита в следующий раз уже весело искала его.

— Где же мой м-р Джоэ, пожалуйста? — спросила она у Вендэля.

Таким образом Джоэ был представлен и обменялся с ней рукопожатием, и это вошло в обычай.

Другой обычай возник таким образом. Джоэ был немного глуховат. Он сам говорил, что это от «испарений» и, может быть, это так и было; но какова бы ни была причина, следствие все же существовало. В первый же концерт все заметили, что он пробирался бочком вдоль стены, приложив левую руку к уху, покуда не сел на стул как раз около певицы, повернувшись к ней боком; в таком положении и на этом месте он пребывал до тех самых пор, когда обратился к своим друзьям-любителям с приведенным выше комплиментом. В следующую среду было обра-

щено внимание, что поведение Джоэ во время обеда, как плевательной машины, было не совсем обыкновенным, и за столом распространился слух, что это объясняется тем в высшей степени напряженным состоянием Джоэ, в котором он находится, ожидая пения мисс Обенрейцер и боясь не получить места, где он мог бы слышать каждую ноту и каждый слог. Этот слух дошел до ушей Уайльдинга и тот по своей доброте позвал вечером Джоэ в первый ряд перед тем, как начала петь Маргарита. Таким образом вошел в употребление обычай, что во все последующие вечера Маргарита прежде, чем начать петь, всегда говорила Вендэлю, положив руки на клавиши: «Где же мой м-р Джоэ, пожалуйста?» — и Вендэль всегда выводил его и ставил около нее. Что он тогда под обращенными на него взглядами всех присутствующих выражал на своей физиономии величайшее презрение к усилиям своих друзей и доверял только одной Маргарите, которую он все время стоял и созерцал подобно приученному носорогу, из детской азбуки, стоящему на задних ногах, — это тоже вошло в обычай. Точно также вошло в обычай и то, что какой-нибудь остряк говорил из задних рядов, когда он был после пения в полнейшем исступлении: «Что ты об этом

думаешь, Джоэ?» — на что он изрекал с таким видом, точно ему только что сейчас пришел в голову ответ: «После этого вы все можете идти спать!» Все это тоже вошло в обычай.

Но простым развлечениям и скромным шуткам Угла Увечных не суждено было долго существовать. За ними с самого же начала стояла серьезная вещь, о которой знали все члены патриархального семейства, но про которую все избегали говорить по общему молчаливому соглашению. Здоровье м-ра Уайльдинга было в плохом состоянии.

Он мог бы перенести удар, обрушившийся на него в его единственной и сильнейшей привязанности в жизни, он мог бы перенести сознание, что он владеет собственностью другого, но все это вместе было слишком тяжело для него. Он чувствовал себя глубоко подавленным, как человек, преследуемый привидениями. Неразлучные видения сидели вместе с них за столом, ели из его тарелки, пили из его стакана и стояли ночью у его изголовья. Когда он вспоминал о любви той, кого он принимал за свою мать, он чувствовал, как будто обокрал ее. Когда он немного приободрялся под влиянием уважения и привязанности со стороны своих подчиненных, он чувство-

вал, как будто он даже мошенничал, делая их счастливыми, так как это было обязанностью и наслаждением того неизвестного человека.

Постепенно под гнетом упорно сосредоточенных на одном и том же мыслей его тело согнулось, походка утратила свою эластичность, глаза редко стали подниматься от земли. Он знал, что не мог предотвратить прискорбной ошибки, которая произошла, но он также знал, что не в силах исправить ее: проходили дни и недели, и никто не претендовал на его имя, ни на его имущество. А затем на него начало находить помрачение сознания и часто повторялось расстройство умственных способностей. Он иногда проводил в каком-то странном забытье целые часы, иногда целые дни и ночи. Однажды ему изменила память, когда он сидел во главе обеденного стола, и не возвращалась к нему до рассвета. Другой раз она изменила ему, когда он отбивал такт во время пения, и вернулась к нему снова, когда он прогуливался поздно ночью по двору при лунном свете вместе со своим компаньоном. Он спросил Вендэля (всегда полного предупредительности, заботы и помощи), как это произошло? Вэндель ответил только: «Вы были не вполне здоровы, вот и все». Он искал объяснения в лицах своих

подчиненных. Но они отделывались словами: «Рад видеть, что вы выглядите гораздо лучше, сэр», или «Надеюсь, вы чувствуете себя теперь хорошо, сэр», в которых совершенно не было никакого указания.

Наконец, когда компаньонство насчитывало за собой только пять месяцев существования, Вальтер Уайльдинг слег в постель, и его экономка стала его сиделкой.

— Пока я лежу здесь, вы, быть можете, ничего не будете иметь против того, если я буду называть вас Салли, м-с Гольдстроо? — спросил бедный виноторговец.

— Это имя звучит для меня более естественно, сэр, чем всякое другое, и оно мне больше нравится.

— Благодарю вас, Салли. Мне думается, Салли, что за последнее время у меня должны были случаться припадки. Не так ли, Салли? Не бойтесь теперь сказать мне это.

— Это случалось, сэр.

— А! Вот в чем дело! — спокойно заметил он. — М-р Обенрейцер, Салли, говорит, что так как мир мал, то нет ничего странного, что одни и те же люди очень часто сходятся и сходятся в разных местах и в разные периоды жизни. Но кажется

странным, Салли, что я вернулся в Воспитательный Дом, чтобы умереть, неправда ли?

Он протянул свою руку и она ласково взяла ее.

— Вы, ведь, не умираете, дорогой м-р Уайльдинг.

— Так говорил м-р Бинтрей, но я думаю, что он ошибся. Прежние детские чувства возвращаются ко мне, Салли. Прежние тишина и покой, с которыми я обыкновенно засыпал.

После некоторого промежутка он сказал тихим голосом: «Поцелуй, пожалуйста, меня, няня», и было очевидно, что ему показалось, будто он лежит в прежнем дортуаре.

Привыкнув склоняться над детьми без отцов и матерей, Сами склонилась над этим человеком без отца и матери и прикоснулась к его лбу, прошептав:

— Господь с вами!

— Господь с вами! — ответил он тем же тоном.

Через другой промежуток времени он открыл глаза, уже придя в себя, и сказал:

— Не прерывайте меня, Салли, когда я что-то сейчас скажу; я лежу очень удобно. Мне кажется, что настало мое время. Я не знаю, как это вам, Салли, может показаться, но…

На несколько минут он лишился чувств, но

потом он снова пришел в себя.

— Я не знаю, как это может показаться вам, Салли, но так это кажется мне.

Когда он добросовестно закончил свое любимое выражение, пробил его час, и он умер.

ДЕЙСТВИЕ II

Вендэль ухаживает

Лето и осень прошли. Приближалось Рождество и Новый Год.

В качестве душеприказчиков, честно расположенных выполнить свой долг по отношению к умершему, Вендэль и Бинтрей имели не одно озабоченное совещание по поводу последней воли Уайльдинга. Юрист с самого же начала объявил, что в этом деле прямо невозможно предпринять что-нибудь целесообразное. Те единственные открытые розыски, которые можно было бы предпринять с целью найти потерянного человека, уже были произведены самим Уайльдингом с тем результатом, что время и смерть не оставили никакого следа для поисков. Чтобы печатать объявления и вызывать посредством их претендентов на имущество, необходимо было сообщить обо всем подробно — а действовать так, значило бы поднять на ноги половину мошенников Англии, которые заявились бы с претензиями, что они, именно, и являются настоящими Вальтерами Уайльдингами. «Если нам удастся найти след потерянного человека, то мы воспользуемся представившимся случаем. Если нам не удастся

это сделать, то соберемся на другое совещание в первую годовщину смерти Уайльдинга». Так советовал Бинтрей. Так и принужден был поступить Вендэль в данный момент, несмотря на самое ревностное желание выполнить волю своего друга.

Обращаясь от того, что интересовало его в прошедшем, к своим интересам в будущем, Вендэль все еще чувствовал, что перед ним открываются туманные перспективы. Проходил месяц за месяцем со времени его первого визита в Сого-сквэр — и за все это время он говорил Маргарите, что любит ее, только на одном языке — на языке взглядов, который иногда сопровождался при удобном случае языком рукопожатий.

Но что же ему мешало? То единственное неустранимое препятствие, которое было с самого же начала на его пути. Как бы благоприятно ни складывались обстоятельства, все усилия Вендэля поговорить с Маргаритой наедине неизменно заканчивались одним и тем же. Под самыми случайными предлогами, по возможности самым невинным образом Обенрейцер всегда вставал у него на пути.

В последние дни старого года Вендэлю представился неожиданный случай провести с

Маргаритой вечер, случай, которым Вендэль решил воспользоваться, чтобы найти возможность переговорить с ней с глазу на глаз. Обенрейцер приглашал его сердечной запиской в Сого-сквэр отобедать с ними в небольшой компании в день Нового Года. «Мы будем только вчетвером», — гласила записка. «Мы будем только вдвоем еще до конца вечера!» — решил Вендэль.

Среди англичан день Нового Года знаменуется только приглашениями на обед и больше ничем. У иностранцев же день этот представляет наиболее удобный случай в году, чтобы поднести и принять подарок. Иногда можно перенять чужой обычай. В этом случае Вендэль, нимало не колеблясь, попытался это сделать. Он затруднялся только решить, какой надо сделать новогодний подарок Маргарите. Ревнивая гордость дочери крестьянина — болезненно чувствительной к неравенству их социального положения — втайне восстала бы против него, если бы он решился сделать богатый подарок. Единственным подарком, которому можно было доверить надежду снискать путь к ее сердцу, был подарок, который мог сделать и бедный человек. Стойко поборов искушение в виде бриллиантов и рубинов, Вендэль купил филигранную брошь

генуэзской работы — самое простое и скромное украшение, какое он только мог найти в ювелирном магазине.

Он незаметно вложил свой подарок в руку Маргариты, которую она протянула ему в знак приветствия, когда он пришел к ним в день обеда.

— Вы впервые встречаете день Нового Года в Англии, — сказал он. — Позвольте мне помочь вам сделать его похожим на день Нового Года у вас на родине.

Она поблагодарила его немного принужденно, взглянув на футляр и не зная, что может в нем заключаться. Открыв его и увидев тот простой вид, под которым Вендэль сознательно сделал ей свой маленький подарок в знак памяти, она сразу же поняла те причины, под влиянием которых он действовал. Она повернула к нему свое лицо с ласковым взглядом, который говорил: «Должна сознаться, что вы угодили и польстили мне». Никогда она не была так очаровательна в глазах Вендэля, как в этот момент.

Ее зимнее платье — темная шелковая юбка с черным бархатным корсажем, доходящим до шеи и мягко окружающим ее опушкой из лебяжьего пуха — увеличивало, благодаря контрасту, осле-

пительную белизну ее лица и красоту ее волос. И только, когда она отвернулась от него к зеркалу и, сняв брошь, которая была на ней, приколола его новогодний подарок, Вендэль отвел от нее свой взор и сделал открытие, что в комнате есть еще другие лица, кроме Маргариты. Он только теперь сообразил, — что руки Обенрейцера нежно завладели его локтями. Он только теперь услышал слова Обенрейцера, благодарившего его за внимание к Маргарите с чуть заметной насмешкой в голосе. («Такой простой подарок, дорогой сэр, и сколько им выказано тонкого такта!»). Он только теперь заметил впервые, что в комнате был еще один гость, кроме него, и единственный при этом, которого Обенрейцер представил ему, как соотечественника и друга. У друга было лоснящееся лицо, друг был достаточно плотной комплекции. По-видимому он был в осеннем периоде человеческой жизни. В течение вечера он обнаружил две необыкновенные способности: способность молчать и способность опорожнять бутылки.

Мадам Дор не было в комнате. Когда они сели за стол, то не было заметно, чтобы для нее предназначалось где-нибудь место. Обенрейцер объяснил, что «у доброй Дор есть простая привычка обедать всегда в полдень. Позднее вечером она

принесет свои извинения». Вендэль удивился, неужели по этому случаю добрая Дор переменила свои домашние обязанности и перешла от чистки перчаток Обенрейцера к приготовлению ему обеда? Последнее было во всяком случае верно: все до одного поданные блюда были прямо произведениями кулинарного искусства, которое оставило далеко за собой грубую и элементарную английскую кухню. Обед был положительно превосходен. Что же касается вин, то бессловесный друг только поводил глазами в торжественном восторге. Иногда он говорил: «славно», когда приносилась полная бутылка; иногда вздыхал: «ох», когда убирали пустую бутылку; вот все, что он вносил в веселье вечера.

Молчание иногда бывает заразительно. Занятые своими личными заботами Маргарита и Вендэль, казалось, чувствовали на себе влияние бессловесного друга. Вся ответственность за поддержание разговора легла на плечи Обенрейцера, и он мужественно выдерживал ее. В качестве просвещенного иностранца он раскрыл свое сердце и стал воспевать хвалебные гимны Англии. Когда исчерпывались другие темы для разговора, то он возвращался к этому неистощимому источнику и снова изливал столь же обильный поток слов,

как и раньше. Обенрейцер отдал бы руку, глаз или ногу за то, чтобы родиться англичанином. Вне Англии нет ничего того, что соответствовало бы английскому «home», нет ничего подобного уголку у камина, нет такого существа, как красивая женщина. Его дорогая мисс Маргарита не отнесется к нему строго, если он объяснит ее привлекательность тем предположением, что вероятно некогда к их темному и неизвестному роду была примешана английская кровь. Взгляните на этих англичан и посмотрите, что это за рослый, ловкий, плотный и сильный народ! Взгляните на их города! Какое великолепие в их общественных зданиях! Какой удивительный порядок и чистота на их улицах! Подивитесь на их законы, соединившие принцип вечной справедливости с другим вечным принципом фунтов, шиллингов и пенсов! А применение этого принципа ко всем гражданским правонарушениям, начиная от нанесения оскорбления чести человека и кончая нанесением повреждения его носу! Вы обесчестили мою дочь — фунты, шиллинги, пенсы! Вы сбили меня с ног, дав мне по физиономии — фунты, шиллинги, пенсы! Где же остановится материальное благополучие такой страны? Обенрейцер, мысленно предугадывая

будущее, был не в силах увидать конец этому благополучию. Обенрейцер просил разрешения выразить свой энтузиазм, по английскому обычаю, тостом. Вот окончен наш скромный маленький обед, вот на столе наш скудный десерт и вот поклонник Англии говорит речь, подчиняясь национальным обычаям! Пью за белые утесы Альбиона, м-р Вендэль, за ваши национальные добродетели, за ваш восхитительный климат и за ваших обворожительных женщин! За ваши очаги, за ваш домашний уют, за ваш habeas corpus и за все ваши другие установления! Одним словом — за Англию. Гип-гип-гип! Ура!

Едва замолкла последняя нота здравицы, произнесенной Обенрейцером в честь Англии, едва бессловесный друг успел осушить до дна свой стакан, как веселое пиршество было нарушено скромным стуком в дверь. Вошла служанка и направилась к хозяину, неся в руках маленькую записку. Нахмурив брови, Обенрейцер вскрыл записку. Прочтя ее с выражением неподдельной досады, он передал письмо своему соотечественнику и другу. Вендэль воспрянул духом, следя за всем этим. Не нашел ли он союзника в этой маленькой досадной записке? Не наступал ли, наконец, долгожданный им случай?

— Боюсь, что от этого не отделаешься, — сказал Обенрейцер, обращаясь к своему приятелю-земляку. — Я боюсь, что нам придется пойти.

Бессловесный друг отдал назад письмо, пожал своими тучными плечами и влил в себя последний стакан вина. Его толстые пальцы нежно покоились на горлышке бутылки. При расставании он сжал ее легким объятием любителя. Его выпученные глаза смотрели на Вендэля и Маргариту тускло, как будто через дымку тумана. Он с трудом справился со словами и вдруг сразу разродился такой фразой:

— Мне кажется, — произнес он, — я не отказался бы выпить еще винца.

У него захватило дыхание после такого усилия; он раскрыл рот, чтобы перевести дух и пошел к двери.

Обенрейцер обратился к Вендэлю с выражением глубочайшей скорби.

— Я так потрясен, так смущен, так огорчен, — начал он. — С одним из моих соотечественников случилось несчастье. Он одинок, он не знает вашего языка, и у нас, у меня и у моего доброго друга, здесь присутствующего, нет никакого иного выхода, как только идти и помочь ему. Что я могу сказать в свое извинение? Как я могу описать свое

огорчение, что мне таким образом приходится лишиться чести быть в вашем обществе?

Он сделал паузу, очевидно, ожидая, что Вендэль возьмет шляпу и откланяется. Увидев, что ему, наконец, представляется удобный случай, Вендэль решил не предпринимать ничего подобного. Он ловко встретил Обенрейцера его же собственным оружием.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, — сказал он. — Я с величайшим удовольствием подожду здесь, пока вы не вернетесь.

Маргарита сильно покраснела и отвернулась к своим пяльцам, стоящим в углу у окна. Глаза Обенрейцера заволоклись пеленой и на губах его появилась довольно кислая улыбка. Сказать Вендэлю, что нет никакой разумной причины ожидать, что он вернется вскоре, значило бы рисковать обидеть человека, благосклонное мнение которого было для него очень важно в коммерческом мире. Приняв свое поражение с наивозможной любезностью, он объявил, что равным образом почтен и восхищен предложением Вейдэля. «Так откровенно, так дружески, так по-английски!» Он засуетился, очевидно, отыскивая что-то нужное, на минуту скрылся за створчатыми дверями, ведущими в соседнюю

комнату, снова вернулся, неся шляпу и пальто, обнял Вейдэля за локти, торжественно объявив, что вернется возможно раньше и исчез со сцены в сопровождении своего бессловесного друга.

Вендэль повернулся к углу у окна, где села с работой Маргарита. Но там, как будто свалившись с потолка или поднявшись из-под пола, сидело в прежней позе, лицом к печке препятствие в лице мадам Дор. Она слегка приподнялась, слегка взглянула через свое широкое плечо на Вендэля и снова грузно шлепнулась в кресло. Была у ней работа? Да. Чистка перчаток Обенрейцера, как и раньше? Нет, штопанье его носков.

Это открытие могло прямо привести в отчаяние. У Вендэля мелькнули две серьезных мысли. Нельзя ли засунуть мадам Дор в печь? Печь не вместила бы ее. Нельзя ли считать мадам Дор не за живую женщину, но за мебель? Нельзя ли бы было так настроить себя, чтобы принимать эту почтенную матрону просто за комод, на котором случайно оставлена черная газовая наколка? Да, так себя можно было настроить. Сравнительно легким усилием Вендэль так и настроил себя. Когда он занял место на старомодном стуле у окна очень близко от Маргариты и ее пялец, комод сделал легкое движение, но из него никакого

замечания не последовало. Нужно запомнить, что тяжелую мебель трудно сдвинуть и следовательно у ней есть то преимущество, что можно не бояться опрокинуть ее.

Необыкновенно молчаливая и растерянная, с ярким румянцем, который то исчезал, то появлялся на ее щеках, с лихорадочной энергией, овладевшей ее пальцами, хорошенькая Маргарита наклонилась над своим вышиваньем и работала, как будто бы от этого зависела ее жизнь. Вендэль, едва ли менее ее взволнованный, чувствовал, как важно ее повести с величайшей осторожностью к тому признанию, которое он жаждал сделать, — и еще к другому сладчайшему признанию, которое он страстно желал услышать. Любовь женщины никогда нельзя взять приступом; она уступает незаметно лишь при системе постепенных подходов. Она отказывается идти только окольными путями и прислушивается только к шепоту. Вендэль стал напоминать ей об их прошлых встречах, когда они вместе путешествовали по Швейцарии. Они переживали былые впечатления, припоминали те или иные происшествия счастливого минувшего времени. Постепенно смущение Маргариты улеглось. Она улыбалась, она заинтересовалась, она поднимала

взор на Вендэля, ее игла двигалась ленивее, она стала делать неверные стежки в своей работе. Их голоса все понижались и понижались; их лица склонялись все ближе и ближе друг к другу во время их разговора. А что же мадам Дор? Мадам Дор держала себя, как ангел. Она ни разу не оглядывалась, она ни разу не произнесла ни одного слова; она продолжала штопать носки Обенрейцера. Туго натягивая каждый носок на свою левую руку, она время от времени подымала ее на воздух, чтобы осветить свою работу, и были несравненные неописуемые моменты, когда казалось, что мадам Дор сидит вверх ногами, созерцая одну из своих собственных почтенных ног, поднятых вверх. С течением времени эти вздымания стали следовать друг за другом все через большие и большие промежутки. Иногда черная газовая наколка начинала склоняться, быстро опускалась и снова приходила в прежнее положение. Небольшая охапка носков медленно сползла с колен мадам Дор и осталась лежать незамеченной на полу. За носками последовал грандиозный клубок шерсти и лениво покатился под стол. Черная газовая наколка склонилась, опять опустилась вперед, снова поднялась, еще раз склонилась, снова опустилась и уж больше не

поднималась. Сложный звук, отчасти похожий на мурлыканье громадной кошки, отчасти на строгание мягкой доски, заглушил притихшие голоса влюбленных и загудел по всей комнате через правильные промежутки времени. Природа и мадам Дор соединились вместе в интересах Вендэля. Лучшая из женщин уснула.

Маргарита встала, чтобы остановить — не храпение — но, позволим себе сказать, чересчур шумное отдохновение мадам Дор. Вендэль положил свою руку на ее ручку и ласково заставил ее сесть снова в кресло.

— Не тревожьте ее, — прошептал он. — Я все ожидал, когда можно сказать вам один секрет. Позвольте мне сказать его сейчас.

Маргарита снова заняла свое место. Она попыталась снова заняться своей иголкой. Это ни к чему не привело: ее глаза изменяли ей; ее рука изменяла ей; она не могла ничего найти.

— Мы беседовали, — сказал Вендэль, — о том счастливом времени, когда мы встретились впервые и впервые путешествовали вместе. Я хочу вам признаться, что я скрыл от вас кое что. Когда мы говорили о моем первом посещении Швейцарии, то я рассказал вам обо всех тех впечатлениях, которые я увез с собой в Англию,

кроме только одного. Не сможете ли вы отгадать, какого именно?

Ее глаза упорно рассматривали вышивание, и она слегка отвернулась от Вендэля. Ее красивый бархатный корсаж стал вздымается под брошкой, и поэтому можно было догадаться, что Маргарита взволнована. Она не отвечала. Вендэль беспомощно настаивал на своем вопросе.

— Можете вы угадать, о каком швейцарском впечатлении я еще вам не рассказывал?

Она повернулась к нему лицом, и слабая улыбка задрожала на ее губах.

— Быть может, какое-нибудь впечатление, произведенное на вас горами? — сказала она лукаво.

— Нет, гораздо более драгоценное впечатление, чем это.

— Озерами?

— Нет. Озера не становятся для меня все более дорогими и дорогими воспоминаниями с каждым днем. Озера не связаны с моим счастьем в настоящем и с моими надеждами на будущее. Маргарита! Все, что делает жизнь ценным, зависит для меня от одного слова из ваших уст. Маргарита! Я люблю вас!

Она поникла головой, когда он взял ее за руку. Он притянул ее к себе и взглянул на нее. Слезы

показались на ее потупленных глазах и медленно покатились по щекам.

— О, м-р Вендэль! — сказала она с горечью, — было бы гораздо любезнее с вашей стороны хранить ваш секрет про себя. Неужели вы забыли то расстояние, которое существует между нами. Этого никогда, никогда не может быть!

— Между нами, Маргарита, может быть только одно расстояние — то, которое вы установите сами. Моя любовь, моя дорогая, нет ничего выше вашей доброты, нет ничего выше вашей красоты! Ну же, шепните мне одно словечко, которое скажет, что вы станете моей женой.

Она горько вздохнула.

— Подумайте о своей семье, — прошептала она, — и о моей.

Вендэль еще ближе притянул ее к себе.

— Если вы будете настаивать на таком препятствии, — сказал он, — то я подумаю только одно: я подумаю, что оскорбил вас.

Она вздрогнула и подняла на него свой взор.

— О, нет! — простодушно воскликнула она.

В то мгновение, когда с ее губ сорвались эти слова, она спохватилась и сообразила, какой смысл можно придать им. Признание вырвалось у ней вопреки ее воле. Восхитительный румянец залил

ее лицо. Она сделала мгновенное усилие, чтобы освободиться из объятий своего возлюбленного. Она с мольбой смотрела на него. Она пыталась заговорить. Слова замерли на ее губах под поцелуем, который Вендэль запечатлел на них.

— Пустите меня, м-р Вендэль, — сказала она слабо.

— Зовите меня Джордж.

Она опустила голову ему на грудь. Все ее сердце стремилось к нему.

— Джордж! — прошептала она.

— Скажите, что вы меня любите.

Ее руки сами нежно обвились вокруг его шеи. Ее губы робко коснулись его щеки и прошептали прелестные слова: «Я вас люблю».

Но в тот момент молчания, который наступил вслед за этими словами, до их слуха ясно долетел, благодаря зимней тишине на улицах, звук открываемой входной двери.

Маргарита вскочила на ноги.

— Пустите меня, — сказала она. — Он вернулся домой.

Она поспешно выбежала из комнаты и, по пути, коснулась плеча мадам Дор. Мадам Дор проснулась с громким зевком, посмотрела сперва через одно плечо, потом через другое, взглянула вниз

себе на колени и не нашла ни носков, ни шерсти, ни штопальной иглы. В этот самый момент стали слышны шаги, поднимавшиеся по лестнице.

— Mon Dieu! — произнесла мадам Дор, обращаясь к печке и очень сильно дрожа. Вендэль подобрал с полу носки и клубок и бросил ей через плечо на колени всю эту охапку.

— Mon Dieu! — произнесла мадам Дор вторично, когда лавина шерсти обрушилась в ее вместительное лоно.

Дверь отворилась, и вошел Обенрейцер. Взглянув сейчас же вокруг себя, он сразу заметил, что Маргариты не было в комнате.

— Как! — воскликнул он, — моей племянницы нет? Моей племянницы не было здесь, чтобы занимать вас в моем отсутствии? Это непростительно. Я сейчас же приведу ее назад.

Вендэль остановил его.

— Я прошу, чтобы вы не беспокоили мисс Обенрейцер, — сказал он. — Вы вернулись, как я вижу, без вашего друга?

— Мой друг остался утешать нашего соотечественника. Душу раздирающая сцена, м-р Вендэль! Вся домашняя утварь у закладчика, семья в слезах. Мы все обнялись молча. Мой замечательный друг один был хладнокровен.

Немедленно он послал за бутылкой вина.

— Могу ли я переговорить с вами наедине, м-р Обенрейцер?

— Конечно. — Он повернулся к мадам Дор. — Мое дорогое созданье, вам необходимо отдохнуть, вы едва не падаете от усталости. М-р Вендэль извинит вас.

Мадам Дор поднялась и отправилась боком в свое путешествие от печки до кровати. Она обронила носок. Вендэль подобрал его за нее и открыл одну половину дверей. Она сделала шаг вперед и уронила еще три носка. Вендэль наклонился, чтобы снова поднять их, но Обенрейцер помешал ему, рассыпавшись в извинениях и бросив грозный взгляд на мадам Дор. Мадам Дор реагировала на взгляд тем, что уронила всю кучу носков и затем окончательно растерялась в паническом страхе перед таким несчастьем. Обенрейцер свирепо схватил всю эту кучу обеими руками. «Идите!»- закричал он, замахнувшись своей грандиозной ношей. Мадам Дор произнесла: «Mon Dieu!» — и исчезла в соседней комнате, сопровождаемая градом носков.

— Что должны вы подумать, м-р Вендэль, — сказал Обенрейцер, закрывая дверь, — о подобном прискорбном посвящении вас в домашние неуря-

дицы! Что касается меня, то я сгораю от стыда. Мы начали Новый Год до невозможности скверно, сегодня все неудачи. Пожалуйста, садитесь и скажите, что я могу вам предложить. Не воздадим ли мы должную честь другому вашему благородному английскому институту? Я должен постараться быть тем, что вы называете, весельчаком. Я предлагаю грог.

Вендэль отклонил грог со всем необходимым уважением к этому благородному институту.

— Я хотел бы переговорить с вами по поводу одного вопроса, в котором я чрезвычайно заинтересован, — сказал он. — Вы должны были, м-р Обенрейцер, заметить, что я с самого начала стал не совсем обычно восхищаться вашей прелестной племянницей.

— Вы очень добры. Я благодарю вас от имени своей племянницы.

— Быть может, вы могли с течением времени заметить, что мое восхищение мисс Обенрейцер выросло в другое более нежное и глубокое чувство?..

— Мы скажем в дружбу, м-р Вендэль?

— Скажите в любовь — и мы будем ближе к истине.

Обенрейцер вскочил со своего кресла. Едва

различимое движение внезапно обозначилось у него на щеках.

— Вы опекун мисс Обенрейцер, — продолжал Вендэль. — Я прошу вас оказать мне величайшую честь — я прошу вас выдать ее за меня замуж.

Обенрейцер опять бросился в кресло.

— М-р Вендэль, — произнес он, — бы совершенно меня поразили.

— Я подожду, — заметил Вендэль, — пока вы придете в себя.

— Одно слово прежде, чем я приду в себя. Вы ничего об этом не говорили моей племяннице?

— Я вполне открылся вашей племяннице. И я имею основания надеяться…

— Что! — перебил его Обенрейцер. — Вы сделали предложение моей племяннице, не спросив сперва моего разрешения ухаживать за ней? — Он ударил рукой по столу и впервые с тех пор, как Вендэль познакомился с ним, потерял свое самообладание. — Сэр! — воскликнул он с негодованием, — как назвать такой образ действий? Как честный человек, говорящий с честным же человеком, скажите, чем вы можете оправдать свое поведение?

— Я могу оправдать его только тем, что это один из обычаев, принятых у англичан, — сказал

спокойно Вендэль. — Вы же сами восхищаетесь нашими английскими обычаями. Я не могу по чести сказать вам, м-р Обенрейцер, что я сожалею о своем поступке. Я могу только заверить вас, что я действовал так без всякого желания оказать вам умышленно неуважение. Передав вам все это, могу ли я теперь просить вас сообщить мне чистосердечно, какое вы встречаете препятствие, чтобы принять мое предложение?

— Я встречаю громадное препятствие в том, — отвечал Обенрейцер, — что моя племянница и вы не одинакового социального положения. Моя племянница — дочь бедного крестьянина, вы же сын джентльмена. Вы оказываете нам честь, — добавил он, снова спускаясь постепенно до своего обычного вежливого уровня в обращении, — которая заслуживает нашей величайшей признательности и мы вам чрезвычайно благодарны. Но неравенство слишком очевидно; жертва слишком велика. Вы, англичане — гордый народ, м-р Вендэль. Я довольно внимательно изучал вашу страну и знаю, что такой брак, как вы предлагаете, произведет здесь скандал. Никто не протянет руки вашей крестьянке жене, и все ваши лучшие друзья вас покинут.

— Одну минуту! — сказал Вендэль, в свою

очередь перебивая его. — Я могу считать, без большого высокомерия, что знаю лучше вас свой родной народ вообще и своих друзей в частности. Во мнении каждого, чье мнение может быть ценно, моя жена будет сама вполне достаточным оправданием этого брака. Если бы я не чувствовал уверенности — заметьте, я говорю — уверенности — в том, что я предлагаю ей положение, которое она может принять без малейшей тени унижения, то я никогда бы (как бы мне это ни было тяжело) не просил ее быть моей женой. Быть может, вы предвидите еще другое возражение? Быть может, вы имеете что-нибудь против меня?

Обенрейцер протянул вперед обе руки в виде вежливого протеста.

— Против вас лично? — воскликнул он — Дорогой сэр, уже один этот вопрос горестен для меня.

— Мы оба деловые люди, — продолжал Вендэль, — и вы, конечно, ждете от меня, чтобы я сообщил о тех средствах, которыми я располагаю, чтобы содержать жену. Я могу выяснить свое финансовое положение в двух словах. Я унаследовал от своих родителей состояние в двадцать тысяч фунтов. С половины этой суммы я получаю только пожизненные проценты, которые перейдут к моей вдове, если я умру женатым. Если я

умру, оставив после себя детей, то эти деньги будут разделены между ними, когда они станут совершеннолетними. Другая половина моего состояния находится в полном моем распоряжении и помещена в торговлю вином. Я вижу возможность очень значительно улучшить это дело. При настоящем положении вещей, я не могу получать дохода со своего капитала, помещенного в деле, больше тысячи двухсот фунтов в год. Прибавьте еще сюда ежемесячную сумму процентов, получаемых мною пожизненно, и итог достигнет наличного дохода в тысячу пятьсот фунтов в год. У меня имеются вполне верные виды увеличить его еще более в самом непродолжительном времени. Итак, имеете ли вы какое-нибудь возражение по поводу моего финансового положения?

Вытесненный из своего последнего ретраншемента, Обенрейцер поднялся и прошелся взад и вперед по комнате. В данный момент он положительно терялся, что ему сказать и сделать.

— Прежде чем ответить на этот последний вопрос, — сказал он после небольшого размышления, — я прошу позволенья удалиться на момент к мисс Маргарите. Вы только что упомянули, кажется, о том, что, по-видимому, она разделяет то чувство, которое вы соблаговолили выразить ей?

— Я имел неоцененное счастье узнать, — сказал Вендэль, — что она любит меня.

Обенрейцер молча остановился на минуту; его глаза заволокла пелена, и снова слабо различимое изменение сделалось заметно на его щеках.

— Если вы извините меня, что я оставлю вас на несколько мнут, — сказал он с церемонной вежливостью, — то я желал бы иметь возможность переговорить с своей племянницей. — С этими словами он следил поклон и вышел из комнаты.

Мысли Вендэля, предоставленного самому себе, инстинктивно обратились к размышлению о настроении мыслей Обенрейцера (что было неизбежным следствием столь далеко зашедшего разговора). Он ставил препятствия его ухаживанию; он ставит теперь препятствия его браку — браку, сулящему ему выгоды, которые Вендэль не мог не видеть, даже несмотря на свое простодушие. При таком положении вещей, поведение Обенрейцера было необъяснимо. Что же это могло значить?

Стараясь проникнуть в корень ответа на подобный вопрос и вспомнив, что Обенрейцер был приблизительно одного с ним возраста, а также, что Маргарита была, собственно говоря, только дочерью его единоутробного брата, Вендэль задал

себе вопрос, с поспешной ревностью влюбленного, не следует ли ему столько же опасаться соперника, сколько и уговаривать опекуна? Но эта мысль лишь промелькнула в его уме и только. Ощущение поцелуя Маргариты, все еще горевшего на его щеке, нежно напомнило ему, что даже минутная ревность была бы теперь изменой по отношению к ней.

По размышлении ему показалось наиболее вероятным, что какая-нибудь личная причина иного сорта могла служить истинным объяснением поведения Обенрейцера. Грация и красота Маргариты были драгоценными украшениями этого скромного дома. Они придавали ему особенную привлекательность в обществе и были особенно важны для общества. Благодаря им Обенрейцер мог иметь некоторое влияние, как бы про запас, на которое он всегда мог рассчитывать, чтобы сделать свой дом привлекательным и которое он был в состоянии всегда выдвинуть вперед в большей или меньшей степени, чтобы добиться успеха в своих личных целях. Был ли он таким человеком, чтобы отказаться от тех выгод, которые ему представлялись, не потребовав по возможности наиполнейшей компенсации за свою потерю? Связь с Вендэлем, благодаря этому

браку, предоставляла ему несомненно очень солидные преимущества. Но в Лондоне были сотни людей с несравненно большим влиянием, чем Вендэль. Разве не может быть, что честолюбие этого человека втайне простирается гораздо выше той блестящей перспективы, на которую он мог бы надеяться благодаря предполагаемому браку Вендэля с его племянницей? Когда Вендэль раздумывал над этим вопросом, появился сам Обенрейцер, чтобы ответить или не ответить на него, как это покажет будущее.

Можно было увидеть заметную перемену в лице Обенрейцера, когда он снова занял свое место. Его манеры были менее уверенными, и около его рта были ясные следы недавнего волнения, которое еще не вполне улеглось. Не сказал ли он чего-нибудь относительно Вендэля или себя самого, что задело Маргариту за живое и не столкнулся ли он впервые лицом к лицу с решительно выраженной волей своей племянницы? Это могло быть и не быть. Одно только было очевидно: он походил на человека, который встретил отпор.

— Я говорил со своей племянницей, — начал он. — Я нахожу, м-р Вендиль, что, даже несмотря на ваше влияние, она не настолько слепа, чтобы не видеть тех препятствий к принятию вашего

предложения, которые ей ставит общественное положение.

— Могу я спросить, — ответил Вендэль, — единственный ли это результат вашей беседы с мисс Обенрейцер?

Мгновенная вспышка молнии сверкнула сквозь пелену, заволакивавшую глаза Обенрейцера.

— Вы господин положения, — заметил он тоном язвительной покорности. — Если вы настаиваете, чтобы я согласился с этим, то я сделаю это в таких выражениях. Воля моей племянницы обыкновенно согласовалась с моей волей. Вы встали между нами, и ее воля сделалась теперь вашей. На моей родине мы признаем над собой победу и подчиняемся ей со всей покорностью. Я подчиняюсь со всей покорностью на известных условиях. Вернемтесь к рассмотрению вашего финансового положения. Я имею сделать вам, мой дорогой сэр, одно возражение — самое изумительное, самое смелое возражение, которое может сделать человек в моем положении человеку в вашем.

— Какое это возражение?

— Вы почтили меня, прося руки моей племянницы. В настоящее время я прошу позволения (с величайшей благодарностью и уважением) отклонить это предложение.

— Почему?

— Потому что вы не достаточно богаты.

Это возражение, как и предвидел Обенрейцер, совершенно поразило Вендэля. На мгновенье он лишился дара речи.

— Ваш доход равен тысяче пятистам фунтам в год, — продолжал Обенрейцер. — В моей несчастной стране я упал бы перед вашим доходом на колени и воскликнул бы: «Какое княжеское состояние!» В богатой Англии я сижу себе в кресле и говорю: «Скромное независимое положение, дорогой сэр, и ничего больше». Быть может, этого вполне достаточно для жены из вашего круга, которой не надо воевать из за общественных предрассудков. Но недостаточно больше, чем вдвое, для жены — иностранки низкого происхождения, против которой восстали все ваши общественные предрассудки. Сэр, если когда-нибудь моя племянница выйдет за вас, то ей сразу же придется взвалить на себя тяжелый труд, как вы его называете, чтобы занять свое место в обществе. Да, да, вы не так на это смотрите, но это останется, неизменно останется моей точкой зрения. Ради своей племянницы, я требую, чтобы этот тяжелый труд был бы облегчен ей, насколько возможно. Если ей могут помочь те или иные ма-

териальные преимущества, то они должны быть предоставлены ей по чистой справедливости. Теперь скажите мне, м-р Вендэль, может ли ваша жена иметь на ваши полторы тысячи фунтов в год дом в фешенебельном квартале, ливрейного лакея, который бы открывал ей дверь, дворецкого, который прислуживал бы за ее столом, карету и лошадей для выездов? Я читаю ответ на вашем лице, на котором написано: нет. Прекрасно. Скажите мне еще одну вещь, и наш разговор будет окончен. Если взять большую часть ваших образованных благовоспитанных и прелестных соотечественниц, то верен или нет тот факт, что леди, у которой есть дом в фешенебельном квартале, ливрейный лакей, который открывает ей двери, дворецкий и лошади для выездов, что эта леди с самого уже начала выигрывает в уважении женщин четыре шага вперед? Да или нет?

— Переходите прямо к делу, — сказал Вендэль. — Вы рассматриваете этот вопрос только с точки зрения выработки условий? Каковы же ваши условия?

— Наименьшие условия, дорогой сэр, — возможность обеспечить ваше жене эти четыре шага с самого уже начала. Удвойте ваш теперешний доход — в Англии на меньшие средства

невозможно сделать этого даже при самой строгой экономии. Вы только что сказали, что очень надеетесь увеличить прибыльность своего дела. Работайте и увеличьте eel В конце концов я добрый малый! В тот день, когда вы удовлетворите моим условиям, представив неоспоримые доказательства, что ваш доход поднялся до трех тысяч фунтов в год, просите у меня руки моей племянницы, и она ваша.

— Могу я спросить, упомянули ли вы об этом соглашении мисс Обенрейцер?

— Конечно. Она сохранила ко мне последнюю небольшую долю внимания, которое пока еще не всецело поглощено вами, м-р Вендэль; и она согласилась на мои условия. Другими словами, она подчиняется тому, чтобы ею руководило желание опекуном ей блага и лучшее, чем ее, знание опекуном света.

Он откинулся на спинку кресла, твердо уверенный в своей позиции и вполне владея своим замечательным характером.

Какая бы то ни было открытая защита своих интересов в том положении, в котором оказался теперь Вендэль, была по-видимому безнадежной (по крайней мере в данный момент). Он буквально чувствовал, что у него нет точки опоры

под ногами. Были ли возражения Обенрейцера чистосердечными результатами того, с какой точки зрения рассматривал он это дело или же он просто откладывал брак, надеясь в конце концов совершенно его расстроить, но в том и другом случае всякое сопротивление со стороны Вендэля было в данный момент одинаково бесполезно. Ничем нельзя было помочь и оставалось только согласиться, выдвинув по возможности со своей стороны наиболее выгодные для себя условия.

— Я протестую против тех условий, которые вы налагаете на меня, — начал он.

— Это вполне естественно, — сказал Обенрейцер. — Смею заявить, что я сам бы протестовал против них, будь я на вашем месте.

— Скажем, однако, — продолжал Вендэль, — что я принимаю ваши условия. В этом случае, вы должны разрешить мне выставить в свою очередь два условия. Прежде всего я ожидаю, что мне будет разрешено видеться с вашей племянницей.

— Ага! Видеться с моей племянницей и так ее настроить, чтобы она также торопилась вступить в брак, как и вы сами? Предположим, я отвечу «нет»! Вы быть может станете видеться с ней без моего разрешения?

— Безусловно!

— Как восхитительно откровенно! Как удивительно по-английски! Вы будете видеться с нею, м-р Вендэль, в определенные дни, которые мы с вами установим. Что же дальше?

— Ваше возражение относительно моего дохода, — продолжал Вендэль, — совершенно ошеломило меня. Я хочу обеспечить себя от всякого повторения такого сюрприза. Вы требуете от меня при вашей теперешней точке зрения на мою способность вступить в брак ежегодного дохода в три тысячи фунтов. Могу ли я быть уверен, что в будущем, когда вы ближе познакомитесь с Англией, ваша оценка не повысится еще более?

— Иными словами, — сказал Обенрейцер, — вы сомневаетесь в моих словах.

— Разве вы рассчитываете поверить мне на слово, когда я уведомлю вас, что удвоил свой доход? — спросил Вендэль. — Если меня не обманывает память, то минуту назад вы требовали от меня бесспорных доказательств?

— Прекрасный удар, м-р Вендэль! Вы соединяете в себе остроту ума иностранца с положительностью англичанина. Примите мои наилучшие поздравления. Примите также мое письменное ручательство.

Он поднялся, сел за письменный стол, стоявший у стены, написал несколько строк и передал их Вендэлю с низким поклоном. Обязательство было совершенно ясно и подписано и датировано с величавшей тщательностью.

— Удовлетворены вы такой гарантией?

— Удовлетворен.

— Рад слышать это, очень рад. У нас была маленькая схватка — и мы ведь вели себя оба удивительно ловко. В данный момент наши дела приведены в порядок. Я не желаю зла. Вы не желаете зла. Давайте, м-р Вендэль, обменяемся хорошим английским рукопожатием.

Вендэль подал ему руку, немного сбитый с толку внезапными переходами Обенрейцера из одного настроения в другое.

— Когда я могу надеяться снова увидеть мисс Обенрейцер? — спросил он, поднявшись, чтобы идти.

— Почтите меня вашим посещением завтра, — сказал Обенрейцер, — и мы тогда устроим это. Соорудим грог перед вашим уходом? Нет? Хорошо, хорошо! Мы оставим грог до того момента, когда у вас будет три тысячи в год и вы будете готовы к свадьбе. Ага! Когда это будет?

— Я подсчитывал, несколько месяцев тому

назад, доходность своего дела, — сказал Вендэль. — Если это вычисление правильно, то я удвою свой настоящий доход…

— И женитесь! — добавил Обенрейцер.

— И женюсь, — повторил Вендэль, — через год, считая от сегодняшнего дня. Покойной ночи.

Вендэль получает дурные известия

Когда Вендэль вышел на следующее утро в свою контору, то скучная коммерческая рутина Угла Увечных показалась ему изменившей свою физиономию. Теперь и Маргарита была заинтересована в деле! Вся эта деловая машина, которую привела в ход смерть Уайльдинга, так как надо было определить обороты фирмы: подвести баланс по книгам, подсчитать долги, составить инвентарь и тому подобное — превратились теперь в машину, которая указывала шансы за и против скорого брака. Пробежав итоги, представленные ему счетоводом, и проверив сложения и вычитания, сделанные клерками, Вендэль обратил далее внимание на инвентарную ведомость и послал в погреба за отчетом, желая просмотреть его.

Наружность погребщика, когда он просунул голову в дверь кабинета своего хозяина, заставляла подозревать, что в это утро должно быть произошло что-то очень необыкновенное. В движениях Джоэ Лэдля было что-то напоминавшее живость! В лице Джоэ Лэдля было что-то положительно похожее на хорошее расположение духа!

— В чем дело? — спросил Вендэль. — Не случилось ли чего?

— Я хотел бы упомянуть об одном, — отвечал Джоэ. — Молодой мастер Вендэль, я никогда не выдавал себя за пророка.

— Кто же так говорил?

— Ни один пророк, насколько я слыхал об этой профессии, — продолжал Джоэ, — никогда не проводил большей части своей жизни под землей. Ни один пророк, чего бы они там ни принимали в себя через поры тела, никогда не пропитывался вином с утра до ночи в течение целого ряда лет. Когда я говорил молодому мастеру Уайльдингу относительно перемены им названия фирмы, что в один прекрасный день он увидит, что счастье фирмы изменилось — выставлял ли я себя пророком? Нет, не выставлял. Но произошло ли то, что я ему предсказывал? Да, произошло. Во времена Пеббельсона Племянника, молодой м-р Вендэль, никогда и не слыхали о такой вещи, как ошибка в товаре, доставленном в нашу фирму. А теперь такая ошибка случилась. Пожалуйста, заметьте, что она произошла раньше, чем мисс Маргарита пришла к нам. Вот почему это не противоречит тому, что я говорил относительно влияния мисс Маргариты на счастье. И прочтите-ка это,

сэр, — заключил свою речь Джоэ и обратил его внимание на одно место в отчете, ткнув в него своим указательным перстом, который, казалось, не принимал в себя сквозь поры ничего замечательнее грязи.

— Не таков мой характер, чтобы каркать над тем домом, где я служу, но я чувствую некоторую печальную обязанность просить вас прочесть это.

Вендэль прочел нижеследующее:

— «Замечание касательно швейцарского шампанского. В последней партии, полученной от фирмы Дефренье и К°, была обнаружена неправильность». Вендэль остановился и справился в записной книжке, лежавшей около него. — Это было еще при м-ре Уайльдинге, — сказал он. — Сбор винограда был чрезвычайно хорош, и он приобрел целиком всю партию вина. Швейцарское шампанское расходится очень хорошо, не так ли?

— Я не говорю, что оно расходится плохо, — отвечал погребщик. — Оно может портиться у наших покупателей, оно может рвать бутылки в их руках. Но я не могу сказать, что оно плохо расходится у нас.

Вендэль стал продолжать чтение записки: «Мы

нашли число ящиков совершенно соответствующим тому, которое было занесено в книги. Но шесть ящиков, очень незаметно отличавшихся от остальных но клейму, были вскрыты и оказалось, что в них прислано красное вино вместо шампанского. Мы предполагаем, что при отправке вина из Невшателя ошибка произошла вследствие сходства в клеймах. Было найдено, что ошибка не распространилась на другие ящики, кроме этих шести».

— Это все! — воскликнул Вендэль, отбросив от себя записку.

Взор Джоэ Лэдля угрюмо следил за летящим клочком бумаги.

— Я рад, сэр, видеть, что вы относитесь к этому легко, — сказал он. — Что бы ни случилось, для вас будет всегда утешением вспоминать, что вы сначала отнеслись к этому легко. Иногда одна случайность ведет за собой другую. Один случайно роняет на мостовую апельсинную корку, другой случайно наступает на нее, и вот работа для госпиталя, и человек, изувеченный на всю жизнь. Я рад, что вы относитесь к этому легко. Во времена Пеббльсона Племянника мы не отнеслись бы легко к этому, пока не увидали бы конца. Не желая каркать над домом, я все же хотел бы,

чтобы все это окончилось для вас удачно. Не в обиду будь это сказано, сэр, — сказал погребщик, открывая дверь, чтобы уйти, но снова обернулся и, прежде чем закрыть ее за собой, бросил на Вендэля взгляд, полный предостережения, — я пьяница и меланхолик, согласен с вами. Но я старый слуга Пеббльсона Племянника, и я желаю, чтобы для вас окончилось удачно это недоразумение с шестью ящиками красного вина.

Оставшись один, Вендэль разсмеялся и взялся за перо. «Чтобы не забыть об этом, я хорошо сделаю, если напишу несколько строк Дефренье и К°», — подумал он. Он тут же и написал это письмо в таких выражениях:

«Милостивые Государи.

Мы составляли инвентарь и заметили маловажную ошибку в последней партии шампанского, отправленного нам вашим домом. В шести ящиках прислано красное вино, которое мы возвращаем вам при сем. Дело можно легко исправить, если вы пошлете нам шесть ящиков шампанского, буде его можно достать, или в противном случае, если вы кредитуете нас стоимостью шести ящиков по последнему счету (пятьсот фунтов), уплаченному нами вашему дому. Ваши покорные слуги

Уайльдинг и К°».

Это письмо было отослано на почту, и мысль о нем тотчас же улетучилась из головы Вендэля. У него были другие и гораздо более интересные мысли. В этот же день немного позднее он сделал визит Обенрейцеру, как это было между ними условлено. Тогда же ими было выбрано несколько вечеров в неделю, которые он мог проводить с Маргаритой, впрочем, всегда в присутствии третьего лица. Обенрейцер вежливо, но решительно настаивал на этом условии. Он сделал единственную уступку, предоставив Вендэлю

самому выбрать, кто будет этим третьим лицом. Положившись на прошлый опыт, Вендэль без малейшего колебания выбрал ту превосходную женщину, которая штопала Обенрейцеру носки. Когда мадам Дор услышала о возлагаемой на нее, ответственности, то ее умственные способности проявились внезапно в новой фазе своего развития. Она подождала, пока Обенрейцер не отвел от нее своего взора, а затем взглянула на Вендэля и неловко подмигнула ему.

Протекало время — счастливые вечера с Маргаритой наступали и проходили. На десятое утро с того момента, как Вендэль написал письмо швейцарской фирме, на его конторке появился от нее ответ вместе с другими только что полученными письмами:

«Милостивые Государи.

Мы просим принять наши извинения за происшедшее небольшое недоразумение. В то же время, мы должны прибавить, с сожалением, что рассмотрение нашей ошибки, о которой вы благосклонно уведомили нас, повело к совершенно неожиданному открытию. Дело чрезвычайно важно как для вас, так и для нас.

Подробности его таковы.

Не имея более того шампанского последнего сбора, которое было послано вам, мы сделали распоряжение о кредитовании вашей фирмы стоимостью шести ящиков, как это было указано вами. Для этого нужно было соблюсти некоторые формальности, принятые у нас при ведении дел, которые потребовали справки в книге наших банкиров, а также и в нашей счетной книге В результате справок явилась моральная уверенность в том, что наш дом не мог получить такого перевода, о каком вы упоминаете, и фактическая уверенность, что подобный перевод не был уплачен нашему счету в банке.

Едва ли нужно при таком положении дел беспокоить вас сообщением подробностей. Деньги были бесспорно украдены во время их пересылки от вас к нам. Некоторые особенности, замеченные нами, касающиеся того способа, которым было совершено мошенничество, заставили нас сделать тот вывод, что вор вероятно рассчитал, что ему удастся выплатить нашим банкирам недостающую сумму

раньше, чем будет сделано неизбежное открытие при подведении нами баланса в конце года. Это произошло бы, при обычном ходе вещей, приблизительно через три месяца. В течение этого периода мы могли бы положительно ничего не знать о совершенной краже, если бы не ваше письмо.

Мы упоминаем об этом последнем обстоятельстве для того, чтобы оно могло яснее показать вам, что здесь мы имеем дело не с обыкновенным вором. Мало того, мы даже не можем подозревать, кто этот вор. Но мы надеемся, что вы поможете нам предпринять расследование, рассмотрев расписку (конечно, поддельную), которая без сомнения должна была прийти к вам от нашего дома. Будьте любезны взглянуть на нее и посмотрите, написана ли она целиком от руки или же она печатного и занумерованного образца, так что для заполнения требуется только проставить сумму. Выяснение этого по-видимому весьма обыкновенного вопроса есть дело чрезвычайной важности, уверяем вас. С большим беспокойством ожидая вашего ответа, остаемся с величайшим почтением и предупредительностью

Дефренье и К°».

Вендэль положил письмо на конторку и с минуту не мог придти в себя от того удара, который на него обрушился. Как раз в то время, когда для него чрезвычайно важно увеличить обороты

своего дела, ему грозит потеря в пятьсот фунтов. Достав из кармана ключ и открывая железный шкап в стене, в котором хранились книги и бумаги торгового дома, Вендэль подумал о Маргарите.

Он еще был в кладовой, разыскивая поддельную расписку, как вдруг голос, раздавшийся совсем сзади него, заставил его вздрогнуть.

— Тысячу извинений, — сказал голос, — боюсь, что я вам помешал.

Он обернулся и очутился лицом в лицу с опекуном Маргариты.

— Я зашел, — продолжал Обенрейцер, — чтобы узнать, но могу ли я быть вам полезным. Мне приходится съездить на несколько дней по своим делам в Манчестер и Ливерпуль. Может быть вы дадите мне какие-нибудь поручения в связи с моей поездкой? Я вполне к вашим услугам в качестве коммивояжера торгового дома Уайльдинг и К°.

— Извините меня на минуту, — сказал Вендэль. — Я сейчас буду беседовать с вами. — Он снова повернулся и продолжал рыться в бумагах. — Вы приходите как раз в тот момент, когда дружеские советы более чем когда либо драгоценны для меня, — снова заговорил он. — сегодня утром я получил очень дурные известия из Нев-

шателя.

— Дурные известия! — воскликнул Обенрейцер. — От Дефренье и К°?

— Да. Перевод, посланный нами им, украден. Мне угрожает потеря пятисот фунтов. Что это?

Резко повернувшись и взглянув в комнату вторично, Вендэль увидел свой ящичек с конвертами опрокинутым на пол и Обенрейцера, стоявшего за коленях и собиравшего содержимое.

— Всему виной моя неловкость, — сказал Обенрейцер. — Неприятное известие, полученное вами, ошеломило меня; я сделал шаг назад… — Он слишком сильно заинтересовался собиранием рассыпавшихся конвертов, чтобы докончить свою фразу.

— Не беспокойтесь, — сказал Вендэль. — Клерк поднимет все это с полу.

— Это неприятное известие! — повторял Обенрейцер, настойчиво продолжая собирать конверты. — Это неприятное известие!

— Если вы прочтете письмо, — сказал Вендэль, — то вы найдете, что я ничего не преувеличил. Оно лежит вскрытое там на моей конторке.

Он снова принялся за поиски и через минуту нашел поддельную расписку. Она была занумерованного и печатного образца, как это было

описано швейцарской фирмой. Вендэль записал нумер и число. Положив расписку на место и замкнув железную кладовую, он имел время заметить, что Обенрейцер читает письмо в амбразуре окна в самом дальнем конце комнаты.

— Подойдите к камину, — сказал Вендэль. — Вы, по-видимому, совсем закоченели там от холода. Я позвоню, чтобы принесли еще угля.

Обенрейцер поднялся и медленно подошел к конторке.

— Маргарита будет огорчена этим известием не меньше меня, — сказал он любезно. — Что же вы думаете предпринять?

— Я в руках Дефренье и К°,- отвечал Вендэль. — Так как я совершенно не знаком с обстоятельствами дела, то могу делать только то, что они мне посоветуют. Расписка, которую я только что нашел, оказывается, занумерованного и печатного образца. Кажется, они считают чрезвычайно важным, чтобы она была найдена. Вы познакомились с их способами ведения дел, когда служили у них в Швейцарии. Можете ли догадаться, что они имеют в виду?

Обенрейцер рискнул попробовать.

— Давайте я посмотрю расписку, — сказал он.

— Вы больны? — спросил Вендэль, испуганный

переменой в его лице, которое только сейчас впервые можно было ясно разглядеть. — Пожалуйста, подойдите к камину. Мне кажется, вы дрожите — надеюсь, вы не больны?

— Нет! — сказал Обенрейцер. — Вероятно, я простудился. Ваш английский климат мог бы пощадить человека, восхищающегося вашими английскими обычаями. Позвольте мне взглянуть на расписку.

Вендэль отворил железную кладовую. Обенрейцер взял кресло и пододвинул его прямо к камину. Он протянул обе руки над огнем.

— Позвольте мне взглянуть на расписку, — повторил он нетерпеливо, когда Вендэль снова появился с бумагой в руке. В это время в комнату вошел слуга со свежим запасом угля. Вендэль приказал ему развести побольше огня. Тот поспешил исполнить приказание с гибельной расторопностью. Когда он шагнул вперед и поднял ящик с углем, то зацепил ногой за складку ковра и высыпал весь свой груз на решетку камина. От этого пламя мгновенно потухло и показалась струя желтого дыма, в котором нельзя было заметить ни малейшего признака огня.

— Дубина! — прошептал Обенрейцер, бросив на слугу такой взгляд, который тот помнил долго

еще спустя.

— Может, вы перейдете в комнату клерков? — спросил Вендэль. — У них там есть печка.

— Нет, нет. Пустяки!

Вендэль протянул ему расписку. Казалось, что желание Обенрейцера исследовать ее потухло так же внезапно и так же окончательно, как и огонь в камине. Он только взглянул на документ и сказал:

— Нет, я не понимаю ее! Я сожалею, что не могу вам помочь.

— Я напишу в Невшатель с вечерней почтой, — сказал Вендэль, спрятав расписку вторично. — Нам следует подождать и посмотреть, что из этого выйдет.

— С вечерней почтой, — повторил Обенрейцер. — Постойте-ка. Вы получите ответ через восемь или девять дней. Я вернусь назад раньше. Если я могу быть вам полезным, в качестве коммивояжера, то, может быть, вы пожелаете уведомить меня до этого времени. Вы пошлете мне письменные инструкции. Я буду с большим интересом ожидать, когда вы получите ответ из Невшателя. Кто знает? В конце концов, мой дорогой друг, это может оказаться ошибкой. Мужайтесь! мужайтесь! мужайтесь! — Он вошел

в комнату, как человек, который не дорожит временем. Теперь же он схватил свою шляпу и попрощался с видом человека, который не может терять ни одной минуты.

Оставшись один, Вендэль прошелся задумчиво по комнате.

Прежнее впечатление, которое производил на него Обенрейцер, совершенно не согласовалось с тем, что он слышал и видел во время только что происходившего разговора. Он готов был впервые предаться сомнению, не слишком ли поспешно и строго составил он в этом случае свое мнение о другом человеке. Удивление и сожаление Обенрейцера, когда он услышал об известии, полученном из Невшателя, носили на себе очевиднейшие признаки искреннего чувства, а не вежливого участия, выраженного по этому поводу. Озабоченный своими собственными тревогами, которые ему приходилось переживать, страдая, по всей очевидности, от первых коварных приступов серьезной болезни, он был похож на человека, да и говорил, как человек, который действительно огорчен тем несчастьем, которое произошло с его другом. До сих пор Вендэль тщетно пытался изменить свое первоначальное мнение об опекуне Маргариты ради нее самой.

Все благородные инстинкты его натуры соединились теперь воедино и восставали против очевидности, казавшейся неопровержимой до сего времени. «Кто знает? — думал он. — Ведь я мог в конце концов неверно прочесть физиономию этого человека».

Протекало время — счастливые вечера с Маргаритой наступали и проходили. Опят наступило десятое утро с того момента, как Вендэль написал письмо швейцарской фирме, и опять на его конторке появился от нее ответ вместе с другими только что полученными письмами.

«Дорогой сэр.

Мой старший компаньон, monsieur Дефренье, вызван по неотложным делам в Милан. За его отсутствием (и с его полного согласия и разрешения) я снова пишу вам теперь по поводу пропавших пятисот фунтов.

Ваше открытие, что поддельная расписка сделана по образцу наших занумерованных и печатных бланков, причинило неизъяснимое огорчение и удивило моего компаньона и меня самого. В то время, когда был украден ваш перевод,

существовало всего три ключа, которыми открывался денежный сундук, где неизменно хранились бланки наших расписок. Один ключ был у моего компаньона, другой у меня. Третий был в распоряжении джентльмена, который в это время занимал доверенное место в нашем торговом доме. Мы могли бы с одинаковым основанием заподозрить одного из нас, как и это лицо. Тем не менее, теперь подозрение падает на него. Я не могу решиться сообщить вам, кто это лицо, пока есть хоть небольшая надежда, что оно может оказаться невинным после того расследования, которое мы должны теперь произвести. Простите мое молчание, причина его уважительна.

Форма, которую должны теперь принять наши розыски, довольно проста. Почерк вашей расписки должен быть сравнен компетентными лицами, находящимися в нашем распоряжении, с некоторыми образчиками почерка, имеющимся у нас. Я не могу послать вам этих образчиков по деловым причинам, которые вы, наверное, одобрите, когда о них

узнаете. Я должен просить вас послать мне расписку в Невшатель, но, обращаясь с этой просьбой, я должен сопровождать ее следующим необходимым предостережением.

Если то лицо, на которое падает сейчас подозрение, действительно окажется лицом, совершившим это мошенничество и воровство, то я имею основание опасаться, что некоторые обстоятельства могли уже заставит его держаться начеку. Против него существует только одна единственная улика, и эта улика в ваших руках, поэтому он перероет небо и землю, чтобы найти и уничтожить ее. Я самым усиленным образом советую вам не доверять почте пересылку расписки. Пошлите мне ее с кем-нибудь, не теряя ни минуты, но для своего поручения выбирайте только такого человека, который долго прослужил в вашем учреждении, привык путешествовать, умеет говорить по-французски; храброго и честного человека и сверх того, такого человека, которому можно доверять, что он не позволит никому искать с ним в пути знакомства.

Не говорите никому, абсолютно никому, кроме вашего посланного, о том обороте, который приняло теперь это дело. Благополучная пересылка расписки может зависеть от вашего *буквального* исполнения совета, который я даю вам в конце этого письма.

Мне остается только прибавить, что всякий возможный выигрыш во времени является в данный момент чрезвычайно важным. У нас пропал не один бланк расписок, и невозможно сказать, какие еще могут быть совершены новые мошенничества, если мы упустим время и не наложим своих рук на вора.

Ваш покорный слуга Ролланд.
(подписывающийся за Дефренье и К°)».

Кто был этот заподозренный человек? В положении Вендэля казалось бесполезным задавать себе подобный вопрос.

Кого надо послать в Невшатель с распиской? Храбрые и честные люди были в Углу Увечных, стоило только позвать. Но где человек, привыкший путешествовать за границей, умеющий говорить по-французски и на которого можно было бы безусловно положиться, что он не позволит

никому завязать с собою по дороге знакомство. Под рукой был всего один человек, который отвечал всем этим требованиям, и этот человек был сам Вендэль.

Было жертвой оставить свои дела, еще большей жертвой было оставить Маргариту. Но вопрос о пятистах фунтах зависел от этого еще не законченного расследования, а monsieur Роллан настаивал на буквальном исполнении своего совета в таких выражениях, с которыми нечего было шутить. Чем больше Вендэль думал об этом, тем яснее вырисовывалась перед ним необходимость, и он решил: «Еду!»

Когда он запирал письмо вместе с распиской, то вспомнил по ассоциации идей об Обенрейцере. Ему теперь показалось более возможным разрешить вопрос о личности подозреваемого. Обейрейцер мог знать.

Едва эта мысль промелькнула в его голове, как дверь отворилась, и в комнату вошел Обенрейцер.

— Мне говорили в Сого-сквэре, что вас ждали домой вчера вечером, — сказал Вендэль, идя к нему на встречу. — Хорошо покончили в провинции с делами? Чувствуете себя лучше?

Тысячу благодарностей. Обенрейцер покончил

с делами чудесно. Обенрейцеру бесконечно лучше. Ну, а теперь, какие новости? Есть письмо из Невшателя?

— Очень странное письмо, — отвечал Вендэль. — Дело приняло новый оборот, и письмо настаивает — без всяких исключений для кого-либо — чтобы наш ближайший образ действий был сохранен мною в глубочайшем секрете.

— Без всяких исключений для кого-либо? — повторил Обенрейцер. Произнося эти слова, он отошел снова задумчиво в противоположный угол комнаты к окну, на минуту заглянул в него и порывисто вернулся к Вендэлю. — Безусловно они должно быть позабыли *обо мне,* — снова начал он, — в противном случае они не сделали бы такого исключения.

— Мне пишет monsieur Роллан, — сказал Вендэль. — И, как вы говорите, он, должно быть, действительно, позабыл про вас. Это обстоятельство совершенно ускользнуло от моего внимания. Я только что хотел посоветоваться с вами, когда вы вошли в комнату. И вот я связан формальным запрещением, которое не может, вероятно, распространяться на вас. Как это досадно!

Затянутые пеленой глаза Обенрейцера внимательно устремились на Вендэля.

— Быть может, это более чем досадно! — сказал он. — Я зашел к вам сегодня не только, чтобы узнать, нет ли новостей, но и чтобы предложить вам свои услуги в качестве посланца, посредника — кого вам угодно. Доверитесь ли вы мне? Я получил письма, которые заставляют меня немедленно ехать в Швейцарию. Посылки, документы, все, что угодно — я мог бы все это отвезти от вас Дефренье и Роллану.

— Вы как раз такой человек, какой мне нужен, — ответил Вендэль. — Не более пяти минут тому назад я решил, с большой неохотой, что придется ехать в Невшатель самому, так как я не мог найти здесь никого, кто был бы в состоянии заменить меня. Позвольте, я еще раз просмотрю письмо.

Он отворил кладовую, чтобы достать письмо. Обенрейцер, бросив прежде всего взгляд вокруг себя, чтоб убедиться, что они одни, сделал один, два шага и остановился в ожидании, измеряя Вендэля взглядом. Вендэль был выше ростом и, — несомненно, также более сильный из них двоих. Обенрейцер отошел от него в сторону и стал греться у камина.

Тем временем Вендэль в третий раз перечел последнюю часть письма. В ней заключалось ясное

предостережение — в нем была вполне определенная фраза, которая настаивала на буквальном исполнении совета. Рука, ведшая Вендэля в потемках, руководила им только при этом условии. На карту была поставлена большая сумма; нужно было подтвердить страшное подозрение. Если он будет действовать на свой страх и если случится что-нибудь, что может расстроить все планы, то кто тогда будет виноват? Как деловому человеку, Вендэлю оставался только один выход. Он снова запер письмо.

— Чрезвычайно досадно, — сказал он Обенрейцеру, — что забывчивость со стороны monsieur Роллана влечет за собой серьезные неудобства для меня и ставит меня в нелепое и ложное положение по отношению к вам. Но что же я могу сделать? Я принимаю участие в очень серьезном деле и действую совершенно впотьмах. У меня нет иного выбора и мне остается только руководиться не своим собственным пониманием, но письмом, в котором даются мне инструкции. Вы меня понимаете, не правда ли? Вы, ведь, знаете, что не будь я связан этим письмом по рукам и по ногам, я бы с величайшей радостью принял ваши условия?

— Ни слова больше! — ответил Обенрейцер. —

На вашем месте я сделал бы то же самое. Мой добрый друг, я ничуть не обижаюсь. Благодарю вас за вашу любезность. Но как бы то ни было, мы отправимся в путь вместе, — прибавил Обенрейцер. — Вы так же, как и я, уезжаете немедленно?

— Немедленно. Но сперва я должен, конечно, повидаться с Маргаритой!

— Ну, несомненно, несомненно! Повидайтесь с ней сегодня вечером. Заходите и захватите меня с собой по дороге на вокзал. Ведь, мы вместе едем сегодня вечером с почтовым?

— Сегодня вечером с почтовым.

Вендэль подъехал к дому в Сого-сквэре гораздо позднее, чем мечтал. Деловые затруднения, вызванные его неожиданным отъездом, встречались целыми десятками. Большая часть времени, которое он надеялся посвятить Маргарите, была безжалостно поглощена его делами в конторе, которыми было немыслимо пренебречь.

К его удивлению и восхищению Маргарита была одна в гостиной, когда он вошел туда.

— В вашем распоряжении всего только несколько минут, Джордж, — сказала она. — Но мадам Дор была так добра ко мне, что мы можем пробыть эти несколько минут вдвоем. — Она обвила его шею руками и шепнула ему быстро:- Не оскор-

били ли вы чем-нибудь мистера Обенрейцера?

— Я? — воскликнул изумленный Вендэль.

— Тише! — произнесла она, — я хочу говорить шепотом. Вы знаете ту маленькую фотографию, которую я получила от вас. Сегодня днем она случайно оказалась на каминной доске. Он взял карточку в руки и стал ее рассматривать — и я увидела в зеркало его лицо. Я знаю, что вы оскорбили его. Он беспощаден, он мстителен, он скрытен, как могила. Не ездите с ним, Джордж, не ездите с ним!

— Моя любовь, — возразил Вендэль, — вы позволяете своему воображению рисовать вам всякие страхи! Обенрейцер и я, мы никогда не были лучшими друзьями, чем в данный момент.

Прежде, чем можно было успеть произнести хоть еще одно слово, внезапное движение какого-то тяжеловесного тела привело в сотрясение пол соседней комнаты. За сотрясением последовало появление мадам Дор.

— Обенрейцер! — воскликнула эта превосходная особа шепотом и немедленно грузно шлепнулась на свое место у печки.

Обенрейцер вошел с сумкой курьера, перекинутой через плечо.

— Вы готовы? — спросил он, обращаясь к Венд-

элю. — Не могу ли взять что-нибудь от вас? У вас нет дорожной сумки? А я запасся ею. Вот здесь отделение для бумаг, готовое к вашим услугам.

— Благодарю вас, — сказал Вендэль. — У меня с собой только одна важная бумага, и об этой бумаге я обязан позаботиться сам. Вот она здесь, — прибавил он, дотронувшись до своего бокового кармана, — и здесь она должна лежать, пока мы не приедем в Невшатель.

Когда он произносил эти слова, рука Маргариты схватила его руку и многозначительно пожала ее. Она смотрела на Обенрейцера. Прежде чем Вендэль мог взглянуть на него в свою очередь, Обенрейцер круто повернулся и стал прощаться с мадам Дор.

— Adieu, моя очаровательная племянница! — сказал он, обращаясь затем к Маргарите.

— En route, мой друг, в Невшатель! — Он слегка хлопнул Вендэля по боковому карману и пошел к дверям.

Последний взгляд Вендэля был обращен на Маргариту. Последние слова Маргариты, сказанные ему, были: «Не ездите!»

ДЕЙСТВИЕ III

В долине

Была приблизительно половина февраля, когда Вендэль и Обенрейцер отправились в свое путешествие. Так как зима стояла суровая, то это время года было неблагоприятно для путешественников; настолько неблагоприятно, что наши два путника, прибыв в Страсбург, нашли его большие гостиницы почти пустыми. И даже те немногие лица, с которыми они повстречались в этом городе, возвращались назад, не доехав до центра Швейцарии, куда они направлялись по делам из Англии или Парижа.

В то время было почти или совершенно невозможно воспользоваться большинством швейцарских железных дорог, по которым теперь туристы проезжают с достаточным удобством. Некоторые дороги еще не прокладывались; другие по большей части еще не были закончены. На тех дорогах, которые были открыты, еще оставались большие участки старой шоссейной дороги, где сообщение в зимнее время года часто прерывалось; на других были слабые пункты, где новым работам грозила еще опасность в случае или жестокого мороза, или быстрой оттепели.

В худшее время года нельзя было рассчитывать на пробег поездов по дорогам этого последнего разряда, так как железнодорожное движение было случайным, в зависимости от погоды, или же совершенно прекращалось в течение тех месяцев, которые считались наиболее опасными.

В Страсбурге ходило больше разных россказней о трудностях дальнейшего пути, чем было самих путешественников, чтобы их рассказывать. Многие из этих россказней были по обыкновению крайне дики; но все же большинству наиболее скромных по части чудес рассказов придавалось некоторое значение, благодаря тому неоспоримому обстоятельству, что путешественники возвращались назад. Тем не менее решение Вендэля продолжать свое путешествие было совершенно непоколебимо, так как дорога на Базель была открыта. Таково же было по необходимости решение Обенрейцера, ибо он видел, что положение его безнадежно до крайности: он должен погибнуть или уничтожить ту улику, которую Вендэль вез с собой, хотя бы даже ему пришлось вместе с нею уничтожить самого Вендэля.

Каждый из двух товарищей по путешествию чувствовал к другому далеко не одинаковые

чувства. Обенрейцер, на которого кольцом надвигалась гибель, благодаря быстроте действий Вендэля, видел, что с каждым часом круг суживается вследствие энергии Вендэля и ненавидел его со злобою хищного коварного зверя низшей породы. Он всегда инстинктивно чувствовал что-то в душе против него; быть может, из-за той старой розни, которая существует между джентльмэном и крестьянином; быть может, из-за его открытого характера; быть может, из-за его более честных взглядов; быть может, из-за того успеха, который он имел у Маргариты; быть может, из-за всех этих причин, где две последних не были самыми маловажными. Но кроме того теперь он видел в нем охотника, который выслеживал его. С другой стороны Вендэль, все время благородно боровшийся со своим первым смутным недоверием к Обенрейцеру, видел теперь себя обязанным бороться с этими чувством с большей, чем когда либо, силой, напоминая себе: «Ведь он опекун Маргариты. Мы с ним в наилучших дружеских отношениях: он едет вместе со мной по своему собственному побуждению и не может преследовать никаких корыстных целей в этом мало привлекательном путешествии, чтобы разделять его со мной». К этим доводам в пользу Обенрей-

цера случай прибавил еще одно соображение, когда они прибыли в Базель, после путешествия, которое заняло вдвое больше времени, чем обычно на него требовалось.

Они поздно пообедали и сидели одни в комнате какой-то гостиницы, висящей над Рейном, в этом месте быстрым и глубоким, вздутым и шумным. Вендэль растянулся на диване, а Обенрейцер разгуливал взад и вперед, то останавливаясь у окна и смотря на колеблющееся отражение городских огней в темной воде реки (и, быть может, думая: «Если б только я мог швырнуть его туда!»), то, возобновляя свое расхаживание, устремив глаза в пол. «Где украду у него, если мне удастся это сделать? Где убью его, если мне придется так поступить?» Так шумела ему река, когда он мерно расхаживал по комнатам, так шумела река., так шумела река…

Наконец, дума, тяготившая его, показалась ему столь несносной, что он остановился, решив, что было бы хорошо, если бы его спутник заразился от него своей тяжелой думой.

— Сегодня Рейн шумит, — сказал он с улыбкой, — как старый водопад у нас дома. Тот водопад, который моя мать показывала путешественникам (я уже рассказывал вам об этом). Шум

его менялся с погодой, как это всегда бывает с шумом всех падающих и текущих вод. Когда я был учеником у часового мастера, то вспоминал его, и иногда этот шум говорил мне целые дни: «Где ты, мой бедняжечка? Где ты, мой бедняжечка?» Иногда же я вспоминал его шум, когда он бывал глухим, и буря налетала на перевал: «Бум, бум, бум. Бей его, бей его, бей его!» Словно моя мать, когда она бывала в бешенстве… если только она была моей матерью.

— Если она была? — сказал Вендэль, постепенно переменяя свое положение на сидячее. — Если она была? Почему вы говорите: «если»?

— Что я могу знать? — ответил тот небрежно, вскинув руками и затем бессильно опустив их. — Но чего же вы хотите? Я такого темного происхождения, что каким же образом могу сказать что-нибудь определенное? Я был очень молод, а все прочие члены нашей семьи были уже взрослыми мужчинами и женщинами, мои же, так называемые, родители были стары. В подобном случае некоторые предположения вполне возможны.

— Вы сомневались когда либо?..

— Я уже однажды говорил вам, что сомневаюсь в браке этих двух лиц, — ответил он, снова

вскинув руками, словно отшвыривал от себя какой-то бесполезный предмет. — Но я сотворен. Я происхожу не из знатной фамилии. Так какое же мне дело до этого?

— Вы по крайней мере швейцарец, — сказал Вендэль, следя за ним взором.

— Почем я знаю? — возразил тот отрывисто, останавливаясь и глядя на него через плечо. — Я говорю вам, вы по крайней мере англичанин. Как вы это знаете?

— Из того, что мне говорили с детства.

— А! Я знаю о себе таким же путем.

— И по своим самым ранним воспоминаниям, — добавил Вендэль, следя за мыслью, которую он не мог отогнать от себя.

— Я также. Я знаю о себе таким же путем, если этот путь достаточен.

— Разве он вас не удовлетворяет?

— Приходится им удовлетворяться. В этом маленьком мире нет ничего подобного слову: «приходится». Приходится одно коротенькое слово, но оно сильнее всяких длинных доказательств или рассуждений.

— И вы, и бедный Уайльдинг родились в одном и том же году. Вы были приблизительно ровесниками, — произнес Вендэль, снова задумчиво

смотря на него в то время, как тот опять принялся вышагивать взад и вперед.

— Да почти совершенно.

Не мог ли Обенрейцер быть потерянным человеком? Благодаря неведомой связи между вещами, не было ли более глубокого смысла, чем он сам думал, в той теории относительно незначительности мира, которая так часто была у него на устах? Не потому ли рекомендательное письмо из Швейцарии последовало так быстро за теми сведениями, которые были сообщены миссис Гольдстроо относительно ребенка, увезенного в Швейцарию, что он был этим ребенком, ставшим взрослым? В мире, где так много неисследованных пучин, это могло быть. Случайность или непреложность — называйте это, как хотите, — которая привела к возобновлению Вендэлем своего знакомства с Обенрейцером, знакомства, перешедшего в близость, и свела их тут в эту зимнюю ночь, была тоже не менее любопытный. Если все это рассматривать в таком свете, то казалось, словно они были связаны стремлением к каким-то непрерывным и ясным целям.

Зароившиеся мысли Вендэля понеслись в высь, а взор его задумчиво следил за Обенрейцером, расхаживавшим взад и вперед по комнате. Река

же все время напевала одну и ту же песенку: «Где украду у него, если удастся? Где убью его, если придется?» Тайне умершего друга не угрожало опасности, что Вендэль проговорится; но все же он почувствовал в более слабой степени то же самое бремя истины, под тяжестью которого погиб его друг, и обязанность следовать за каждой путеводной нитью, хотя бы и непонятной. Он тотчас же спросил себя, хотелось бы ему, чтобы этот человек оказался настоящим Уайльдингом? Нет. Хотя он и поборол, насколько мог, свое недоверие к Обенрейцеру, но все же ему не хотелось найти такого заместителя своему покойному простодушному, болтливому и детски-наивному компаньону. Он быстро спросил самого себя, хотелось ли бы ему, чтобы этот человек стал богат? Нет. Он и так уже имел более, чем достаточную власть над Маргаритой, а богатство могло бы еще более увеличить его влияние. Будет ли ему приятно, чтобы этот человек был опекуном Маргариты, когда окажется, что между ним и ею нет никакого родства, хотя бы даже очень смутного и отдаленного? Нет. Но все эти соображения не могли встать между ним и верностью к памяти усопшего. Надо позаботиться, чтобы они промелькнули у него почти бесследно, лишь оставив

в нем сознание, что они *только* промелькнули, а он преклонился перед своей священной обязанностью исполнить свой долг. И он так твердо решил это, что снова стал следить ясным взором за своим спутником, который все еще расхаживал по комнате. Мог ли Вендэль предполагать, что тот не раздумывает с грустью о своем происхождении на свет, а замышляет насильственную смерть другому человеку — и менее всего Вендэлю могло придти в голову, о смерти какого человека тот думал.

Дорога, ведшая от Базеля к Невшателю, оказалась лучшей, чем о ней говорили. Погода, стоявшая последние дни, улучшила ее. В этот вечер, когда стемнело, прибыли погонщики лошадей и мулов и передавали, что на пути не приходится преодолевать никаких трудностей, кроме только испытания терпения, упряжи, колес, осей и кнутов. Сейчас же была подряжена карета и лошади, с тем, чтобы она была подана завтра утром и можно было тронуться в путь еще до рассвета.

— Вы на ночь запираете дверь на ключ, когда путешествуете? — спросил Обенрейцер, стоя у камина в комнате Вендэля и грея свои руки перед тем, как уйти к себе.

— Нет, не запираю. Я сплю крепко.

— Вы так крепко спите? — спросил тот с удивленным взглядом. — Какое счастье!

— Для остальных домочадцев все, что угодно, только не счастье, — ответил Вендэль, — когда приходится стучать утром в запертую дверь моей спальни.

— Я тоже, — сказал Обенрейцер, — оставляю дверь в свою комнату открытой. Но позвольте мне, как человеку, который осведомлен об всем в качестве уроженца Швейцарии, посоветовать вам следующее: всегда, когда вы путешествуете по моей стране, кладите все свои документы — а, конечно, и деньги — под подушку. Всегда в это самое место.

— Вы не льстите своим соотечественникам, — засмеялся Вендэль.

— Мне кажется, что мои соотечественники, — сказал Обенрейцер, слегка прикоснувшись к локтям своего друга в виде пожелания ему доброй ночи и благословения на сонь грядущий, — похожи на большинство людей. А большинство людей всегда возьмет все, что может. Adieu! В четыре утра.

— Adieu. В четыре.

Предоставленный самому себе, Вендель сгреб

поленья, засыпал их белой золой, лежавшей на поде очага, и уселся, чтобы собрать свои мысли. Но они все еще витали около последней темы, а шум реки скорее способствовал их возбуждению, чем успокоению. Пока он сидел, погруженный в раздумье, исчезло и то небольшое желание уснуть, какое у него было. Он чувствовал, что будет совершенно бесцельно все-таки пытаться лечь и сидел одетый около камина. Маргарита, Уайльдинг, Обенрейцер, дело, которым он был занят, тысяча надежд и сомнений, которые совершенно не касались этого дела, все это сразу заняло его мысли. Казалось, им овладело все, кроме сна. Расположение к нему совершенно исчезло.

Он просидел уже долго у камина, погруженный в раздумье, когда догорела и потухла свеча. Но это было не важно; было достаточно светло и от пламени огня в камине. Он переменил позу и, положив на спинку кресла руку и опершись на нее подбородком, снова продолжал сидеть и думать.

Но он сидел между камином и кроватью, и когда пламя мерцало от движения воздуха, то его собственная увеличенная тень дрожала на белой стене у изголовья постели. Его поза придавала тени такой вид, словно над ложем склонилась какая-то плачущая и умоляющая фигура. Его гла-

за следили за ней, пока ему не сделалось жутко от неприятной мысли, что тень походила на тень Уайльдинга, но не на его собственную.

Стоит только немного переменить свое место, и тень исчезнет. Он так и сделал, и порождение его расстроенного воображения исчезло. Он сел теперь в тени небольшого выступа камина, и дверь в комнату оказалась перед ним.

На двери была длинная громоздкая железная щеколда. Он увидел, что она стала медленно и бесшумно подниматься. Дверь чуть-чуть приоткрылась и снова закрылась, словно ее привел в движение только ток воздуха. Но Вендэль видел, что щеколда была приподнята из скобы.

Дверь снова стала очень медленно приотворяться, пока не открылась настолько, чтобы пропустить кого-то. После этого она еще оставалась на мгновенье открытой, словно ее осторожно держали в таком положении с другой стороны. Затем показалась фигура человека, обернувшегося лицом к кровати, и остановилась неподвижно в дверях, пока не произнесла тихим полушепотом, сделав в то же время шаг вперед: «Вендэль!»

— Что такое? — ответил тот, вскочив со своего места, кто там?

Это был Обенрейцер. Он вскрикнул от удив-

ления, когда Вендэль вырос перед ним не с той стороны, где можно было его ожидать.

— Не в постели? — сказал он, схватив его за оба плеча с инстинктивным стремлением вступить с ним в борьбу. — Тогда, значит, произошло что-нибудь дурное?

— Что вы хотите сказать? — спросил Вендэль, освобождаясь от его рук.

— Сперва скажите мне: вы чувствуете себя плохо?

— Плохо? Нет.

— Мне приснился дурной сон про вас. Каким это образом я вижу вас вставшим и одетым?

— Мой дружище, я могу точно так же спросить вас, каким это образом я вижу *вас* вставшим и раздетым.

— Я сказал вам почему. Я видел про вас дурной сон. Я пытался успокоиться после него, но был не в силах. Я не мог решиться оставаться там, где был, не узнав, что вы находитесь в безопасности; и все же не мог решиться войти к вам. Я несколько минут стоял в нерешительности у двери. Так легко смеяться над сном, который не вам снился. Где ваша свеча?

— Догорела.

— У меня есть целая в моей комнате. Не при-

нести ли ее?

— Принесите.

Его комната была расположена вблизи, и он пробыл в отсутствии не более нескольких секунд. Вернувшись со свечей в руке, он встал на колени перед камином и зажег ее. Когда он раздувал для этого угли, то Вендэль, взглянув на него, увидел, что губы его были бледны и он с трудом удерживал их дрожание.

— Да, — сказал Обенрейцер, ставя зажженную свечу на стол, — это был дурной сон. Только взгляните на меня!

Он был босой; его красная фланелевая рубашка была раскрыта на груди, а рукава ее были засучены выше локтей; остальную часть его одежды составляли только кальсоны, доходившие ему до лодыжек и сидевшие на нем в обтяжку. Во всей его фигуре проглядывала какая-то гибкость и дикость, а глаза его были очень блестящи.

— Если бы пришлось бороться с грабителем, как мне снилось, — сказал Обенрейцер, — то вы видите, что я снял с себя все лишнее для этого.

— А также и вооружились, — заметил Вендэль, взглянув на его пояс.

— Дорожный кинжал, который я всегда ношу с собой во время путешествий, — отвечал тот

беззаботно, наполовину вытащив его из ножен левой рукой и снова вложив его обратно. — Разве вы не возите при себе таких вещей?

— Ничего подобного.

— А пистолеты? — спросил Обенрейцер, бросив взгляд на стол, а затем от него на непомятую подушку.

— Ничего подобного.

— Вы, англичане, так доверчивы! Вам хочется спать?

— Мне хотелось спать все это долго тянувшееся время, но я не мог уснуть.

— Я тоже после своего дурного сна. Мой камин потух, как и ваша свеча. Нельзя ли мне придти и посидеть у вашего? Два часа? Так скоро будет четыре, что не стоит труда снова ложиться спать.

— Я теперь уже совершенно не буду пытаться спать, — сказал Вендэль, — садитесь здесь и составьте мне компанию, милости прошу.

Уйдя к себе, чтобы привести в порядок свой костюм, Обенрейцер вскоре вернулся в халате и туфлях. Затем они оба сели по сторонам камина. Перед этим Вендэль подбросил в камин дров из корзины, стоящей в комнате, а Обенрейцер поставил на стол фляжку и стаканчик к ней.

— Боюсь, что это обыкновенная трактирная

водка, — сказал он, наливая, — купленная по дороге и не похожая на вашу из Угла Увечных. Но вашу мы осушили; тем хуже. Холодная ночь, холодное время ночи, холодная страна и холодный дом. Она, может быть, все же лучше, чем ничего; попробуйте ее.

Вендэль взял стаканчик и выпил.

— Ну, как вы ее находите?

— У нее неприятный привкус, — сказал Вендэль, возвращая стакан и слегка передернувшись, — и она мне не нравится.

— Вы правы, — сказал Обенрейцер, слегка отведав и посмаковав водку, — у нее неприятный привкус и мне она не нравится. Фу! Она жжет.

Он выплеснул то, что осталось в стаканчике, в камин.

Оба они оперлись локтями о стол, положили голову на руки и сидели, устремив взор на пылающие поленья. Обенрейцер оставался бдительным и спокойным, но Вендэль, после каких-то нервных подергиваний и вздрагиваний, во время одного из которых он вскочил на ноги и стал дико озираться по сторонам, впал в какое-то чрезвычайно странное сонное состояние. Он вез с собой бумаги в кожаном бумажнике, или портфельчике, лежавшем во внутреннем

боковом кармане застегнутой на все пуговицы дорожной куртки. И что бы ему ни снилось во время той летаргии, которая овладела им, но что-то неотступно связанное с этими бумагами выводило его из сонного состояния, хотя он и не мог проснуться. Он запоздал ночью в русских степях (какое-то смутно ему представлявшееся лицо назвало так это место) вместе с Маргаритой, и в то же время чувствовал прикосновение к своей груди чьей-то руки, осторожно прощупывавшей его портфельчик, когда он лежал у костра. Он потерпел кораблекрушение и носился по морю в простой лодке; он потерял всю свою одежду и у него не было ничего другого, кроме старого паруса, чтобы прикрыть свою наготу; и в то же время какая-то неслышная рука, отыскивающая бумаги по всем другим наружным карманам платья, которое на самом деле было на нем, и не находившая их, побуждала его проснуться. Он находился в старом подвале в Углу Увечных, куда была перенесена та самая кровать, которая была и находилась в этой именно комнате, в Базеле, и Уайльдинг (не мертвый, как ему казалось, чему он даже не очень удивился) тряс его и шептал: «Взгляни на этого человека! Разве ты не видишь, что он встал и роется под подушкой? Зачем ему

рыться под подушкой, как не для того, чтобы найти те бумаги, которые ты спрятал на своей груди? Проснись!» Но все же он спал и над ним витал рой новых сновидений.

Спокойно сидел его спутник с локтями на столе, положив голову на руки и, наконец, сказал:

— Вендэль! Нас зовут. Пятый час!

Тогда, открыв глаза, он увидал обращенное в его сторону лицо Обенрейцера, с затянутыми пеленой глазами.

— Вы спали тяжелым сном, — сказал тот. — Усталость от продолжительного путешествия и холод!

— Я теперь совершенно проснулся, — воскликнул Вендэль, вскочив с своего места, но стоя еще не твердо на ногах. — А вы совершенно не спали?

— Быть может, я дремал, но мне кажется, что я все время смотрел на огонь. Но так или иначе, мы должны умыться, закусить и трогаться в путь. Пятый час, Вендэль, пятый час!

Это было сказано таким тоном, чтобы разбудить его, потому что Вендэль уже снова почти заснул. Во время приготовлений к путешествию, а также и во время завтрака, он и на самом деле часто засыпал, двигаясь совершенно машинально. Пока

не окончился этот холодный, пасмурный день, у Вендэля не оставалось никакого отчетливого воспоминания о дороге, кроме только звенящих колокольчиков, отвратительной погоды, скользящих лошадей, хмурых склонов холмов, мрачных лесов и остановки у какого-то придорожного постоялого двора, где им пришлось пройти через коровник, чтобы попасть в комнату для путешественников. Он мало в чем отдавал себе отчет, кроме только того, что Обенрейцер весь день сидел задумчиво на своем месте и следил за ним пытливым взором.

Но когда он стряхнул с себя свое оцепенение, рядом с ним уже не было Обенрейцера. Карета стояла и лошадей кормили уже у другого придорожного постоялого двора, около которого также остановилась для отдыха целая вереница длинных узких фургонов, нагруженных бочками с видом и запряженных лошадьми в синих хомутах, с украшенными головами. Транспорт прибыл оттуда, куда направлялись наши путешественники, и Обенрейцер (теперь уже не задумчивый, а веселый и живой) беседовал с передним возницей. Когда Вендэль, быстро пробежавшись взад и вперед по живительному воздуху, расправил свои члены, заставил скорее обращаться свою

кровь и стряхнул с себя остатки летаргии, верени-ца фургонов тронулась: все возницы кланялись Обенрейцеру, проходя мимо него.

— Кто это? — спросил Вендэль.

— Это наши возчики — Дефренье и Компа-нии, — отвечал Обенрейцер. — Это наши бочки с вином.

Он стал напевать что-то и закурил сигару.

— Я был чрезвычайно скучным спутником сегодня, — сказал Вендэль. — Я не знаю, что это было со мной.

— Вы не спали ночью, а в такой холод у тех, кто не привык, часто случается нечто в роде прилива крови к мозгу, — сказал Обенрейцер. — Я часто наблюдал это. Но в конце концов мы, по-видимо-му, совершили наше путешествие совершенно напрасно.

— Почему напрасно?

— Глава фирмы в Милане. Вы знаете, у нас виноторговля в Невшателе и торговля шелком в Милане. Ну, и вот, случилось так, что шелк внезапно породил ряд более неотложных дел, чем вино, и Дефренье был вызван в Милан. Рол-лан, второй компаньон, заболел со времени его отъезда, и доктора не позволили ему ни с кем видаться. Вам оставлено в Невшателе письмо, ко-

торое уведомит вас об этом. Я имею эти сведения от нашего главного возчика, с которым, как вы видели, я разговаривал. Он был удивлен, увидев меня, и сказал, что должен вам это передать, если вас встретит. Что же вы предпримете? Поедете назад?

— Поеду вперед, — сказал Вендэль.

— Вперед?

— Вперед! Да. Через Альпы в Милан!

Обенрейцер прекратил свое курение, чтобы взглянуть на Вендэля, и затем снова стал медленно курить, посмотрел вверх по дороге, посмотрел вниз по дороге, посмотрел вниз на дорожные камни под своими ногами.

— Мне поручено очень серьезное дело, — сказал Вендэль. — Еще несколько таких пропавших бланков могут быть использованы для подобной же скверной цели или даже худшей; меня просили, не теряя времени, помочь фирме поймать вора; и ничто не заставит меня вернуться обратно.

— Ну? — воскликнул Обенрейцер, вынув изо рта свою сигару, чтобы улыбнуться и протянул руку своему спутнику по путешествию. — Тогда ничто не заставит и *меня* вернуться обратно. Эй, кучер! Кончайте! Поторапливайтесь! Мы едем

дальше!

Они провели в пути всю ночь. Шел снег, а местами была оттепель, и они в большинстве случаев ехали шагом, почти все время останавливаясь, чтобы дать перевести дух забрызганным грязью и выбившимся из сил лошадям. Спустя час после восхода солнца, они остановили лошадей у дверей гостиницы в Невшателе, потратив около двадцати восьми часов, чтобы преодолеть каких-нибудь восемьдесят английских мил.

Поспешно переодевшись и подкрепившись, они отправились вместе в Торговый Дом Дефренье и К°. Там они нашли письмо, о котором говорил им возчик вина, со вложением образчиков и сличений почерка, необходимых для изобличения подделывателя. Так как Вендэлем уже было принято решение безостановочно спешить дальше, то их задерживал только вопрос о том, через какой перевал они могли бы перейти Альпы? Относительно состояния двух перевалов — С.-Готардского и Симплонского — проводники и погонщики мулов очень расходились в мнениях. К тому же оба перевала были еще довольно далеко, чтобы можно было предупредить путешественников на основании каких бы то ни было последних известий. Но кроме того, они

хорошо знали, что снежный обвал мог в один час совершенно изменить весь путь. Все же, в общем, Симплон, казалось, был более надежным путем; Вендэль решил выбрать это направление. Обенрейцер мало или совершенно не принимал участия в разговоре и едва произнес несколько слов.

Они направились в Женеву, в Лозанну, вдоль низменного берега озера в Вевэ, оттуда в извивающуюся спиралью долину, окруженную горными вершинами и, наконец, достигли долины Роны. Шум колес кареты, стучавших и день, и ночь, сделался для них как бы шумом колес больших часов, отбивавших время. Путешествие не разнообразилось переменой погоды после того, как установился продолжительный мороз. На фоне пасмурного желтого неба перед ними вырисовывались Альпийские горные цепи; путники видели на более близких и низких вершинах холмов и на их склонах довольно много снега, который оттенял, в силу контраста, мрачную прозрачность озера, поток и водопад. От снежной белизны деревни казались бесцветными и грязными. Но снега больше не падало и на дороге не было больших снежных сугробов. Довольно плотная белая туманная мгла, висевшая над

долиной и оседавшая на волосах и платье путников в виде ледяных игл, вносила единственное разнообразие в окружающую картину. И дни, и ночи напролет раздавался стук колес. И все время они стучали, и одному из путешественников слышался иной напев, отличавшийся от напева Рейна: «Случай украсть у него живого упущен, и я должен убить его».

Они прибыли, наконец, в маленький бедный городок Бриг и подножья Симплона. Они прибыли туда когда стемнело, но все же могли заметить, как ничтожны кажутся творенья людей и сами люди перед горными громадами, нависшими над ними. Здесь они должны были остаться на ночлег и здесь было тепло от огня и лампы, от обеда и вина и от громкой после этого беседы с проводниками и погонщиками. За последние четыре дня еще ни одно человеческое существо не проходило через перевал. Снег, лежащий выше снеговой линии, был слишком мягок для колесного экипажа и не довольно еще тверд для саней. Небо было затянуто тучами, предвещавшими снег. Он собирался идти все эти дни, и то, что его еще до сих пор не было, считалось просто чудом, и все были уверены, что он непременно должен будет пойти. Никакой экипаж не мог проехать.

Можно было попытаться переехать на мулах или попробовать перейти горы пешком; но в обоих случаях лучшим проводникам приходилось давать особую возвышенную плату за чрезвычайный риск, при чем плата бралась все равно, удастся ли им перевести через перевал обоих путешественников или придется повернуть назад и доставить их обратно во избежание опасности.

В этом обсуждении положения вещей Обенрейцер не принимал никакого участия. Он молчаливо сидел у огня и курил, пока комната не опустела, и Вендэль не обратился к нему.

— Ба! Мне наскучили эти бедные парни и их торг, — сказал он в ответ. — Все одна и та же история. Это история о том, как они торгуются сегодня и как они торговались, когда я был оборванным мальчишкой. Что надо вам и мне? Нам надо по дорожному ранцу и по альпенштоку. Нам не нужен проводник, мы могли быть его проводниками, а не он нашим. мы оставим здесь наши саки и перейдем вдвоем с вами горы. Ведь, мы уже и раньше бывали вместе с вами в горах, а я природный горец и знаю этот перевал. Перевал! — скорее большая дорога! — знаю, говорю, его наизусть. Мы оставим этих жалких бедных парней торговаться с другими; но они не должны

нас задерживать под тем предлогом, что им надо заработать себе денег. Ведь, этого-то они только и добиваются.

Вендэль, довольный, что ему не придется вступать в спор и что узел так легко разрубается, и в то же время деятельный, любящий приключения, склонный идти вперед и, именно, вследствие всего этого вполне согласный на сделанное ему предложение, охотно принял его. В два часа они закупили все, что им было нужно для экспедиции, упаковали свои дорожные ранцы и улеглись спать.

На рассвете они нашли почти половину жителей городка, собравшихся на узкой улице, чтобы посмотреть, как они отправляются в путь. Люди толковали друг с другом, собравшись группами; проводники и погонщики шептались в стороне и посматривали вверх на небо; никто не пожелал им доброго пути.

Когда они начали подниматься, луч солнца засиял из-за туч, хотя, впрочем, небо было по-прежнему затянуто ими, и на мгновенье оловянные шпицы городских домов заблестели, так серебряные.

— Хорошее предзнаменование! — сказал Вендэль (хотя оно исчезло во время его слов). — Быть

может, наш пример откроет перевал с этой стороны.

— Нет, за нами не пойдут, — возразил Обенрейцер, взглянув вверх на небо и оглянувшись затем на долину. — Мы будем там одни.

В горах

Дорога была довольно хороша для сильных пешеходов, и воздух делался все чище и все легче им дышалось по мере того, как они оба поднимались. Но все небо было затянуто по-прежнему, как оно было затянуто все эти дни. Слух был смущен не менее зрения таким продолжительным ожиданием какой-то перемены, которая, казалось, нависла в воздухе. Тишина была так же тягостна, как и нависшие тучи, или, вернее, туча, так как казалось, что во всем небе всего только одна туча, затянувшая собою весь небесный свод.

Хотя свет не пробивался через эту мрачную пелену, однако, воздух был очень прозрачен и чист. Позади них внизу в долине Роны можно было проследить течение реки во всех ее бесчисленных извивах, страшно мрачной и торжественно печальной в своем однотонном свинцовом оттенке и лишенной всех других цветов. Далеко впереди и высоко над путешественниками нависли ледники и обвалы, готовые низвергнуться на те места, где им нужно будет сейчас проходить; глубоко внизу под ними с правой стороны чернела пропасть и ревел поток; страшные горы

вырастали во всех направлениях. Величественный ландшафт, не оживляемый ни пятнами перебегающего света, ни одиноким солнечным лучом, был, однако, чрезвычайно резок в своей дикости. Сердца двух одиноких людей могли бы немного сжаться от жуткого чувства, если бы они прокладывали себе дорогу на протяжении десятков миль и часов среди целого легиона молчаливых и неподвижных людей — таких же людей, как они сами — пристально смотрящих на них с нахмуренным челом. Но насколько же больше должны они сжаться перед легионом могущественнейших творений Природы и перед мрачностью, которая может через одно мгновение превратиться в ярость!

По мере того, как они поднимались, дорога становилась постепенно все более неудобной и трудной. Но бодрость духа Вендэля увеличивалась вместе с тем, как они восходили все выше и выше, оставляя за собой все больше пройденного пространства. Обенрейцер говорил мало и шел вперед к какой-то определенной им цели. Оба они вполне подходили в этой экспедиции в отношении ловкости и неутомимости. Все то, что природный горец читал в различных приметах погоды и что было скрыто для другого, он держал

про себя.

— Перейдем ли мы через перевал сегодня? — спросил Вендэль.

— Нет, — ответил его спутник. — Вы видите, что здесь снег лежит гораздо более толстым слоем, чем он лежит на пол-лиги[1] ниже. Чем выше мы будем подниматься, тем глубже будет снег. Даже сейчас мы скорее бредем, чем идем. А дни так коротки! Будет хорошо, если мы поднимемся до высоты пятого Убежища и переночуем сегодня в Странноприимном доме.

— А нет опасности, что погода разыграется ночью, — спросил тревожно Вендэль, — и нас заметет снегом?

— Вокруг нас достаточно опасностей, — сказал Обенрейцер, бросив тревожный взгляд вперед и посмотрев вверх, — для того, чтобы молчание стало лучшей нашей политикой. Вы слышали о Гантеровском мосте?

— Я переезжал через него однажды.

— Летом?

— Да, в сезон путешествий.

— Да, но это совершенно другое дело в такой сезон, — произнес Обенрейцер с презрительной

---

[1] Примечания: 1

Лига = 3 географических мили.

улыбкой, как будто он был не в духе. — Вы, господа праздные путешественники, не очень много знаете относительно того времени года и того положения вещей, которое существует сейчас на Альпийском перевале.

— Вы мой проводник, — сказал Вендэль в очень хорошем расположении духа. — Я вам доверяю.

— Я ваш проводник, — сказал Обенрейцер, — и я буду сопровождать вас до конца вашего путешествия. Вот мост перед нами.

Они повернули в пустынную и угрюмую лощину, где лежал глубокий снег под ними, над ними, со всех сторон. Произнося эти слова, Обенрейцер остановился, указывая на мост, и взглянул на Вендэля с каким-то очень странным выражением на своем лице.

— Если бы я, как проводник, послал вас туда вперед и подстрекнул крикнуть раза два, то вы могли бы обрушить на себя тонны, тонны и тонны снега, который не только бы убил вас на месте, но одновременно и похоронил бы на страшной глубине.

— Без сомнения, — сказал Вендэдь.

— Без сомнения. Но я, как проводник, вовсе не это должен делать. Итак, проходите молча. Иначе, если мы пойдем так, как мы сейчас идем,

то по нашей неосторожности снег может рухнуть и завалит собой еще и *меня.* Идемте вперед!

На мосту было громадное скопление снега, и такие огромные массы его нависли над нашими путниками с выдавшихся вперед скал, что они словно прокладывали себе путь через грозовое небо, покрытое белыми облаками. Обенрейцер осторожно шел впереди, искусно пользуясь своим альпенштоком, чтобы прощупывать дорогу, и посматривал наверх, подняв плечи, как будто бы противясь даже простой мысли о падении снега с высоты. Вендэль непосредственно следовал за ним. Они были уже на середине своего опасного пути, как вдруг произошел мощный обвал, за которым последовал как бы удар грома, Обенрейцер зажал рукой Вендэлю рот и указал на пройденное ими пространство. Вид его совершенно изменился в один миг. Через него прокатилась лавина и низринулась в поток, белевший внизу на дне пучины.

Появление их в уединенной гостинице, расположенной неподалеку за этим страшным мостом, чрезвычайно изумило людей, заключенных безвыходно в доме.

— Мы остановимся только передохнуть, — сказал Обенрейцер, стряхивая у очага снег со своей

одежды. — У этого джентльмэна очень спешное дело, которое заставляет его идти через перевал; скажите им об этом, Вендэль.

— Безусловно верно, у меня очень спешное дело. Я должен перейти через горы.

— Слышите, все вы. У моего друга очень спешное дело, которое заставляет его идти, и мы не нуждаемся ни в совете, ни в помощи. Я такой же хороший проводник, мои земляки, как и любой из вас. Теперь дайте нам чего-нибудь пить и есть.

Совершенно то же самое и почти в тех же самых выражениях сообщил Обенрейцер изумленной толпе в Странноприимном доме, глазевшей на них, когда они, с наступлением темноты, поборо-ли чрезвычайно увеличившиеся трудности пути и достигли, наконец, места, предназначенного ими для ночлега и снимали теперь у очага свои мокрые башмаки и отряхали снег с одежды.

— Хорошо столковаться сразу друг с другом, мои друзья. У этого джентльмэна…

— …очень спешное дело, — сказал Вендэль, быстро договаривая за него с улыбкой, — которое побуждает меня неотложно перейти через горы. Непременно нужно перейти.

— Вы слышите?.. У него очень спешное дело, которое заставляет его перейти через горы. Не-

пременно нужно перейти. Нам не надо ни совета, ни помощи. Я природный горец и иду в качестве проводника. Не надоедайте нам расспросами об этом, но дайте нам поужинать, выпить вина и лечь в кровать.

В течение всей очень холодной ночи та же зловещая тишина. Опять на рассвете солнце не окрашивает снега в золото и багрянец; тот же неподвижный воздух; то же монотонное пасмурное небо.

— Путники, — окликнул их дружелюбный голос из дверей, когда они уже готовились к походу, с ранцами на спине и альпенштоками в руках, как накануне, — помните, что на опасном пути, предстоящем вам, есть пять убежищ, расположенных близко друг от друга; на дороге стоит деревянный крест, а за ним следующий Странноприимный дом. Не сбейтесь с пути. Если начнется «tourmente» (вьюга), то немедленно спасайтесь в убежище!

— Таково уж ремесло этих бедных парней! — сказал Обенрейцер своему другу и презрительно махнул рукой назад но направлению голоса. — Как они льнут к своим заработкам! Вы, англичане, говорите, что мы, швейцарцы, жадны к наживе. Право, это похоже на правду!

Они разложили по своим двум ранцам те припасы, которыми могли запастись в это утро; эта предосторожность казалась им не лишней. Обенрейцер понес вино, как свою долю ноши; Вендэль — хлеб, мясо, сыр и фляжку с водкой.

Они уже несколько времени с трудом подвигались вперед все выше и выше по снегу, который доходил им теперь до колен на дороге и был неизвестно какой глубины по сторонам ее — и еще прокладывали себе путь, с большим трудом поднимаясь все вперед и выше, через наиболее страшную часть этой ужасной пустыни, когда начал идти снег. Сначала закружились медленно и спокойно всего только несколько хлопьев снега. Но спустя немного времени, снег стал идти гораздо сильнее и внезапно начал крутиться спиралями без всякой видимой причины. Сейчас же вслед за этой переменой на наших путешественников налетел с ревом порыв ледяного ветра. Теперь все звуки и силы, связанные до этих пор, сразу получили свободу.

Одна из тех мрачных галерей, через которые проведена дорога в этом опасном месте — пещера, расширенная сводами страшной мощности, — была неподалеку. Едва они с трудом пробились к ней, как буря забушевала со всею яростью.

Завывание ветра, шум бегущей воды, грохотанье падающих вниз масс снега и осколков скал, страшные голоса, которые, казалось, внезапно стали раздаваться не только из глотки этого ущелья, но из всех ущелий целого чудовищного горного хребта, тьма, словно ночью, яростное кружение снежных хлопьев, которые дробились и превращались в пену, ослеплявшую их, безумие всех стихий, ненасытно жаждущих разрушения, мгновенный переход от бешеной ярости к неестественному спокойствию и от вихря потрясающих душу звуков к полной тишине, — все это могло заставить оледенеть кровь людей, находящихся на краю глубокой пропасти, хотя свирепый ветер и без того леденил кровь, став буквально плотным от льдинок и снега.

Обенрейцер, безостановочно расхаживавший взад и вперед по галерее, сделал знак Вендэлю помочь ему отстегнуть пряжки своего ранца. Они могли видеть друг друга, но один не мог слышать слов другого. Вендэль повиновался, и Обенрейцер достал бутылку вина и, налив немного, предложил Вендэлю выпить его, а не водки, чтобы согреться. Вендэль снова повиновался, Обенрейцер, по-видимому, выпил тоже после него, а затем оба они стали расхаживать взад и

вперед бок о бок; оба хорошо впали, что отдых или сон равносилен смерти.

Снег стал медленно засыпать галерею у верхнего ее конца, через который они должны были выходить из нее, если им вообще суждено было выйти, так как еще большие опасности предстояли им на пути, чем раньше. Скоро снег начал заваливать своды пещеры. Час спустя, снег лежал уже на такой высоте, что в галерее стало вдвое меньше снова появившегося дневного света. Но теперь снег крепко замерзал по мере своего падения и поэтому можно было пролезть через него или по нему.

Ярость горной бури постепенно уступила свое место снегу, который неизменно падал и падал. Временами ветер еще бушевал, но лишь порывами, и когда он затихал, снег падал тяжелыми хлопьями.

Они пробыли, вероятно, часа два в своей ужасной темнице, когда Обенрейцер, то прокапываясь сквозь снежную стену, то ползя по ней, опустив вниз голову и касаясь спиной свода, проложил себе дорогу из галереи. Вендэль непосредственно следовал за ним, но следовал без всякого ясного понимания или соображения. Базельская летаргия снова охватила его и овладела его чув-

ствами.

Как далеко следовал он за Обенрейцером, выйдя из галереи или с какими препятствиями пришлось ему еще бороться, он не знал. Он очнулся от сознания того, что Обенрейцер бросился на него и что они стали отчаянно бороться в снегу. Он очнулся, вспомнив, что было на поясе у его противника. Он ощупал это, вытащил, ударил им, снова стал бороться, еще раз ударил, сбросил противника с себя и очутился лицом к лицу с ним.

— Я обещал быть вашим проводником до конца вашего пути, — сказал Обенрейцер, — и я сдержал свое обещание. Путь вашей жизни оканчивается здесь. Ничто не может продлить его. Вы спите стоя!

— Ты негодяй! Что ты сделал со мной?

— Ты дурак. Я подмешал тебе снотворного. Ты дважды дурак, потому что я уже раз подсыпал тебе его перед нашим путешествием, чтобы испытать тебя. Ты трижды дурак, так как я вор и подделыватель и через несколько мгновений возьму с твоего бесчувственного тела доказательства того, что я вор и мошенник.

Попавшийся в ловушку человек пытался стряхнуть с себя оцепенение, но его роковая власть над ним была так сильна, что он, даже и услышав

эти слова, все же бессмысленно удивлялся, кто из них ранен и чью это он видел кровь, которой был забрызган снег.

— Что я сделал тебе, — спросил он с трудом и неясно, — что ты стал… таким подлым убийцей?

— Сделал мне? Ты уже погубил меня хотя бы тем, что дошел до конца своего пути. Твоя проклятая неугомонность встала между мной и тем временем, в которое, как я рассчитывал, мне удалось бы вернуть обратно деньги. Что ты мне сделал? Ты вставал у меня на пути — не раз, не два, но постоянно, постоянно, постоянно. Пробовал ли я с самого начала избавиться от тебя или нет? От тебя нельзя было избавиться. Поэтому-то ты и умираешь здесь.

Вендэль пытался связно мыслить, пытался связно говорить, пытался поднять с земли альпеншток с железным наконечником, который он выпустил из рук; но, не будучи в силах достать до него, он пытался удержаться на колеблющихся ногах без его помощи. Все напрасно, все напрасно! Он оступился и тяжело упал вперед на край бездны.

Почти засыпая, с угасающим сознанием, не будучи в силах подняться на ноги, с каким-то туманом перед глазами, с притупленным чув-

ством слуха, он сделал такое отчаянное усилие, что, опершись на руки, мог видеть своего врага, стоявшего спокойно над ним, и слышать, что он говорил ему.

— Ты называешь меня убийцей, — сказал Обенрейцер с ужасным смехом. — До такого названия мне очень мало дела. Но, ведь, в конце концов, я ставил свою жизнь против твоей, так как я окружен опасностями и, быть может, никогда не выйду отсюда живым. Вьюга снова поднимается. Снежные вихри уже закружились. Теперь я должен получить бумаги. Моя жизнь зависит от каждой минуты.

— Стой! — закричал Вендэль страшным голосом и стал подниматься, качаясь, на ноги, собрав свои силы с последним проблеском энергии, еще таившейся в нем, и сжал своими обеими руками воровские руки, дотронувшиеся до его груди. — Стой! Прочь от меня! Благослови, Боже, мою Маргариту! К счастью, она никогда не узнает, как я умер. Отойди от меня и дай мне взглянуть в твое преступное лицо. Пусть оно напомнит мне… что-то… чего я не успел сказать.

Видя, как он борется с таким трудом со своими мыслями, и не зная, не обладает ли он, быть может, сейчас силой дюжины людей, его противник

не двигался. Безумно смотря на него сверкающим взором, Вендэль, запинаясь, произнес следующие бессвязные слова:

— Не будет… доверие… умершего… обмануто мною… принимавшиеся за родителей… неправильно унаследованное имущество… подумайте об этом.

Когда его голова склонилась на грудь и он снова опустился на краю пропасти, как раньше, воровские руки еще раз направились торопливо и озабоченно к его груди. Он сделал конвульсивную попытку вскрикнуть: «Нет!», в отчаянии перевернулся и скатился в бездну, ускользнув от вражеского прикосновения, подобно привидению в кошмарном сне.

Буря в горах снова разбушевалась и снова затихла. Страшные горные голоса замерли, поднялся месяц и мягко и беззвучно падал снег.

Из дверей Странноприимного дома вышли двое людей и две больших собаки. Люди заботливо стали озираться по сторонам и взглянули на небо. Собаки начали кататься но снегу, хватали его в пасти и взрывали своими лапами.

Один из них обратился к другому:

— Мы можем теперь попытаться. Мы, быть может, найдем их в одном из пяти убежищ.

У каждого из них за спиной была привязана корзина, у каждого в руках был здоровый шест с крючком на конце; каждый был обвязан под мышками крепкой веревкой, которой они оба, кроме того, были связаны между собой.

Внезапно собаки перестали прыгать по снегу, остановились, глядя вниз на подъем, подняли носы кверху, затем зарылись ими в снег, стали чрезвычайно волноваться и, наконец, залились обе вместе густым громким лаем.

Оба человека взглянули на обеих собак. Обе собаки взглянули, по крайней мере, с таким же умом на лица обоих людей.

— Тогда, au secours[2]. Помогайте! На выручку! — закричали оба человека. Собаки понеслись скачками вперед с радостным, глубоким, благородным лаем.

— Еще двое сумасшедших! — сказали люди, пораженные изумлением, и стали смотреть при свете месяца вдаль, не двигаясь со своего места. — Возможно ли в такую погоду! И один из них женщина!

Обе собаки держали в зубах по концу платья женщины и тащили ее за собой. Она гладила их

---

[2] Примечания: 2
На помощь.

по голове, поднимаясь за ними, и шла но снегу привычным шагом. Не так шел тащившийся за нею толстяк, который выбился из сил и совсем согнулся.

— Дорогие проводники, дорогие друзья путешественников. Я из вашей страны. Мы ищем двух джентльменов, переходящих через перевал, которые должны были придти в Странноприимный дом в этот вечер.

— Они приходили уже в него, ma'amselle.

— Слава Богу! О, слава Богу!

— Но, к несчастью, они снова покинули его. Сейчас мы отправляемся их искать. Мы выжидали, пока прекратится вьюга. Она была здесь, наверху, ужасна.

— Дорогие проводники, дорогие друзья путешественников! Позвольте мне идти с вами. Позвольте мне идти с вами, ради любви к Богу! Один из этих джентльменов должен стать моим мужем. Я люблю его, о, я его так нежно люблю. О, так нежно! Вы видите, я не из слабых, вы видите, я не устала. Я природная дочь крестьянина. Я докажу вам, что хорошо знаю, как привязать себя к вашим веревкам. Я сделаю это собственными своими руками. Клянусь, что я буду храбра и полезна вам. Но только позвольте мне идти с вами,

позвольте мне идти с вами! Если с ним случилось какое-нибудь несчастье, моя любовь найдет его, когда уже ничто другое не сможет. Умоляю вас на коленях, дорогие друзья путешественников! Ради той любви, которую ваши дорогие матери питали к вашим отцам!

Добрые грубые парни были тронуты.

— В конце концов, — шептали они друг другу, — она говорит совершенную правду. Она знает горные дороги. Смотри, как удивительно, что она дошла сюда. На что касается monsieur, ma'amselle?

— Дорогой мистер Джоэ, — сказала Маргарита, обращаясь к нему на его языке, — вы останетесь в доме и будете ждать меня, не правда ли?

— Коли бы только мое знатье, который из вас двух посоветовал это, — заворчал Джоэ Лэдль, уставившись на обоих проводников с величайшим негодованием, — то я взлупил бы вас на шесть пенсов и заплатил бы полкроны за протори и убытки. Нет, мисс. Я буду неотступно следовать за вами, пока во мне останется хоть сколько-нибудь сил, и умру за вас, если не смогу сделать ничего лучшего.

Положение месяца показывало, что чрезвычайно важно не терять ни минуты времени, к

тому же и собаки выказывали признаки чрезвычайного беспокойства; поэтому проводники быстро пришли к определенному решению. Соединявшая их обоих веревка была заменена другой, более длинной; вся партия была перевязана между собой, Маргарита шла второй, а погребщик последним; так они тронулись в путь по направлению к убежищам. Действительное расстояние до них было ничтожным; все пять убежищ и следующий Странноприимный дом в придачу лежали на протяжении двух миль; но страшная дорога была покрыта снегом и лежала под белым покровом.

Они безошибочно достигли галереи, где те двое находили себе приют. Вторая снежная буря с таким бешенством пронеслась над ней, что их следы совершенно исчезли. Но собаки бегали взад и вперед, нюхая снег, и были спокойны. Однако, когда партия остановилась у противоположного выхода, где буря особенно бушевала и где снежные сугробы были глубоки, собаки стали волноваться и бегали вокруг одного места в поисках за чем-то.

Так как было известно, что справа лежит большая пропасть, то они отклонились слишком сильно влево и должны были с бесконечным

трудом возвращаться на настоящую дорогу через глубокие снежные поля. Проводник, ведший весь отряд, вытянувшийся в линию, остановил его и начал ориентироваться, когда одна из собак стала разрывать снег немного впереди них. Они все продвинулись вперед, нагнулись, чтобы разглядеть это место, предполагая, что кто-нибудь, может быть, засыпан здесь и увидели, что снег запятнан и что пятна на нем красного цвета.

Тут они заметили, что другая собака заглядывает через край в пропасть, упершись в землю передними лапами, чтобы не упасть вниз, и дрожит всем своим телом. Потом к ней присоединилась и та собака, которая нашла пятно на снегу, и они обе стали бегать взад и вперед, повизгивая и беспокоясь. Наконец, они остановились вместе на краю бездны и, подняв свои морды, заунывно завыли.

— Там внизу кто-то лежит, — сказала Маргарита.

— Я тоже так думаю, — заметил передовой проводник. — Держитесь покрепче двое задних, и дайте нам заглянуть туда.

Второй проводник зажег два факела, взяв их из корзины, и передал передним. Вожак взял один, а Маргарита другой, и они стали смотреть вниз, то

прикрывая факелы, то отводя их вправо и влево, то поднимая, то опуская их, так как глубоко внизу свет месяца боролся с черными тенями ночи. Резкий крик, вырвавшийся из уст Маргариты, нарушил долгое молчание.

— Боже! На выдающемся уступе, где ледяная стена нависает над потоком, я вижу очертания человеческого тела.

— Где, ma'amselle, где?

— Смотрите туда! На ледяном выступе, там, под собаками!

Вожак отодвинулся от края со скорбным видом и все молчали. Но не все были бездеятельны, потому что Маргарита в несколько секунд быстрыми и ловкими пальцами отвязала и себя, и проводника от вершки.

— Покажите мне корзины. У вас всего только две веревки?

— Здесь только две, ma'amselle; но в Странноприимном доме…

— Если он жив — я знаю, что это мой возлюбленный — то он умрет раньше, чем вы сможете вернуться. Дорогие проводники! Благословенные друзья путников! Взгляните на меня. Посмотрите на мои руки. Если они отказываются меня слушать или неверно двигаются, то удержите меня

силой. Если они тверды и движения их верны, то помогите мне спасти его!

Она обмотала вокруг себя веревку под грудью и под мышками, сделана из нее нечто в роде корсажа, навязала на ней узлы, сложила ее конец с концом другой веревки, ссучила и сплела оба конца вместе, связала их друг с другом, поставила ногу на узел, затянула его и передала веревки обоим проводникам, чтобы они стянули узлы еще крепче.

— Она действует под внушением свыше, — говорили они друг другу.

— Именем Всемогущего Милосердия! — воскликнула она. — Вы оба знаете, что я здесь гораздо легче всех. Дайте мне водки и вина и опустите меня вниз к нему. Затем идите за помощью и за более крепкой веревкой. Вы видите, что когда ее опустят ко мне — посмотрите на эту веревку, которой я сейчас обмотана, — я смогу обвязать ее крепко и надежно вокруг его тела. Живого или мертвого я доставлю его наверх или умру вместе с ним. Я люблю его! Что я могу еще вам сказать!

Они обернулись к ее спутнику, но он лежал на снегу без чувств.

— Спустите меня вниз к нему, — сказала она, взяв два маленьких бочонка, которые они нес-

ли, и повесив их на себя, — или я разобьюсь вдребезги! Я крестьянка и не знаю никаких головокружений и боязни; это для меня пустяки и я пламенно люблю его! Спустите меня вниз!

— Ma'amselle, ma'amselle, он должно быть умирает или уже умер.

— Умирает ли он или умер, все же голова моего супруга должна лежать на моей груди, иначе я разобьюсь вдребезги!

Они сдались покоренные. Со всеми предосторожностями, которые допускала их ловкость и обстоятельства, они стали опускать ее с вершины вниз; она скользила по отвесной ледяной стене, направляя себя руками, а они все опускали, опускали и опускали ее, пока до них не долетел крик: «Довольно!»

— Это, действительно, он? Что, он умер? — крикнули они вниз, заглядывая в пропасть.

— Он без чувств, — донесся до них голос, — но его сердце бьется. Оно бьется на моей груди.

— Как он лежит?

— На ледяном выступе, — долетел крик. — Лед тает под ним и будет таять подо мной. Поспешите. Если мы умрем вместе, я буду рада.

Один из проводников помчался с собаками со всей скоростью, какая только была возможна;

другой воткнул зажженные факелы в снег и занялся приведением в чувство англичанина. Сильное растирание снегом и немного водки поставили его на ноги, но он бредил и совершенно не сознавал, где он.

Проводник же остался на страже на краю пропасти и беспрерывно кричал вниз: «Мужайтесь! Они скоро будут здесь. Как ваши дела?» И до него долетел голос: «Его сердце еще бьется у меня на груди. Я грею его в своих объятиях. Я сбросила с себя веревку, потому что лед тает под нами, и веревка может разлучить меня с ним, но я не боюсь».

Месяц зашел за горные вершины, и вся пропасть погрузилась во тьму. Сверху слышен голос: «Как у вас там?» Снизу доносится: «Мы опускаемся все ниже, но его сердце еще бьется у меня на груди».

Наконец, нетерпеливый лай собак и отблеск света на снегу возвестили, что приближается помощь. Двадцать или тридцать человек, фонари, факелы, носилки, веревки, одеяла, дрова, чтобы развести большой костер, укрепляющие и возбуждающие средства, все это быстро появилось. Собаки перебегали от одного человека к другому, от одной вещи к другой и кидались к краю

пропасти с немой мольбой: спешите, спешите, спешите! Сверху слышен крик: «Благодарение Богу, все готово. Как у вас там?»

Снизу доносится: «Мы все опускаемся и мы смертельно замерзли. Его сердце более не бьется у меня на груди. Пусть никто не спускается вниз, чтобы не увеличить нашей тяжести. Спустите только веревку».

Костер сильно разгорелся и ослепительный блеск массы факелов озарял бока пропасти; были спущены фонари, была спущена крепкая веревка. Можно было видеть, как она обвязывает вокруг него и надежно закрепляет ее.

Среди мертвой тишины долетает снизу крик: «Поднимайте! Тихонько!»

Они могли видеть, как сжалась ее ослабевшая фигурка, когда он повис в воздухе.

Они не издали ни одного восклицания, когда одни из них клали его на носилки, а другие опускали другую крепкую веревку. Снова среди мертвой тишины долетел снизу крик: «Поднимайте! Тихонько!» Но когда они подхватили ее у края пропасти, тогда они стали ликовать, тогда они стали плакать, стали возносить благодарения Небу, стали целовать ее ноги, ее платье, тогда собаки стали ласкаться к ней, лизали ее ледяные

ручки и согревали своими честными мордами ее окоченевшую грудь!

Она вырвалась от них всех, упала на него, бросившись к носилкам, и положила свои обе любящие руки на сердце, которое уже замолкло.

ДЕЙСТВИЕ IV

Часы-замок

Прелестное место действия — Невшатель; прелестный месяц — апрель; прелестное помещение — контора нотариуса; прелестное лицо в ней — сам нотариус: розовый, сердечный, славненький старичок, главный нотариус Невшателя, известный по всему кантону под именем maître'a Фохта. И по своей профессии, и сам по себе нотариус был очень популярен. Бесконечные услуги, оказанные им, и его бесчисленные странности сделали его уже много лет тому назад одним из выдающихся общественных деятелей этого прелестного швейцарского городка. Его длинный коричневый фрак и черная шляпа, как у лодочника, были в числе местных достопримечательностей: он, кроме того, носил табакерку, которая с точки зрения своих размеров считалось в народе не имеющей себе равной во всей Европе.

В конторе нотариуса было другое лицо, не столь приятное, как сам нотариус. Это был Обенрейцер.

Необычайно идиллической была эта контора, которой никогда не нашлось бы равной в Англии. Она помещалась на чистеньком заднем дворе,

отгороженном от хорошенького цветника. Козы щипали траву около дверей, а корова помещалась в полдюжине футов от клерка, составляя ему компанию. Кабинетом maître'a Фохта была светлая и вылощенная комнатка со стенами, обшитыми панелями, похожая на игрушечку. Смотря по времени года, розы, подсолнечники, мальвы заглядывали в окна. Пчелы maître'a Фохта жужжали в конторе целое лето, влетая через одно окно и вылетая через другое, часто навещая ее во время своих дневных трудов, словно можно было сделать мед из приятного характера maître'a Фохта. Большой музыкальный ящик на каминной доске часто наигрывал из увертюры к Фра-Дьяволо или выводил сцену избрания Вильгельма Телля с таким веселым щебетаньем, которое приходилось прекращать силой при входе клиента, но которое неудержимо раздавалось снова, едва тот поворачивал спину.

— Мужайтесь, мужайтесь, дружище! — говорил maître Фохт, слегка похлопывая Обенрейцера по коленке с отеческим и ободряющим видом. — Вы с завтрашнего утра начнете новую жизнь здесь, в моей конторе.

Обенрейцер, одетый в траур и сдержанный в своих манерах, поднес руку, в которой был белый

носовой платок, к сердцу.

— Благодарность здесь, — сказал он. — Но здесь нет слов, чтобы выразить ее.

— Та-та-та! Не толкуйте мне о благодарности! — заметил maître Фохт. — Я питаю отвращение к зрелищу удрученного горем человека. Я вижу, что вы удручены и протягиваю вам инстинктивно свою руку. Кроме того, я еще не настолько состарился, чтобы позабыть дни своей юности. Ваш отец послал мне моего первого клиента. (Дело шло о пол-акре виноградника, который редко давал каких-нибудь несколько гроздей). Разве я ничего не должен сыну вашего отца? Я должен ему отплатить за его дружескую обязательность, и я плачу за нее вам. Это, мне кажется, довольно ясно объяснено, — прибавил maître Фохт, придя в чрезвычайно хорошее расположение духа от своих слов. — Позвольте мне вознаградить себя за свои добродетели щепоткой табаку!

Обенрейцер опустил глаза вниз, словно был даже недостоин видеть, как нотариус задаст себе понюшку табаку.

— Окажите мне последнее одолжение, monsieur, — сказал он, подняв, наконец, свой взор. — Не действуйте, подчиняясь первому побуждению. До сих пор вы имеете только общее

понятие о моем положении. Выслушайте все дело во всех его подробностях, со всеми за и против, прежде чем брать меня в свою контору. Пусть мои надежды на вашу благосклонность будут признаны вашим здравым смыслом так же, как и вашим превосходным сердцем. В таком случае я смогу высоко поднять свою голову перед злейшими из своих врагов и составить себе новую репутацию на развалинах той, которую я потерял.

— Как вам угодно, — сказал maître Фохт. — Вы хорошо говорите, мой сын. Вы будете искусным юристом когда-нибудь.

— Подробности не многочисленны, — продолжал Обенрейцер. — Мои бедствия начинаются со времени случайной смерти моего покойного спутника по путешествию, моего погибшего дорогого друга мистера Вендэля.

— Мистера Вендэля, — повторил нотариус. — Да, совершенно верно. Я слышал об этом и читал об этой фамилии несколько раз в течение этих двух месяцев. Это фамилия того несчастного джентльмена, англичанина, который был убит на Симплоне. Когда вы получили рану, от которой у вас этот рубец на щеке и шее.

— От моего собственного ножа, — сказал Обенрейцер, дотрагиваясь до того, что должно было

быть безобразной раной в момент ее нанесения.

— От вашего собственного ножа, — согласился нотариус, — когда вы старались спасти своего спутника. Хорошо, хорошо, хорошо. Это было очень хорошо. Вендэль!.. да!.. Мне недавно несколько раз приходила в голову странная мысль, что у меня как будто однажды был клиент с такой фамилией.

— Но, ведь, monsieur, мир так мал! — заметил Обенрсйцер. Однако он постарался запомнить, что у нотариуса однажды был клиент с такой фамилией.

— Как я уже сказал, monsieur, смерть этого дорогого товарища по путешествию послужила началом моих бедствий. Что происходит вслед за этим? Я спасаюсь. Прихожу в Милан. Меня очень холодно принимает Дефренье и К°. Немного спустя, Дефренье и К° отказывает мне от места. Почему? Они не объясняют причин. Я спрашиваю, не скомпрометировано ли мое доброе имя? Ответа нет. Я спрашиваю, в чем они меня обвиняют? Ответа нет. Я спрашиваю, где их доказательства против меня? Ответа нет. Я спрашиваю, что же я должен думать? Отвечают: «Monsieur Обенрейцер волен думать, что ему угодно. Для Дефренье и Компании совершенно

не важно, что думает monsieur Обенрейцер». И это все.

— Великолепно. Это все, — согласился нотариус, взяв порядочную щепотку табаку.

— Но разве этого достаточно?

— Этого недостаточно, — сказал maître Фохт. — Фирма Дефренье принадлежит к числу моих друзей — сограждан — очень уважаемых, очень чтимых, — но фирма Дефренье не должна молча губить репутацию человека. Вы можете ответить на жалобу истца. Но как вы вчините иск против молчания?

— Ваше чувство справедливости, мой дорогой патрон, — отвечал Обенрейцер, — констатирует одним словом жестокость этого дела. Но останавливается ли оно на этом? Нет. Ибо, что происходит вслед за этим?

— Это точно, мой бедный мальчик, — сказал нотариус, кивнув раза два головой, чтобы ободрить его, — особа, находящаяся под вашей опекой, возмущена против вас из-за всего этого.

— Возмущена — это слишком мягко сказано, — возразил Обенрейцер. — Особа, находящаяся под моей опекой, восстает с ужасом против меня. Эта особа оказывает мне неуважение. Эта особа убегает от моей власти и скрывается (мадам

Дор вместе с нею) в доме английского юриста, мистера Бинтрея, который отвечает на ваши обращения к ней с требованием подчиниться моей власти тем, что она не сделает этого.

— И который после этого пишет, — сказал нотариус, отодвигая свою громадную табакерку, чтобы найти в бумагах, лежавших под ней, письмо, — что он прибудет для совещания со мной.

— Правда? — спросил Обенрейцер, немного раздосадованный. — Прекрасно, monsieur. Разве у меня нет никаких законных прав?

— Разумеется, есть, мой бедный мальчик, — ответил нотариус. — Все, кроме преступников, имеют свои законные права.

— А кто же называет меня преступником? — сказал свирепо Обенрейцер.

— Никто решительно. Будьте тверды под тяжестью несправедливости. Если бы фирма Дефренье назвала вас преступником, то, конечно, мы знали бы, как нам рассчитаться с ними.

Произнося эти слова, он протянул очень короткое письмо Бинтрея Обенрейцеру, которое тот теперь прочел и передал обратно.

— Говоря, что он прибудет для совещания с вами, — заметил Обенрейцер, к которому снова вернулось его хладнокровие, — этот английский

юрист хочет сказать, что он прибудет отрицать мою власть над особой, находящейся под моей опекой.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен. Я знаю его. Он упрям и придирчив. Скажите мне, дорогой нотариус, можно ли оспаривать мое право, пока лицо, опекаемое мною, не станет совершеннолетним?

— Абсолютно невозможно.

— Я буду указывать на это. Я заставлю ее подчиниться мне. Я обязан этим вам, сударь, — произнес Обенрейцер, переменяя свой раздраженный тон на тон признательной кротости, — вам, который так доверчиво принял оскорбленного человека под свое покровительство и к себе на службу.

— Успокойтесь, — сказал maître Фохт. — Ни слова больше об этом теперь, и никаких благодарностей! Будьте здесь завтра утром прежде, чем придет другой клерк — между семью и восемью. Вы найдете меня в этой комнате; и я сам ознакомлю вас с вашим делом. Проваливайте! Проваливайте! мне надо писать письма. Не хочу больше слышать ни одного слова.

Отпущенный с такой великодушной грубостью и удовлетворенный тем благоприятным впечатлением, которое он произвел на старика,

Обенрейцер мог на досуге возвратиться к той заметке, которую сделал про себя относительно того, что у maître'а Фохта был однажды клиент по фамилии Вендэль.

— Я должен был довольно хорошо познакомиться с Англией за это время, — так потекли его размышления, когда он уселся на скамье во дворе, — и это такое имя, с которым я никогда там не встречался, за исключением, — он невольно взглянул через плечо, — *его* имени. Разве мир так мал, что я не могу отделаться от него даже теперь, когда он умер? Перед смертью он сознался, что обманул доверие умершего и неправильно унаследовал имущество. И я должен был подумать об этом. И я должен был отойти, чтобы мое лицо могло напомнить ему об этом. Почему мое лицо, разве это *меня* касаясь? Я уверен, что он сказал это, так как его слова звучат у меня в ушах до сих пор. Нет ли чего относящегося к ним в архиве этого старого идиота? Чего-нибудь такого, что могло бы поправить мои дела и очернит его память? Он все расспрашивал о моих самых ранних воспоминаниях в ту ночь в Базеле. К чему это, не было ли у него какой-нибудь цели?

Два самых больших козла maître'а Фохта нацелились рогами на Обенрейцера, чтобы согнать

его с места, точно за непочтительный отзыв об их хозяине. Поэтому он поднялся и оставил скамейку. Но он долго проходил один по берегу озера, опустив голову на грудь и погружаясь в глубокую задумчивость.

На следующее утро между семью и восемью он снова заявился в контору. Там он нашел нотариуса, готового принять его, за работой над несколькими бумагами, полученными в предыдущий вечер. В немногих ясных словах maître Фохт объяснил обычный обиход конторы и те обязанности, выполнение которых возлагалось на Обенрейцера. Еще оставалось пять минут до восьми, когда было объявлено, что все предварительные инструкции уже даны.

— Я познакомлю вас с домом и конторой, — сказал maître Фохт, — но должен сперва спрятать эти бумаги. Они получены от муниципальных властей и о них нужно особенно позаботиться.

Тут Обенрейцер увидел, что ему везет в розысках того помещения, где сохраняются секретные бумаги его хозяина.

— Не могу ли я заменит вас, maître, — спросил он, — и спрятать эти документы, куда вы укажете?

Maître Фохт тихонько рассмеялся про себя;

запер портфель, в котором ему были присланы бумаги, и протянул его Обенрейцеру.

— Ну, хорошо, попробуйте, — сказал он. — Все мои важные бумаги сохраняются вон там.

Он указал на тяжелую дубовую дверь, густо усаженную гвоздями, в дальнем конце комнаты. Подойдя с портфелем в руках к двери, Обенрейцер к своему изумлению сделал открытие, что не было никакой возможности отворить ее снаружи. На двери не было ни ручки, ни засова, ни ключа (постепенное нарастание удивления!), ни замочной скважины.

— В эту комнату ведет еще вторая дверь? — сказал Обенрейцер, обращаясь к нотариусу.

— Нет, — ответил maître Фохт. — Угадывайте снова.

— Там есть окно?

— Ничего подобного. Окно заложено. Единственный вход через эту дверь. Вы сдаетесь? — воскликнул maître Фохт с величайшим триумфом. — Прислушайтесь, мой дружище, и скажите мне, не слышите ли вы чего-нибудь внутри?

Обенрейцер прислушивался с минуту и отскочил от двери.

— Знаю! — воскликнул он. — Я слышал об этом, когда был здесь в ученьи у часовых дел мастера.

Братья Перрэн окончили, наконец, свои знаменитые часы-замок — и вы приобрели их?

— Браво! — сказал maître Фохт. — Это часы-замок! Да, мой сын. Вот еще один образец того, что добрые граждане этого города называют: «Дурачествами дядюшки Фохта». От всей души рад! Пусть смеются все, кто хочет. Но никакой вор не сможет украсть *у меня* ключей. Никакой громила не сможет просверлить *моего* замка. Никакая земная сила, кроме разве тарана или бочонка с порохом, не сможет сдвинуть с места этой двери, пока мой маленький часовой, там внутри — мой почтенный друг, который идет «Тик-Тик», так я и зову его — не скажет:- «Откройся!» Толстая дверь повинуется маленькому Тик-Тик, а маленький Тик-Тик повинуется *мне!* Вот! — воскликнул дядюшка Фохт, щелкнув пальцами. — Защита от воров всех христианских стран!

— Нельзя ли мне посмотреть их в действии? — спросил Обенрейцер. — Извините меня за любопытство, дорогой maître! Вы знаете, я был когда-то сносным работником в часовом деле.

— Разумеется, вы должны увидеть их в действии, — сказал maître Фохт. — Сколько сейчас времени? Без одной минуты восемь. Подождите, и через минуту вы увидите, что дверь сама

отворится.

Через одну минуту тяжелая дверь плавно, мягко и бесшумно открылась изнутри, словно ее отпустили на волю какие-то невидимые руки, и за нею оказалась темная комната. С трех сторон стены были заполнены от пола до потолка полками. На полках были расставлены друг на друге целые ряды ящиков с изящной деревянной инкрустацией швейцарской работы и на их передней стороне были надписаны (по большей части причудливо раскрашенными буквами) имена клиентов нотариуса.

Maître Фохт зажег восковую свечу и вошел в комнату.

— Вы должны посмотреть на эти часы, — сказал он горделиво. — Я обладаю величайшей диковинкой во всей Европе. Только взоры немногих привилегированных лиц могут взглянуть на нее. Я оказываю эту привилегию сыну вашего доброго отца — вы будете одним из тех немногих избранных, которые входят со мной в эту комнату. Смотрите! Вот они на правой стене около двери.

— Заурядные часы, — воскликнул Обенрейцер. — Нет! Не заурядные! У них всего только одна стрелка.

— Ага! — сказал maître Фохт. — Это не зауряд-

ные часы, мой друг. Нет, нет. Эта одна стрелка ходит по циферблату. Как я ставлю ее, так ею и регулируется тот час, в который дверь должна отвориться. Посмотрите! Стрелка указывает на восемь. Дверь и отворилась в восемь, как вы сами видели.

— Открывается ли она более одного раза в течение двадцати четырех часов? — спросил, Обенрейцер.

— Более одного раза? — повторил нотариус с величайшим презрением. — Вы не знаете, мой добрый друг, моего Тик-Тик! Он столько раз открывает дверь, сколько я его попрошу. Все, что ему надо — это указания, и он получает их здесь. Взгляните под циферблат. Тут находится стальной полукруг, вделанный в стену, а вот стрелка (называемая регулятором), которая ходит по нему и останавливается там, где я выберу. Пожалуйста, обратите внимание, что на этом стальном полукруге нанесены цифры, которыми я руководствовался. Цифра I означает: открывай раз в сутки. Цифра II означает: открывай дважды в сутки и т. д. до конца. Я ставлю регулятор каждое утро по прочтении своих писем, когда выясняется, какова будет моя дневная работа. Хотите посмотреть, как я его сейчас поставлю? Что се-

годня? Среда. Хорошо! Это день собрания нашего стрелкового клуба; занятий сегодня предстоит немного; я дарю вам полдня, сегодня после трех часов не будет никакой работы. Прежде всего давайте спрячем этот портфель с муниципальными бумагами. Так! Нет надобности беспокоить Тик-Тик просьбой открыть дверь до восьми часов следующего утра. Хорошо! Я оставляю стрелку циферблата на восьми; ставлю опять регулятор на I и закрываю дверь; дверь останется закрытой до восьми часов завтрашнего утра, и никто не сможет открыть ее.

Проницательный Обенрейцер мгновенно увидел те средства, при помощи которых он мог бы заставить часы-замок обмануть доверие своего хозяина и предоставить хозяйские бумаги в его распоряжение.

— Стойте, сэр! — воскликнул он в тот момент, когда нотариус собирался закрыть дверь. — Мне кажется, словно что-то шевелится между ящиками… там на полу?

Maître Фохт на мгновение повернулся к нему спиной, чтобы посмотреть, в чем дело. В ту же минуту ловкая рука Обенрейцера передвинула регулятор с цифры I на цифру II. Если только нотариус не взглянет еще раз на стальной полукруг,

то дверь откроется сегодня в восемь часов вечера, так же, как и завтра в восемь утра, и никто кроме Обенрейцера не узнает об этом.

— Ничего нет! — сказал maître Фохт. — Ваши бедствия расшатали вам нервы, мой сын. Какая-нибудь тень, отброшенная от моей свечки, или какой-нибудь бедный жучок, живущий среди бумаг старого юриста, бросившийся бежать от света. Стойте! Я слышу, что ваш — сослуживец — клерк уже в конторе. За работу! За работу! И постройте сегодня первую ступень, которая поведет к вашим новым удачам!

Он с большим добродушием стал выталкивать Обенрейцера из комнаты, потушив свечу, бросив последний любовный взгляд на свои часы, скользнувший без всяких дурных последствий по циферблату под ними, и запер дубовую дверь.

В три часа контора была закрыта. Нотариус и все его служащие, кроме только одного, пошли смотреть на стрельбу из винтовок. Обенрейцер же сослался на то, что он не расположен принимать участие в публичном празднестве. Никто не знал, куда он девался. Решили, что он ускользнул, чтобы предаться уединенной прогулке.

Дом и контора пробыли закрытыми всего только несколько минут, когда дверь гардероба в

комнате нотариуса открылась и оттуда вылез Обенрейцер. Он направился к окну, растворил ставни, удостоверился в том, что может незаметно улизнуть через сад, вернулся опять в комнату и уселся в удобном кресле нотариуса. Он был заперт в доме и ему оставалось прождать пять часов до восьми.

Он старался как-нибудь скоротать эти пять часов: то читая книги и газеты, лежавшие на столе, то погружаясь в раздумье, то расхаживая взад и вперед по комнате. Стало заходить солнце. Обенрейцер закрыл ставни перед тем, как зажечь свечу. Когда она была зажжена, Обенрейцер уселся с часами в руках, устремив взор на дубовую дверь; время подходило все ближе и ближе.

В восемь часов дверь отворилась плавно, мягко и бесшумно.

Он стал читать одно за другим имена на наружных рядах ящиков. Ни одной фамилии, похожей на «Вендэль». Он отодвинул наружный ряд и стал рассматривать задние ящики. Они были более стары и потерты. На четырех первых, которые он осмотрел, были написаны французские и немецкие фамилии. На пятом была надпись, которую почти нельзя было прочесть. Он вынес этот ящик в комнату и стал внимательно его рассматривать.

На нем стояла густо покрытая пятнами и пылью от времени фамилия: «Вендэль».

Ключ от ящика висел тут же на тесемке. Обенрейцер отомкнул ящик, вынул четыре отдельных документа, которые лежали в нем, развернул их на столе и принялся читать. Он не провел за этим занятием и одной минуты, как выражение на его лице нетерпения и жадности сменилось выражением страшного удивления и разочарования. Но после небольшого раздумья он снял с документов копии. Затем положил бумаги обратно, поставил ящик на место, запер дверь, потушил свечу и улизнул.

Когда крадущиеся шаги этого убийцы и вора смолкли в саду, у парадной двери дома остановились твердые шаги нотариуса и еще кого-то, шедшего вместе с ним. На маленькой улице горели фонари и освещали нотариуса, держащего в руке ключ от своих дверей.

— Милости прошу, не проходите мимо моего дома, мистер Бинтрей, — сказал он. — Сделайте мне честь, войдя в него. В городе справляют один из наших полупраздничных дней — наш стрелковый праздник — но моя прислуга сейчас вернется. Забавно, что вы обратились ко мне с вопросом, как вам пройти к гостинице. Давайте

закусим и выпьем, прежде чем вы пойдете туда.

— Благодарю вас, но не сегодня, — сказал Бинтрей. — Могу ли я прийти к вам завтра в десять утра?

— Я буду очарован, сэр, что мне так скоро представляется случай загладить обиды моего оскорбленного клиента, — ответил добрый нотариус.

— Да, — возразил на это Бинтрей, — ваш оскорбленный клиент очень хорош во всех отношениях… но… одно слово на ухо.

Он шепнул что-то нотариусу и зашагал прочь от него. Когда экономка Фохта возвращалась домой, то она увидела, что он стоит неподвижно у дверей и все еще держит в руке ключ, а дверь все еще не открыта.

Победа Обенрейцера

Место действия опять переносится — к подножью Симплона на швейцарской стороне.

В одной из мрачных комнат мрачной маленькой гостиницы в Бриге сидели вдвоем мистер Бинтрей и maître Фохт и держали друг с другом профессиональный совет. Мистер Бинтрей рылся в своем ящике с письмами. Maître Фохт обратил свои взоры на запертую дверь, окрашенную в коричневый цвет, якобы под красное дерево, которая вела в следующую комнату.

— Не пора ли ему быть здесь? — спросил нотариус, меняя свое положение и бросив взгляд на вторую дверь в другом конце комнаты, окрашенную в желтый цвет, якобы под ель.

— Он *уже* здесь, — ответил Бинтрей, прислушиваясь на мгновенье.

Слуга открыл желтую дверь, и вошел Обенрейцер.

После сердечного приветствия maître'у Фохту, которое, по-видимому, привело нотариуса в немалое смущение, Обенрейцер со сдержанной и сухой вежливостью поклонился Бинтрею.

— По какому поводу меня заставили приехать

из Невшателя к подножию этих гор? — осведомился он, опускаясь на стул, который ему указал английский юрист.

— Вы будете вполне удовлетворены в этом отношении еще до конца нашей беседы, — отвечал Бинтрей. — Теперь же, позвольте мне перейти сразу к делу. Между вами, мистер Обенрейцер, и вашей племянницей происходила переписка. Я здесь нахожусь, чтобы представлять собою вашу племянницу.

— Другими словами, вы, юрист, находитесь здесь, чтобы представлять собою несоблюдение закона?

— Удивительный вывод! — сказал Бинтрей. — Если бы только все, с кем мне приходилось иметь дело, были похожи на вас, то как бы легка была моя профессия! Я нахожусь здесь, чтобы представлять собою несоблюдение закона — это ваша точка зрения. Я нахожусь здесь, чтобы устроить компромисс между вами и вашей племянницей — это моя точка зрения.

— Для компромисса должны быть две стороны, — возразил на это Обенрейцер. — Я, в данном случае, отказываюсь быть одной из них. Закон дает мне власть следить за поступками моей племянницы, пока она не станет совершеннолетней.

Она еще не совершеннолетняя, и я требую по праву своей власти.

В этот момент maître Фохт попытался заговорить. Бинтрей успокоил его с сострадательной кротостью в тоне голоса и манерах, как будто бы успокаивал любимое дитя.

— Нет, мой почтенный друг, ни слова. Не волнуйтесь понапрасну; предоставьте это мне. — Он повернулся и снова обратился к Обенрейцеру: — Я не могу ничего представить себе подобного вам, мистер Обенрейцер, разве только гранит — но даже и он разрушается с течением времени. В интересах мира и спокойствия — ради вашего собственного достоинства — уступите немного. Дело идет только о передаче вашей власти другому лицу, которое мне известно и которому можно довериться, так как оно никогда не потеряет из виду вашей племянницы ни днем, ни ночью!

— Вы напрасно тратите и свое время, и мое, — ответил на это Обенрейцер. — Если моя племянница не признает моей власти в течение недели с этого дня, то я буду взывать к закону. Если вы будете сопротивляться закону, я возьму ее силой.

Он поднялся на ноги, произнося эти последние слова. Maître Фохт еще раз оглянулся на коричневую дверь, которая вела в следующую комнату.

— Имейте какую-нибудь жалость к бедной девушке, — стал ходатайствовать за нее Бинтрей. — Вспомните, что она совсем недавно потеряла своего возлюбленного, погибшего ужасной смертью! Разве ничто не тронет вас?

— Ничто.

Бинтрей в свою очередь поднялся на ноги и взглянул на maître'a Фохта. Рука Фохта, лежавшая на столе, стала дрожать. Взор его был прикован к коричневой двери, словно силой непреодолимого очарования. Обенрейцер, наблюдавший подозрительно за ним, тоже взглянул в этом направлении.

— Там кто-то подслушивает! — воскликнул он, быстро обернувшись назад и бросив взгляд на Бинтрея.

— Там подслушивают двое, — ответил Бинтрей.

— Кто же это?

— Вы увидите сами.

Ответив так, он возвысил свой голос и произнес следующее слово — одно обыкновенное слово, — которое ежедневно и ежечасно на устах всякого:

— Войдите!

Коричневая дверь отворилась. Опираясь на руку Маргариты, с исчезнувшим с лица загаром,

с забинтованной и висевшей на перевязи правой рукой, перед убийцей предстал Вендэль, человек, воскресший из мертвых.

В последовавший за этим момент молчания, пение птички в клетке, висевшей снаружи во дворе, было единственным звуком, раздававшимся по комнате. Maître Фохт дотронулся до Бинтрея и указал ему на Обенрейцера.

— Посмотрите на него! — сказал нотариус шопотом.

Потрясение парализовало всякое движение в теле негодяя, кроме движения крови. Его лицо стало похожим на лицо трупа. Единственный след краски, оставшейся в нем, была синевато-багровая пурпуровая полоса, указывавшая на направление того рубца, где его жертва нанесла ему рану в щеку и шею. Безмолвный, бездыханный, без движений, без проблеска жизни во взоре, он, при виде Вендэля, словно был поражен на месте этой смертью, в жертву которой обрек его.

— Кто-нибудь должен сказать ему, — произнес maître Фохт. — Не сказать ли мне?

Даже в такой момент Бинтрей настаивал на том, чтобы нотариус успокоился и руководство образом действий осталось за ним самим. Удержав maître'а Фохта жестом, он отпустил Мар-

гариту и Вендэля такими словами:

— Цель вашего появления здесь достигнута, — сказал он. — Если вы теперь соблаговолите удаляться, то это сможет помочь мистеру Обенрейцеру прийти в себя.

Это помогло ему. Едва они оба прошли в комнату и закрыли за собой дверь, как он с облегчением и глубоко вздохнул. Он стал искать глазами около себя стул, с которого встал, и опустился на него.

— Дайте ему срок перевести дух! — взмолился maître Фоэт.

— Нет, — сказал Бинтрей. — Я не знаю, как он им воспользуется, если я дам ему его. — Он снова повернулся к Обенрейцеру и продолжал:- Я должен перед самим собой, — произнес он, — я не допускаю, обратите на это внимание, чтобы должен был сделать это *перед вами* — объяснить свое участие во всем этом и изложить все, что было сделано по моему совету и под моей исключительной ответственностью. Можете вы меня выслушать?

— Я могу вас выслушать.

— Припомните то время, когда вы отправились в Швейцарию с мистером Вендэлем, — начал Бинтрей. — Не прошло еще двадцати четырех часов с того момента, как вы покинули Англию,

как ваша племянница совершила такой акт благоразумия, которого не могла предвидеть даже ваша проницательность. Она последовала за своим нареченным супругом в его путешествии, не испросив ни у кого ни совета, ни разрешения, не выбрав для своей защиты лучшего спутника, чем погребщик из заведения мистера Вендэля.

— Для чего она последовала за мной в путешествие и как это случилось, что погребщик оказался тем лицом, которое отправилось с нею?

— Она последовала за вами в путешествие, — отвечал Бинтрей, — потому, что подозревала, что произошло какое-то серьезное столкновение между вами и мистером Вендэлем, которое держалось от ней в секрете и потому, что она совершенно правильно считала вас способным на преступление ради своих интересов или ради удовлетворения своей вражды. Что же касается погребщика, то он был единственным из всех других служащих в заведении мистера Вендэля, к кому она обратилась (едва вы уехали), чтобы узнать, не случилось ли чего между его хозяином и вами. Один только погребщик мог рассказать ей кое-что. Бессмысленное суеверие и совершенно обыкновенный случай, происшедший с его хозяином в хозяйском же погребе, соединились в

уме этого человека с мыслью о том, что мистеру Вендэлю грозит опасность быть убитым. Ваша племянница захватила его врасплох и довела до такого признания, которое увеличило в десять раз овладевшие ею страхи. Поняв значение зла, которое он причинил, этот человек, по своему собственному побуждению, постарался загладить свою ошибку, поскольку это было в его власти. «Если мой хозяин в опасности, мисс, — сказал он, — то мой долг последовать также за ним, и более, чем мой долг, позаботиться о *вас*». Оба они отправились вместе, и вот впервые оказывается, что суеверие имеет свои полезные стороны. Оно укрепило вашу племянницу в ее решении предпринять эту поездку и оно повело к спасению человеческой жизни. До сих пор вы меня понимаете?

— До сих пор я вас понимаю.

— О том преступлении; которое вы совершили, — продолжал Бинтрей, — я получил первые сведения от вашей племянницы, написавшей мне письмо. Вам достаточно будет узнать, что ее любовь и смелость помогли ей найти тело вашей жертвы и поддерживали ее дальнейшие усилия, с помощью которых она вернула его к жизни. В то время, как он лежал под ее попече-

нием беспомощный в Бриге, она написала мне, чтобы я приехал к нему. Прежде чем уехать, я уведомил мадам Дор, что мне известно, где находится мисс Обенрейцер и что она в безопасности. В свою очередь мадам Дор уведомила меня, что на имя вашей племянницы прибыло письмо, надписанное вашей рукой, которую она узнала. Я взял его с собой и распорядился пересылать все другие письма, которые могли прийти. Приехав в Бриг, я нашел мистера Вендэля вне опасности и немедленно же решил посвятить свои силы на то, чтобы ускорить наступление того дня, в который можно было бы свести с вами счеты. Дефренье и К° выпроводили вас от себя на основании подозрения, действуя при этом в силу уведомления, присланного частным образом мною. После того, как с вас была сорвана ваша фальшивая личина, оставалось сделать дальнейший шаг и лишить вас вашей власти над племянницей. Чтобы добиться этого, я не только не испытывал ни малейшего угрызения совести, роя под вашими ногами яму, куда вы должны были свалиться во мраке, но даже чувствовал некоторое профессиональное удовольствие, побивая вас вашим же собственным оружием. По моему совету от вас заботливо скрывали истину

до сегодняшнего дня. По моему совету ловушка, в которую вы попались, была подставлена для вас именно здесь (теперь вы знаете так же хорошо, как и я, для чего это было сделано). Было всего только одно верное средство лишить вас того дьявольского самообладания, которое до сих пор делало из вас страшного человека. Это средство было испробовано и (смотрите на меня, как вам угодно) оно оказалось удачным. Последнее, что останется еще сделать, — заключил Бинтрей, доставая две небольших уже написанных бумаги из своего ящика с письмами, — это освободить вашу племянницу. Вы покушались на убийство и совершили подлог и воровство. В обоих случаях у нас против вас уже имеются улики. Если вы будете признаны виновным в этих преступлениях, то вы знаете так же хорошо, как и я, что станется с вашей властью над вашей племянницей. Лично я предпочел бы воспользоваться именно таким оборотом дела. Но меня удерживают от этого такие соображения, против которых я не в силах возражать, и наше свидание должно окончиться, как я уже говорил вам, компромиссом. Подпишите эту бумагу, в которой вы отказываетесь от всякой власти над мисс Обенрейцер и ручаетесь, что никогда не появитесь снова ни в Англии, ни

в Швейцарии. Я же подпишу прощение, которое обеспечивает вас от всяких дальнейших преследований с нашей стороны.

Обенрейцер молча взял перо и подписал отказ от своих прав над племянницей. Получив взамен прощение, он встал с места, но не делал никаких движений, чтобы покинуть комнату. Он стоял, устремив взор на maître'а Фохта со странной усмешкой, зазмеившейся на его губах и со странным блеском, светящимся сквозь пелену, застилавшую его глаза.

— Чего вы ждете? — спросил Бнитрей.

Обенрейцер указал на коричневую дверь.

— Позовите их обратно, — отвечал он. — Мне нужно нечто сказать в их присутствии, прежде чем я уйду.

— Скажите это мне, — возразил Бинтрей. — Я отказываюсь звать их обратно.

Обенрейцер повернулся к maître'у Фохту.

— Помните, вы говорили мне, что у вас был когда-то клиент англичанин по имени Вендэль? — спросил он.

— Ну, ладно, — отвечал нотариус. — Что же из этого?

— Maître Фохт, ваши часы-замок изменили вам.

— Что вы хотите сказать?

— Я прочитал письма и удостоверения, лежавшие в ящике вашего клиента. Я снял с них копии. Я принес копии с собой сюда. Достаточна или нет эта причина, чтобы позвать их обратно?

Целую минуту нотариус смотрел растерянно то на Обенрейцера, то на Бинтрея в беспомощном удивлении. Придя в себя, он отвел в сторону своего коллегу-юриста и быстро сказал ему на ухо несколько слов.

Лицо Бинтрея — которое сперва верно отразило удивление, выразившееся на лице maître'a Фохта — внезапно изменило свое выражение. Одним прыжком он ринулся с ловкостью молодого человека к двери, ведущей в следующую комнату, вошел в нее, пробыл там одно мгновенье и вернулся в сопровождении Маргариты и Вендэля.

— Ну, мистер Обенрейцер, — сказал Бинтрей, — последний ход в игре остается за вами. Делайте его.

— Прежде чем отказаться от своего положения в качестве опекуна этой девицы, — сказал Обенрейцер, — мне нужно разоблачить одну тайну, в которой она заинтересована. Делая свое разоблачение, я вовсе не претендую на ее внимание к такому рассказу, который она или кто другой из

здесь присутствующих должны будут принять на веру. У меня имеются письменные доказательства, копии с оригиналов, подлинность которых может удостоверит сам maître Фохт. Запомните это и позвольте мне перенести вас сразу к давно прошедшему времени — к февралю месяцу тысяча восемьсот тридцать шестого года.

— Заметьте эту дату, мистер Вендиль, — сказал Бинтрей.

— Мое первое доказательство, — начал Обенрейцер, вынимая из своей записной книжки бумагу. — Это копия с письма, написанного одной англичанкой (замужней) своей сестре — вдове. Об имени особы, написавшей письмо, я умолчу, пока не дойду до конца. Имя же особы, которой письмо написано я хочу обнаружить. Оно адресовано: «Миссис Джэн Анне Миллер, Грумбриджские Колодцы, Англия».

Вендэль вздрогнул и открыл рот, чтобы заговорить. Бинтрей сейчас же остановил его, как останавливал maître'а Фохта.

— Нет, — сказал упрямый юрист. — Предоставьте это мне.

Обенрейцер продолжал далее:

— Не стоит беспокоить вас первой половиной письма, — сказал он. — Я могу передать содержа-

ние ее в двух словах. Положение автора письма в это время таково. Она уже долго живет в Швейцарии со своим мужем — вынужденная жить здесь ради его здоровья. Они собираются через неделю переезжать в новое свое местожительство, на Невшательское озеро, и будут в состоянии принять миссис Миллер через две недели с этого времени. После этого, автор входит далее в важные интимные подробности. Она бездетна в течение целого ряда лет и у нее с мужем теперь уже нет никакой надежды иметь детей; они одиноки; им нужен какой-нибудь интерес в жизни; они решили усыновить ребенка. Тут начинается важная часть письма, и поэтому отсюда я буду читать его вам слово в слово.

Он перевернул первую страницу письма и стал читать следующее:

> «…Не посодействуешь ли ты нам, моя дорогая сестра, в осуществлении нашего нового проекта? Будучи англичанами, мы хотим усыновить английское дитя. Мне кажется, что это можно сделать в Воспитательном Доме: поверенные моего мужа в Лондоне объяснят тебе, каким образом. Предоставляю выбор тебе, но

только с соблюдением нижеследующих условий: ребенок должен быть мальчиком, не старше одного года. Пожалуйста, извини за беспокойство, которое я тебе причиняю своей просьбой. Не привезешь ли ты наше усыновленное дитя к нам вместе со своими ребятами, когда поедешь в Невшатель?

Я должна добавить еще несколько слов относительно желаний моего мужа, относящихся к этому делу. Он решил уберечь ребенка, которого мы делаем своим собственным, от каких бы то ни было огорчений и потери самоуважения в будущем, что могло бы произойти благодаря открытию его настоящего происхождения. Он будет носить имя моего мужа и будет воспитан в уверенности, что он, действительно, наш сын. Его право на унаследование всего того, что мы ему оставим, будет обеспечено за ним не только согласно английским законам, касающимся таких случаев, но также и согласно швейцарским законам, так как мы прожили столь долго в Швейцарии, что возникает вопрос, нельзя ли нас

рассматривать в качестве лиц, «водворенных» в этой стране. Остается принять только единственную предосторожность, чтобы предупредить всякое последующее раскрытие тайны в Воспитательном Доме. Но на беду наша фамилия очень редко встречается, поэтому, если мы будем фигурировать в книгах этого учреждения в качестве лиц, усыновляющих ребенка, то как раз и может случиться, что от этого произойдут те или иные нежелательные последствия. Твоя же фамилия, моя дорогая, такая фамилия, которую носят тысячи других лиц. Поэтому, если *ты* согласишься фигурировать в книгах, то можно не бояться никаких разоблачений с этой стороны. Мы переезжаем по приказанию доктора в такую часть Швейцарии, где наши домашние дела совершенно неизвестны, а ты, как я поняла из твоих слов, собираешься нанять новую няньку для поездки, когда вы тронетесь в путь, чтобы посетить нас. При таких обстоятельствах может показаться, что это мой ребенок, которого везут ко мне под попечением моей сестры. Единствен-

ная прислуга, которую мы берем с собой отсюда — моя собственная горничная, на которую можно смело положиться. Что же касается юристов в Англии и Швейцарии, то они уже по профессии хранители секретов, и мы можем чувствовать себя совершенно спокойными в этом отношении. Вот тебе и весь наш маленький невинный заговор! Пиши, моя любимая, с обратной почтой и сообщи мне, что ты примешь в нем участие».

— Вы все еще скрываете имя автора этого письма? — спросил Вендэль.

— Я приберегаю имя автора до конца, — ответил Обенрейцер, — и перехожу к своему второму доказательству — на этот раз это, как вы видите, всего только к бумажке в несколько строк. Это меморандум, переданный швейцарскому юристу, составлявшему документы, на которые есть ссылка в только что прочитанном мною письме, написанный в таких выражениях: «Принят от Английского Воспитательного Дома для подкидышей 3-го марта 1836 г. младенец мужеского пола, названный в Заведении Вальтером Уайльдингом. Лицо, фигурирующее в книгах в качестве

усыновителя ребенка — миссис Джэн Анна Миллер, вдова, действующая в данном случае от имени своей замужней сестры, водворившейся в Швейцарии». Терпение! — заметил Обенрейцер, когда Вендэль, отмахнувшись от Бинтрея, вскочил на ноги. — Я не буду долго скрывать имени. Еще две маленьких бумажки, и я окончу. Третье доказательство! Удостоверение доктора Ганца, еще до сих пор практикующего в Невшателе, помеченное июлем 1838 года. Доктор удостоверяет (вы можете сами сейчас же это прочесть), во-первых, что он пользовал усыновленного ребенка во время его детских болезней; во-вторых, что за три месяца до времени выдачи этого удостоверения, джентльмен, усыновивший ребенка, умер; в-третьих, что в день выдачи удостоверения вдова этого джентльмэна и ее горничная, взяв с собой усыновленного ребенка, покинули Невшатель, чтобы вернуться в Англию. Теперь остается прибавить к этому еще одно звено, и моя цепь доказательств будет закончена. Горничная оставалась у своей хозяйки до ее смерти, последовавшей только несколько лет тому назад. Горничная может клятвенно заверить тождественность усыновленного ребенка от его детства до юности, от его юности до возмужалости, в ка-

ковом возрасте он находится теперь. Вот ее адрес. В Англии — и вот, мистер Вендэль, четвертое и последнее доказательство!

— Почему вы обращаетесь ко *мне?* — сказал Вендэль, когда Обенрейцер швырнул на стол записанный адрес.

Обенрейцер повернулся к нему, охваченный внезапно безумным торжеством.

— *Потому что вы этот человек!* Если моя племянница выйдет замуж за вас, то она выйдет за незаконнорожденного, вскормленного общественной благотворительностью. Если моя племянница выйдет за вас, то она выйдет за самозванца без роду и племени, скрывающегося под личиной джентльмэна хорошего положения и фамилии.

— Браво! — воскликнул Бинтрей. — Удивительный вывод, мистер Обенрейцер! Нужно только сказать еще пару слов, чтобы дополнить его. Она выходит замуж — исключительно благодаря вашим усилиям — за человека, получающего в наследство недурное состояние, за человека, происхождение которого заставит его гордиться более, чем когда либо, своей крестьянкой женой. Джордж Вендэль, давайте поздравим друг друга, как содушеприказчики! Последнее земное жела-

ние нашего дорого покойного друга исполнено. Мы нашли потерянного Вальтера Уайльдинга. Как только что сейчас сказал мистер Обенрейцер, вы этот человек!

Эти слова были оставлены Вендэлем без внимания. В этот момент от был полон только одним чувством, он слышал только один голос. Рука Маргариты пожала его руку. Ее голос прошептал ему: «Я никогда не любила тебя, Джордж, так, как люблю теперь!»

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Майский день. В Углу Увечных веселая сцена, камины дымятся, патриархальная столовая увешана гирляндами, и миссис Гольдстроо, почтенная экономка, очень занята. Ведь, в это ясное утро молодой хозяин Угла Увечных женится на его молодой хозяйке далеко отсюда, в маленьком городке Бриге в Швейцарии, лежащем у подножия Симплонского перевала, где она спасла ему жизнь.

Колокола весело звонят в маленьком городке Бриге, через улицу протянуты флаги, слышны выстрелы из ружей и громкая музыка на духовых инструментах. Разукрашенные флагами бочки с вином выкачены под просторный тент на большой дороге перед гостиницей; тут будет шумный пир и угощенье для всех и каждого. Вместе с этими колоколами и знаменами, драпировками, спускающимися из окон, раскатами выстрелов и отзвуками духовой музыки волнуется весь маленький городок Бриг, как и сердца его простых жителей.

Накануне ночью была буря, и горы покрыты

снегом. Но солнце сегодня ярко, мягкий воздух свеж, оловянные шпицы маленького городка Брига блестят, как серебряные и Альпы похожи на отдаленные алые облака, вырисовывающиеся на фоне глубокой синевы неба.

Наивные жители маленького городка Брига построили через улицу арку из зеленых ветвей, под которой должна пройти с триумфом из церкви только что повенчанная пара. С этой стороны на арке сделана надпись: «Честь и любовь Маргарите Вендэль», потому что народ гордится ею до энтузиазма. Всем страстно хочется сделать сюрпризом такое приветствие невесте под ее новым именем, и поэтому отдано распоряжение, чтобы ее повели в церковь окольными кривыми улицами, не объясняя причины этого. План, который не трудно привести в исполнение в маленьком извилистом городке Бриге.

И вот, все готово, и они собираются идти пешком. В лучшей празднично украшенной комнате гостиницы собрались невеста с женихом, невшательский нотариус, лондонский юрист, мадам Дор и некий крупный таинственный англичанин, известный в народе под именем Зоэ Ладелля. Посмотрите же на мадам Дор, в безукоризненной чистой паре собственных перчаток, — она

не поднимает рук на воздух, но обвилась ими вокруг шеи невесты; чтобы обнять ее, мадам Дор, оставаясь верной себе до конца, повернулась к обществу своей широкой спиной.

— Простите меня, моя красавица, — жалобно просит мадам Дор, — за то, что я всегда была его кошкой!

— Кошкой, мадам Дор?

— Обязанной сидеть и караулить мою такую очаровательную мышку, — таково было объяснение слов мадам Дор, сопровождаемое покаянным всхлипыванием.

— Что вы говорите? Ведь вы были нашим лучшим другом! Джордж, моя радость, скажи же это мадам Дор. Разве она не была нашим лучшим другом?

— Без сомнения, моя любимая. Что бы мы делали без нее?

— Вы оба так великодушны, — плачет мадам Дор, утешаясь и немедленно снова предаваясь скорби. — Но я начала с того, что была кошкой.

— Ах! Но словно кошка из волшебной сказки, добрая мадам Дор, — говорит Вендэль, целуя ее в щеку, — вы были истинной женщиной. А в качестве истинной женщины вы склонялись в симпатиях своего сердца на сторону истинной

любви.

— Я не желаю лишать мадам Дор ее доли в объятиях, которые все продолжаются, — вставил мистер Бинтрей с часами в руках, — и не осмеливаюсь мешать чем-нибудь тому, чтобы вы все трое составили там в углу группу в роде трех Граций. Я только говорю, что, мне думается, уже время двигаться. Каково *ваше* мнение по данному вопросу, мистер Лэдль?

— Ясное, сэр, — отвечает Джоэ, любезно оскалив зубы. — Я стал чувствовать себя гораздо лучше, сэр, прожив так много недель на поверхности. Я никогда раньше не бывал и вполовину так долго на поверхности, и это принесло мне огромную пользу. В Углу Увечных я бывал слишком много под ней. На вершине Симплетона я был гораздо много выше нее. Я нашел середину здесь, сэр. И если я когда-нибудь буду ее придерживаться в течение всего остатка моих дней во время веселой пирушки, то это будет за тостом, и я думаю произнести его сегодня: «Дай им, Боже, обоим счастья!»

— Я тоже! — говорит Бинтрей. — А теперь, monsieur Фохт, давайте станем с вами двумя марсельцами и allons, marchons, рука под руку!

Собравшиеся сходят вниз к дверям, где их ждут

все, идут спокойно в церковь и счастливый брак совершается. Когда церемония еще продолжается, нотариуса вызывают на улицу. Когда оно оканчивается, он возвращается, становится позади Вендэля и трогает его за плечо.

— Выйдите на один момент к боковым дверям, monsieur Бендэль. Один. Оставьте madame со мною.

У боковых дверей церкви уже известные нам два человека из Странноприимного дома. Они в снегу и утомлены от дороги. Они желают ему счастья и затем каждый кладет свою широкую руку на плечо Вендэля и один из них говорит ему тихим голосом в то время, как другой пристально смотрит на него:

— Они здесь, monsieur. Ваши носилки, те же самые.

— Мои носилки здесь? Почему?

— Тс!.. Ради вашей супруги. Ваш тогдашний спутник…

— Что с ним?

Говоривший взглядывает на своего товарища, а тот на него.

Оба продолжают держать свои руки на плечах Вендэля.

— Он прожил несколько дней в первом убежи-

ще, monsieur. Погода была то хорошая, то плохая.

— И что же?

— Он прибыл в наш Странноприимный дом третьего дня, подкрепил силы, соснув на полу перед очагом, закутавшись в свой плащ, и решил идти далее до наступления темноты в следующий Странноприимный дом. Он очень боялся этой части пути и думал, что на завтра она будет еще хуже.

— Ну?

— Он пошел дальше один. Он прошел галерею, когда лавина — в роде той, которая упала позади вас близ Гантеровского моста…

— Убила его?

— Мы отрыли его задохшимся и совершенно истерзанным в клочки! Но, monsieur, относительно madame. Мы принесли его сюда на носилках, чтобы похоронить. Мы должны подняться по улице с той стороны. Madame не должна видеть. Будет очень нехорошо пронести носилки под аркой, перекинутой через улицу, пока madame не пройдет под ней. Когда вы будете спускаться, мы все, сопровождающие носилки, опустим их вниз на камни второй улицы по правую руку и станем перед ними. Но не позволяйте madame поворачивать голову по направлению ко второй улице

справа. Уже нельзя терять времени. Madame будет встревожена вашим отсутствием. Adieu!

Вендэль возвращается к новобрачной и берет ее руку под свою неизувеченную руку. У главных дверей церкви их ожидает красивая процессия. Они занимают в ней свое место и спускаются вниз по улице среди звона колоколов, выстрелов из ружей, развевавшихся флагов, звуков музыки, восклицаний, улыбок и слез взволнованного города. Головы обнажаются, когда она проходит, ей целуют руки, все благословляют ее: «Пусть покоится благословение Небес на этой милой девушке. Смотрите, как она идет в сиянии своей молодости и красоты; она, которая так благородно спасла ему жизнь!»

Около угла второй улицы справа он заговаривает с ней и обращает ее внимание на окна на противоположной стороне. Когда угол благополучно пройден, он говорит: «Не оглядывайся, моя любовь, я имею некоторые основания просить тебя об этом», — и сам оборачивается. Тогда, бросив взгляд назад вглубь улицы, он видит, что люди с носилками поднимаются одиноко под аркой в то время, как он с Маргаритой и их свадебный кортеж спускаются вниз к сияющей долине.

Перевод М. А. Дьяконова (1909), под ре-

дакцией М. А. Орлова.